

Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник научных статей

№ 2 (2013)

Издательство Политехнического университета

Санкт-Петербург

2014

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Редакционный совет:

Рудской А.И., чл.-корр. РАН – председатель;
Арсеньев Д.Г., д-р техн. наук, профессор;
Кораблев В.В., д-р физ.-мат. наук, профессор;
Никифоров В.М., профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол РФ;
Прохоренко В.А., д-р филос. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук,
профессор;
Ягья В.С., д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор –
главный редактор;
Малинов А.В., д-р филос. наук, профессор –
ответственный секретарь;
Осинов И.Д., д-р филос. наук, профессор –
заместитель главного редактора;
Жуков А.Ф., д-р ист. наук, профессор;
Павлова О.К., д-р ист. наук;
Живулин В.П., канд. филол. наук, доцент.

Сборник зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9480.

С 2010 года ежегодный сборник «**Международные отношения и диалог культур**» издавался в виде коллективных монографий преподавателей, ученых и партнеров кафедры «Международных отношений» Санкт-Петербургского политехнического университета.

С 2012 года сборник выпускается как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: «**Международные отношения и диалог культур**» = «**International Relations and Dialogue of Cultures**».

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Сборник рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2014.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
St. Petersburg State Polytechnic University

INTERNATIONAL RELATIONS
AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 2 (2013)

Polytechnic University Publishing House
Saint Petersburg
2014

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Editorial Council:

Andrey I. Rudskoy,
Corresponding Member of
Russian Academy of Sciences – chairman;
Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;
Vadim V. Korablev,
Doctor of Science, Professor;
Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;
Alexandr V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;
Igor Y. Timermanis,
Doctor of Science, Professor;
Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin,
Doctor of Science, Professor – Chief Editor;
Aleksey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor –
Executive Secretary;
Igor D. Osipov,
Doctor of Science, Professor – Deputy Editor;
Aksey F. Zhukov,
Doctor of Science, Professor;
Olga K. Pavlova,
Doctor of Science;
Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Scientific articles selection is registered in the International System of Periodicals ISSN-2304-9480.

Since 2010, the annual compilation of “International Relations and the Dialogue of Cultures” was published in the form of monographs by teachers, scientists and partners of the Department of “International Relations”, St. Petersburg State Polytechnic University.

Since 2012, issued as an independent periodical in Russian and in English under the title: «Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and the Dialogue of Cultures».

Scientific articles selection is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication (Certificate of Registration PL № FS 77-52142 December 11, 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by the scientific and editorial policy of the scientific articles selection and by the principles of publishing ethics.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

No part of the publication may be reproduced without clear reference to the source.

The collection is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220
Phone: +7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© St. Petersburg State Polytechnic University, 2014

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

УДК 323

А.К. Акопов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ

Объективным условием становления нового мирового порядка XXI века является «новая информационная эпоха» [1], ознаменованная беспрецедентным внедрением новых информационных технологий, (появление персональных компьютеров, средств телекоммуникации, мобильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет и т. д.).

В развитии современной мировой политики значимую роль играет информационный фактор, что проявляется в таких новых феноменах мирополитической жизни как информационные войны, электронная дипломатия, электронное государство и т. д. Сегодня стало очевидно, что информация становится главным фактором управления современным глобальным миром, основным инструментом властных отношений.

В результате одной из ведущих тенденций современного мирового развития является процесс информатизации:

- проникновение новых информационных технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности (электронные выборы, электронная почта, электронная торговля, социальные сети и т. д.);
- новые формы гражданской активности населения (электронная демократия, трансграничные он-лайн организации и т. д.);
- формирование нового типа политической и социальной культуры в рамках информационного общества (приоритет личности над государством).

Существуют различные подходы к пониманию информационного общества, которые часто обобщаются как теории информационного общества. Их основу составляют воззрения западного научного сообщества, такие как исследования М. Кастельса [2], Д. Белла [3], М. Маклюэна [4], Э. Тоффлера [5], Ф. Уэбстера [6] и т. д.

Современное информационное общество сформировалось в результате четвертой информационной революции, начало которой пришлось на 70-е годы XX в. и под которой подразумевается трансформация общественных отношений под воздействием появления таких новых технологий обработки, передачи и хранения информации как персональный компьютер и Интернет. XX век предъявил серьезные требования к вычислительным устройствам, развитие науки и научного знания в условиях становления постиндустриального общества потребовало обработки огромных массивов информации. Современные информационные сети создают реальную возможность быстрого и удобного доступа каждого пользователя ко всей информации, накопленной за всю историю человечества. Пик внедрения новых информационных технологий, связанных с применением персональных компьютеров и программного обеспечения к ним, средств телекоммуникации, мобильной связи, глобальной сети Интернет и т. д., пришелся на начало 90-х годов XX века и к началу XXI века процесс информатизации охватил практически все сферы человеческой цивилизации, и в первую очередь политической.

Сегодня многие исследователи (например, Д. Белл, Й. Масуда, М. Кастельс, А. Багиров и др.) констатируют, что во многих странах мира происходит процесс формирования открытого информационного общества. В число основных характеристик информационного общества традиционно включают лавинообразный рост количества электронных информационных ресурсов, свободное распространение информации среди населения, свободный доступ к огромным объемам информации, прямое участие граждан в процессе

принятия политических решений и управления. Перечисленные обстоятельства развития информационного общества дают основания сделать вывод, что прежняя система международных отношений, где господствующее положение занимали ведущие державы, которые осуществляли тотальный контроль за мирополитическими процессами и информационными потоками, в результате четвертой информационной революции претерпевает качественные трансформации. Так, серьезным новшеством мирового порядка начала XXI века стало участие различных негосударственных акторов в мировой политике, которые активно используют информационные возможности для своего политического участия.

Рассматривая информационное общество как историческую фазу развития международной системы, следует отметить следующие важные тенденции ее современной эволюции:

- увеличение роли информации и знаний в мирополитической сфере;
- информационные технологии становятся инструментом политического управления в международной жизни;
- создание глобального информационного пространства, которое обеспечивает эффективное информационное взаимодействие граждан, создавая предпосылки формирования глобального гражданского общества;
- увеличение потенциала прямого участия граждан в демократических процедурах.

Анализируя новый мировой порядок необходимо коснуться практической реализации проектов информационного общества в современных государствах. Несмотря на то, что сам термин «информационное общество» и его концептуальное наполнение было дано японскими исследователями (Ю. Хаяши), первые попытки включения идеи становления информационного общества в стратегические планы на правительственном уровне были предприняты в США, Канаде и ЕС. Например, в США было введено

понятие «национальная глобальная информационная инфраструктура», а в документах ЕС и Канады стали активно использоваться термины «информационные магистрали» и «супермагистрали». Все это потребовало значительного усиления в использовании информационно-коммуникационных технологий, которые включают в себя «электронно-вычислительные машины и их комплектующие изделия, оборудование сетей и линии связи, различное программное обеспечение, многочисленные информационные услуги, в том числе услуги связи и передачи данных. Перечисленные программно-технические средства, а также принципы и методы их применения, интегрируются для осуществления эффективного сбора, анализа, хранения, передачи и распространения информации с целью решения различных задач» [7].

Необходимо отметить, что часто в научной литературе в качестве синонима «информационному обществу» используется понятие «постиндустриальное общество» (например, Д. Белл), хотя ряд западных исследователей склоняются к тому, чтобы провести резкую грань между этими понятиями (например, О. Тоффлер). Тем не менее, концепция постиндустриального общества приобрела популярность благодаря тому, что сумела объединить противоположные оценки состояния обществ второй половины XX века, разделенных идеологическими противоречиями в результате Холодной войны. Здесь также стоит упомянуть теорию конвергенции (Р. Арон, З. Бжезинский), согласно которой допускалось постепенное сближение двух систем (капиталистической и социалистической) на базе технологического развития. Сторонники данной позиции были убеждены, что политические и социальные различия современных обществ не могут быть важнее фактора технологического прогресса. Постиндустриальная теория, несмотря на свою популярность, не получила универсального признания, а стала, скорее, отправной точкой для дальнейшего исследовательского поиска западных социологов и экономистов. Тем не менее, к началу XXI века, когда

окончательно прекратил свое существование мировой порядок Холодной войны, доминирующие теоретические позиции приобрели сторонников разделения концепций информационного общества и постиндустриального общества. Аргументация в пользу самостоятельности концепции информационного общества определяется следующими объективными обстоятельствами:

- бурное развитие транснационального финансового капитала стало возможным именно благодаря электронизации мировой торговли;
- главным продуктом и товаром становится не материальное благо, а информация;
- принципы организации и управления в информационном обществе (сетевой и виртуальный) распространяются на все сферы жизни общества;
- тотальная информатизация политической деятельности (партий, международных организаций, правительственных структур и т. д.).

Таким образом, новые фундаментальные достижения в области развития информационных и коммуникационных технологий, их широкое распространение и применение в конце XX – начале XXI века способствуют формированию качественно новых политических, экономических, социальных и культурных отношений, описываемых единым понятием – «информационное общество». Трансформация общественных отношений под воздействием информационного фактора привела к началу формирования новых основ мирового порядка XXI века: трансграничность и наднациональность, сетевой и виртуальный принципы управления, глобальность и взаимозависимость, многоакторность, а также высокая степень информированности граждан мировой цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багиров А. Новые информационные технологии в международных отношениях // Международная жизнь. – 2001. – №8. – С. 90.

2. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. **Белл. Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999.
4. **Маклюэн М.** Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. / М. Маклюэн. – М.: Академический проект, 2005.
5. **Тоффлер Э.** Шок будущего / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002.
6. **Уэбстер Ф.** Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004.
7. Глоссарий терминов информационных и коммуникационных технологий // Международный проект ЮНЕСКО «База знаний в области открытого и дистанционного обучения на уровне высшего образования в странах Балтии и СНГ» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cisbaltic-odl.org/glossary/abbreviations/#%D0%98>

УДК 327(470)

А.Р. Казарян

НОВЫЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ФИНЛЯНДИИ

После завершения Второй мировой войны перед Финляндией стояла задача наладить внутривнутриполитическую ситуацию в стране и обозначить направления развития в сфере внешнеполитической. Послевоенный период вошел в историю как «годы опасности». Саму страну, зарождающуюся в новых условиях, называют «второй республикой».

Несомненным плюсом для Финляндии было то, что она раньше других стран-сторонниц Германии во время Второй мировой войны сумела прекратить военные действия и выбраться из-под германского ига. Это случилось за восемь с лишним месяцев до распада Германского рейха. Тем не менее, тяжелым было положение, в котором оказалась Финляндия после выхода из Второй мировой войны, большими жертвами заплатил финский народ за авантюризм и недалекость своих правителей. 86 тыс. финнов погибло в годы войн против СССР; в упадок пришли промышленность, сельское хозяйство, транспорт. Стране предстояло выплатить значительные репарации (около 300 млн. долл.) в качестве возмещения ущерба, нанесенного Советскому Союзу действиями финских войск на его территории. Сложные экономические, социальные и многие другие проблемы предстояло решить Финляндии в послевоенные годы. После демобилизации и начала трудовой жизни прежний уровень удалось восстановить уже к 1948 году.

Послевоенная ситуация требовала скорейшего урегулирования. Но первоочередной задачей, от которой в определяющей степени зависело решение и всех других проблем, стал поиск новых

ориентиров внешней политики, а главным образом – кардинальная перестройка отношений с Советским Союзом.

Поражение Финляндии в вызванном действиями финских реакционных кругов и поддержанном западными империалистами в советско-финляндском вооруженном противостоянии (1939–1940 гг.), а затем и во Второй мировой войне, в которой она занимала прогитлеровскую позицию, знаменовало собой не только провал антисоветских устремлений, но и крах всей внешнеполитической доктрины, которой придерживались правящие круги Финляндии в течение трех десятилетий.

Многолетний опыт показал, что позиция непризнания и вражды в отношении восточного соседа, сопричастность к антисоветским комбинациям Запада наносит только урон Финляндии и страдания её народу.

Соглашение о перемирии, подписанное в Москве 19 сентября 1944 года, придавшее Финляндии статус побежденной страны, тем не менее, не лишало ее государственной независимости, а также давало право проводить самостоятельную внешнюю политику. Помимо этого, у Финляндии было еще одно преимущество, отличавшее ее от всех других стран, воевавших на стороне Германии: в ней не был введен режим оккупации, потому что СССР посчитал ненужным применить это право победителя. Среди военных, экономических, политических и территориальных положений соглашения, главной целью было «предотвращение возврата Финляндии к прежней политике участия в агрессивных коалициях, создание новых условий для демократизации общественной жизни в стране» [1, с. 17]. Положения, содержащиеся в соглашении, не препятствовали финскому народу и избираемым им органам власти самостоятельно решать свои внутренние и внешние проблемы, ставя при этом преграду на пути сил милитаризма и реакции.

Радикальных изменений после 1944 года не произошло. Политическая система страны оставалась целостной, в том числе все

еще действовала Конституция 1919 года. Государственному советнику Паасикиви было поручено сформировать новый кабинет правительства. До 1944 года Паасикиви находился в «политической опале», и только после завершения войны, его стали активно продвигать «наверх». В этом его поддерживали лидеры «мирной оппозиции» Вуори и Кекконен. Течение, которое появилось после войны, получило название «мирной оппозиции». Хотя, скорее 1943 год можно считать началом ее организационного становления, когда между рандомом оппозиционных групп возник необычный связующий орган – «Комитет совместных действий». Создание «Комитета совместных действий» фактически положило начало образованию «мирной оппозиции». Паасикиви удалось одержать историческую победу над политиками военного времени. Урхо Кекконен получил портфель министра юстиции. Маннергейму не оставалось другого выбора, кроме как назначить Паасикиви премьер-министром правительства широкой коалиции (естественно не без согласия Москвы), которое было ответственно за коренную переориентацию финской политики. Это была победа «мирной оппозиции». Именно деятельность активистов «мирной оппозиции» во главе с Кекконеном и при участии Паасикиви послужила началом формированию новой международной доктрины. Паасикиви оказался именно тем человеком, который действительно смог помочь стране. Финляндия вошла в восстановительный период. Самоутверждение Финляндии на мировой арене началось после избрания Паасикиви президентом страны 19 апреля 1946 года.

Вскоре после вступления на пост президента под заголовком «Моя политика» Паасикиви сформулировал ряд тезисов, призванных служить руководством на будущее. Первым среди них значилась «прочная и искренняя дружба с Советским Союзом». Это означало, что «внешняя политика Финляндии не должна вести к конфликту с СССР». Вторым тезисом было «восстановление суверенитета Финляндии в международных делах». Главную задачу в области

советско-финляндских отношений Паасикиви видел в завоевании доверия Советского Союза, его руководителей и народа к новой политике Финляндии. Установление доверия в отношениях между народами и государствами – процесс обоюдный. Поэтому Паасикиви придавал особое значение тому, чтобы устранить подозрительность финнов в отношении Советского Союза, его политики. На примерах истории он доказывал, что СССР не покушается на государственную независимость и национальную самостоятельность Финляндии, не вмешивается в ее внутренние дела. «Советский Союз, – подчеркивал Паасикиви, – хочет так устроить дела в отношении Финляндии, чтобы он мог доверять Финляндии и чтобы Финляндия больше никогда не выступала на стороне врагов Советского Союза» [4, с. 54]. Кекконен, который был в составе нового правительства, активно поддерживал Паасикиви и всячески помогал ему во внешнеполитических вопросах. Они исходили из того, что политика добрососедства, доверия и сотрудничества с СССР должна быть рассчитана на долговременную перспективу, а отношения с Советским Союзом являются и всегда будут ключевой проблемой внешней политики Финляндии. Паасикиви отмечал «Никогда в будущем наша внешняя политика не должна быть направлена против Советского Союза, и мы должны убедить нашего восточного соседа, что эта наша политика непоколебима» [4, с. 23]. В это же время Мирным договором в Париже в 1947 году был официально установлен суверенитет Финляндии.

Понимая, что нельзя допустить, чтобы Финляндия участвовала в антисоветских коалициях, Кекконен и Паасикиви одновременно с этим задумывались над тем, каким образом согласовать интересы СССР и Финляндии, разрешить прежние проблемы, которые были камнем преткновения в советско-финляндских отношениях, особенно, что касается проблемы обеспечения взаимной безопасности.

Совершенно очевидно, что послевоенная внешнеполитическая парадигма включала в себя поддержание стабильных всесторонних отношений с западными странами, в первую очередь традиционных

отношений со скандинавскими соседями. В то же время национальные интересы Финляндии требовали, чтобы развитие сотрудничества с Западом не наносило вред советско-финляндским отношениям.

Несмотря на то, что парламент большинством голосов одобрил участие Финляндии в Парижской конференции по обсуждению плана Маршалла, президент Паасикиви все же склонил членов парламента к принятию отрицательного решения. Хотя сам он вначале был настроен принять американское предложение об оказании экономической помощи, но, когда выяснилось, что в Москве это будет расценено как недружественный акт, он изменил свою позицию. Вдобавок ко всему, подписанный в Париже мирный договор еще не был ратифицирован, поэтому президенту Финляндии Паасикиви пришлось уступить и отказаться от участия в «плане Маршалла». Как позднее отмечал Кекконен, Паасикиви беспокоило то, что в непростых международных условиях Финляндия вынуждена будет определять свою позицию в отношении спорных вопросов, возникающих между ведущими странами, и в связи с этим он полагал, что для укрепления внешнего положения страны, особенно в первое время после войны, необходимо «стремиться быть невидимым тогда, когда между великими – разногласия» [5, с. 125]. Отсюда и зародилось понятие «политика нейтралитета», которая многие годы определяла вектор развития внешнеполитической деятельности Финляндии.

Изменения внешнеполитического курса Финляндии в 1944–1947 годах требовали дальнейшего становления её на действительно прочную основу, которая исключала бы возврат к прошлому, одновременно гарантируя последовательное и непреклонное проведение новой линии. Таким базисом стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией, заключенный 6 апреля 1948 г. В договоре учитывались взаимные интересы безопасности и сотрудничества двух стран, а также он способствовал установлению твёрдых международных позиций Финляндии, в особенности касающихся независимости и

самостоятельности. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом давал возможность Финляндии «выступать в международных делах с позиций, отвечающих интересам мира и взаимопонимания между народами» [2, с. 11].

Вынужденная частично поступиться свободой действий во внешней политике, Финляндия отстаивала свою независимость и общественное устройство, закрепившись на международной арене на особом месте – некоем среднем между положением союзника СССР и «благожелательного нейтрала». Условия договора, который был подписан 6 апреля 1948 г., были для Финляндии, таким образом, исключительно выгодными, даже настолько, что Кекконен имел смелость в присутствии Сталина в шутку назвать результат переговоров «диктатом Паасикиви» [3, с. 75].

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР стал важнейшей вехой в формировании и дальнейшем упрочении нового внешнеполитического курса Финляндии. Этим документом, вошедшим в историю, как наглядный пример ведения политики Паасикиви, создавалась прочная, долговременная база для развития дружественных, добрососедских отношений между двумя странами. Он включает в себя основные принципы внешней политики Финляндии в послевоенный период, а также создание реальных предпосылок для последовательного проведения Финляндией дружелюбно настроенного внешнеполитического курса, который до сих пор отвечает её национальным интересам.

Значение заключения советско-финляндского договора было и остаётся важным и в контексте более широкой политики Европы, борьбы за безопасность, мира во всем мире и сотрудничества между европейскими странами, актуальность которого возрастала в условиях «холодной войны», развязанной в послевоенный период империалистическими державами Запада.

Советско-финляндский договор наглядно показывает, как две страны, относящиеся к различным социально-экономическим системам, приходят к консенсусу взаимного обеспечения безопасности, налаживают взаимовыгодное сотрудничество, основанное на равноправии. В конечном счете, строят межгосударственные отношения на новой основе, отвечающей в целом, как их собственным национальным интересам, так и интересам касательно поддержания мира и взаимодействия в Европе. О нём можно сказать, что это наиболее примечательный из всех международных документов послевоенного времени.

Одним из центральных положений договора занимают его военно-политические статьи, определяющие принципиально новый подход к решению проблем, касающихся обеспечения взаимной безопасности Финляндии и СССР на двусторонней основе. Впервые эти радикально отличающиеся страны приняли на себя обязательство о взаимной помощи и совместных действиях в случае, если Финляндия или Советский Союз через территорию Финляндии станут объектом военной агрессии. Но также предусматривается, что в случае обнаружения угрозы военного нападения стороны должны будут немедленно консультироваться друг с другом. Данные консультации могут привести к договоренности об оказании взаимной помощи еще до того момента, когда произойдет агрессия против Советского Союза или Финляндии.

Военно-политическая ситуация, складывающаяся в Северной Европе и бассейне Балтийского моря, напрямую влияет на безопасность Финляндии, особенно её северо-западных границ Советского Союза. Поэтому совершенно очевидно, что обязательство двух стран о совместной обороне при возможной агрессии направлено на создание и налаживание мира в этом значимом районе Европы. В этом смысле договор 1948 года служит основополагающим документом, обеспечивающим безопасность на Севере Европы, на всем европейском континенте. Необходимо выделить, что указанный аспект договора

полностью сохраняет свое значение и в современных условиях глобализации. В послевоенной Европе он является одним из первых межгосударственных актов, в котором не только задекларированы, но и непоколебимо утверждены демократические начала общения государств с различным общественно-политическим строем.

Другими словами, договор 1948 года заложил базис советско-финляндских отношений и одновременно стал основой внешней политики Финляндии, отражая принципы мирного «соседского» сосуществования, которым – что особенно важно – была придана форма межгосударственного договорного обязательства. Договор, соединивший Советский Союз и Финляндию, таким образом, стал отправной точкой в налаживании мирного сотрудничества между народами в послевоенной Европе [5, с. 158].

Оценивая значение договора 1948 года в ракурсе внешней политики Финляндии, становления ее международного положения, Кекконен подчеркивал, что «в договоре нашли свое выражение долговременные интересы политики безопасности Финляндии» [60, с. 164]. В свою очередь, Паасикиви особо отмечал, что договором «заложен фундамент, на котором будут поддерживаться основанные на взаимном уважении и доверии хорошие отношения между Финляндией и ее великим соседом... Финский народ, выполняя свои договорные обязательства, будет жить как самостоятельное и суверенное государство» [1, с. 221].

Совпадающий по всем вопросам подход к Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи Советского Союза и Финляндии также отслеживается в ряде других совместных документов, принятых на высшем уровне. В связи с попытками некоторых кругов в Финляндии и на Западе сузить важность договора, принизить его роль, вырвать его из контекста «линии Паасикиви–Кекконена» в начале 70-х годов была разработана формулировка, отражающая главные принципы внешней политики Финляндии, в соответствии с договором 1948 года. Эта формулировка, подтверждающая последовательность и

преемственность в отношениях между СССР и Финляндией, стала важной составной частью основных советско-финляндских документов. Совместно направленный подход к договору 1948 года, ко всем его условиям и положениям, которые прошли испытание, а также были применены на практике в международных отношениях, готовность государств действовать в тандеме и в последующем следовать намеченному в нем курсу, были и остаются одной из важнейших предпосылок укрепления дружбы, взаимодействия и доверия и между Российской Федерацией и Финляндией.

«Линия Паасикиви», а позднее «Линия Паасикиви-Кекконена» была основой внешней политики Финляндии в последующие десятилетия и характеризовалась «расширением ее содержания, возрастающей активностью Финляндии на многих важных направлениях мировой, и, в первую очередь, европейской политики. Она превратилась в заметный показатель стабильности не только по отношению к Северной Европе, но и на европейском континенте в целом. Приверженность Финляндии к нейтралитету и на сегодняшний день является основой в международных делах. [7]. Мир, разрядка и сотрудничество – основные понятия для международной политики Финляндии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Комиссаров Ю.Д.** «Линия Паасикиви–Кекконена»: история, современность, перспективы. – М.: Международные отношения, 1985 г. – 175 с.
2. **Карландер И.** Финляндия – скандинавская модель Европы // Компас. –1994. – № 165. – С. 11.
3. **Кекконен У.К.** Финляндия: путь к миру и добрососедству: статьи, речи, письма. 1943–1978 гг.– М. : Прогресс, 1979. – 295 с.
4. **Паасикиви Ю.К.** Линия Паасикиви. Статьи и речи. 1944–1956. – М., 1958. – 314 с.
5. **Похлебкин В.В.** СССР–Финляндия. 260 лет отношений – М. : Международные отношения, 1975. – 252 с.
6. **Kekkonen U.** Tamminiemi. – Helsinki, 1980.
7. **Погодин С.Н.** Вступление Финляндии в НАТО и позиция России // Международные отношения и диалог культур. – № 2(2013). –С. 58-78.

УДК 239

И.И. Колесник, М.Х. Мукбиль, Р.У. Тугаева

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ
СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
(СИРИЯ, ЙЕМЕН, ИРАК)**

На сегодняшний день политическую и экономическую ситуацию в ряде стран Ближнего Востока (в частности, в Сирии, Ливии, Йемене и Ираке) можно характеризовать как кризисную. Это связано с появлением террористических группировок, целью которых является дестабилизация достигнутого положения этих стран на международной арене. Необходимо оценить роль Российской Федерации в решении появившихся проблем. Россия является политическим стабилизатором в регулировании острых конфликтов на Ближнем Востоке. Анализ событий, происходящих в 2013–2014 гг., позволяет выявить перспективы дипломатического сотрудничества России с данным регионом. Можно констатировать, что в ближайшее время стабилизация ситуации на Ближнем Востоке маловероятна, несмотря на достигнутое соглашение по Сирии и восстановление минимальной стабильности в Египте.

На сегодняшний день развитие ситуации вокруг Сирии продолжает оставаться одним из наиболее важных элементов глобальной политики на Ближнем Востоке. Здесь фокусируется внимание мировых держав – ведущих стран НАТО, России, Китая, а также Турции, Ирана, Израиля, монархий Персидского залива и соседних с Сирией арабских стран. Некоторые авторы, изучающие проблемы Сирии и других арабских стран и видевшие все это своими глазами (нам же ежедневно приходится слышать об этих событиях с

телеэкранов) описывают эти события со своей точки зрения. Так, например, вышла книга автора Эль Мюрида «Если завтра война» М., «Книжный мир», 2013. И следующая книга Марата Мусина и Эль Мюрида «Что будет завтра с нами». Автор Марат Мусин – российский учёный-экономист с мировым именем был очевидцем кровавых событий в Ливии и Сирии. Ему пришлось видеть это всё своими глазами. Но его слова повергают в шок. Он доказывает на фактах, что так называемая «Арабская весна» – это ни что иное как серия захватнических войн последнего времени. Авторы подробно исследуют динамику зарождения и развития самых ужасных военных конфликтов последних лет. В монографии Эль Мюрида «Если завтра война», автор считает, что «арабская весна» стала прямым продолжением практики «цветных революций» и войны в Ираке, явилась достаточно глубоко проработанной схемой, учитывающей резко изменившийся в последние полтора-два десятилетия мир. Современные войны за господство всё более переходят из области материальной в ментальную и информационную. Государство, даже слабое, обладает максимальным числом таких связей и поэтому для демонтажа такой структуры противник вынужден выявить все слабые места и мини разломы, по которым и будут нанесены удары. Автор в своей монографии говорит о событиях в Ливии и называет основные причины войны в Ливии. Основной причиной всех мятежей и недовольства было неравномерное и несправедливое распределение доходов от продажи нефтяных ресурсов Ливии. Второй причиной существования серьезной напряженности в Ливии стала характерная для всех арабских светских режимов несменяемость лидеров – по сути, диктаторов. Все они: и Каддафи, и Мубарак, и Асад, и Бен Али, и Салех, в начале своего правления являлись действительно прогрессивными политиками, принявшими для своих стран крайне важные и значительные решения, способствовавшие выводу их на очень высокие позиции в промышленности, в социальном развитии, укрепили международный авторитет. Однако пребывая

десятилетиями у власти, эти лидеры неизбежно большую часть своих усилий стали тратить на сохранение соответствующего режима личной власти. Идеалы элиты стали совершенно непонятны и враждебны населению. Всё это создало крайне питательную почву для подготавливаемого взрыва – и кризис 2008 года, который, в общем и целом для стран Ближнего Востока оказался более щадящим в силу их меньшей вовлеченности в международное разделение труда, тем не менее, привел к серьезным предреволюционным явлениям. Перейдем к рассмотрению политической и экономической ситуации конкретно в Сирии. Сирия – многоконфессиональная и полиэтничная страна, тем не менее, выработала способность решать возникающие проблемы путем переговоров и согласований между различными группами общества. Существующий режим Хафеза, а теперь Башара Асада, сумел создать во многом уникальный государственный строй, в котором гарантированы права меньшинств их присутствием во власти и силовых структурах. При этом права большинства населения были гарантированы доступом влиятельных суннитских кланов к экономическим рычагам и существенным представительством во властных структурах. Экономика Сирии была и остается сложной и дифференцированной по отраслям и секторам. В сирийском обществе существовали серьезные проблемы. Разные народности в Сирии получали разный доступ к власти, образованию, экономическим и административным рычагам. Тяжелый урон экономике Сирии был нанесен двумя объективными факторами – наличием огромных масс беженцев на территории страны и трехлетней засухой 2008–2010 годов. Беженцы – это в основном палестинцы, проживающие десятилетиями в огромных лагерях, а также беженцы из Ирака, бежавшие во время войны 2003 года. По некоторым данным этих беженцев было от полумиллиона до миллиона человек на начало войны. Все эти люди фактически висели тяжелой ношей на экономике страны. Сирийские события начались приблизительно по ливийскому сценарию. На сирийские события повлияла и пропаганда ведущих

арабских телеканалов «Аль-Джазира» (Катар) и «Аль-Арабия» (Саудовская Аравия). Задачей первого этапа событий в Сирии было создание образа диктаторского кровавого режима, угнетающего своих граждан и не гнушающегося акциями устрашения и уничтожения инакомыслящих. Даже по истечению двух лет войны сирийская оппозиция в целом малоизвестна и практически недееспособна. Информационная война, запущенная извне, на первых парах опиралась на абсолютно недостоверные, и даже абсурдные факты, которые никем не подтверждались. Массированное применение информационного ресурса, имеющего исключительное влияние на формирование общественного мнения в странах Ближнего Востока – телекомпании «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия» – создало благоприятный фон для действия агрессоров. В этой ситуации пропагандистская система Сирии оказалась совершенно неспособной оперативно, и тем более на опережение, реагировать на подобную войну, проигрывая практически по всем позициям. Пока шла война в Ливии, Запад был вынужден ограничивать свою деятельность в Сирии лишь информационной войной и редкими террористическими атаками в основном психологического направления. Запад активно действовал по запугиванию первых лиц режима, заставляя их колебаться и не принимать более жесткие и решительные меры. После ливийской войны во всех странах Ближнего и Среднего Востока были развернуты вербовочные пункты и лагеря первичной подготовки. Ликвидировать эту систему «военкоматов» практически невозможно ввиду их обширной географии – от западного побережья Северной Африки до китайского Синцзяна и даже до Индонезии. Среди погибших боевиков были опознаны уйгуры, пакистанцы, австралийцы, тунисцы, арабоязычные граждане Франции, саудовцы, йеменцы – граждане всех исламских стран региона и исламских общин стран Запада. Несмотря на все сложности и проблемы, сирийское руководство сумело сделать очень серьезные выводы и извлечь опыт из двухлетней войны, к которой изначально Сирия

оказалась абсолютно неподготовленной. Был сделан вывод о невозможности лишить боевиков их важнейшего ресурса, мобилизационного. У сирийского правительства нет никаких инструментов и возможностей уничтожить эти структуры. Эти структуры (подготовка боевиков) находились и продолжают находиться за пределами территории Сирии.

Ирак – одна из стран Ближнего Востока, в которой сохраняется политическая нестабильность, а уровень вооружённого насилия остаётся одним из самых высоких в мире. Республика Ирак обладает крупными запасами нефти и природного газа и является членом ОПЕК. Основную долю доходов бюджета составляет экспорт углеводородов. В результате интервенции США и Великобритании в марте 2003 года был положен конец правлению Саддама Хусейна, Ирак был оккупирован вооружёнными силами США и рядом других стран. Экономика страны за время военного конфликта была разрушена. Президент Ирака Саддам Хусейн был захвачен и казнён.

С 2005 года Ирак возглавляет президент Джаляль Талабани, в 2010 году переизбранный на второй срок. До конца 2014 года за ним будут сохраняться полномочия президента, несмотря на его отсутствие в стране с декабря 2012 года в связи с прохождением лечения в одной из клиник Германии. 30 апреля 2014 прошли Парламентские выборы в Ираке. На выборах были избраны 328 депутатов Совета представителей Ирака. ИСНА – Центральная избирательная комиссия Ирака объявила окончательные итоги парламентских выборов в этой стране. Согласно объявленным данным, первые три места по числу завоеванных парламентских кресел заняли коалиция «Правительство закона» во главе с премьер-министром Нури аль-Малики, фракция «аль-Маватен» (Гражданин), возглавляемая Аммаром Хакимом и фракция «аль-Ахрар» (Свободные), близкая к движению Муктады Садра. Это, однако, не означает, что действующий премьер-министр и его коалиция «Правительство закона» могут в одиночку сформировать

правительство. Для этого им придется вступить в коалицию с одним или несколькими политическими объединениями в Ираке. Между тем, другие политические фракции, в частности группа Айяда Алави, курды и движение Муктады Садра, считавшееся основным конкурентом Нури аль-Малики, уже сейчас начинают переговоры о формировании коалиции для достижения необходимого большинства.

Первые выборы в иракский парламент состоялись в 1925 году. Первоначально в парламент избирались путем двухстепенных выборов, в которых принимали участие только мужчины, граждане Ирака, удовлетворяющие требованиям определенного имущественного ценза. При этом, в парламенте должно было быть по четыре представителя от христианской и иудейской общин. «В Москве рассматривают организацию в установленный срок выборов в палату депутатов Республики Ирак – первых с момента вывода из страны в декабре 2011 года иностранных коалиционных сил – как важное, рубежное событие на пути утверждения стабильности в стране, подтверждение нацеленности иракцев на преодоление внутренних разногласий в духе отказа от узкогрупповых амбиций ради достижения общенациональных демократических целей», – говорится в комментарии департамента информации и печати МИД России. В парламенте Ирака основная роль отводится Совету представителей. Он утверждает государственный бюджет страны, осуществляет контроль за деятельностью исполнительной власти, обладает определенными полномочиями в области государственного управления, в частности утверждает глав Федерального кассационного суда, Генеральной прокуратуры и Департамента судебных инспекций, начальника Генерального штаба армии, ратифицирует международные соглашения. Абсолютным большинством голосов Совет представителей может выразить недоверие любому министру правительства страны, а также досрочно освободить от должности президента Ирака.

Внутриполитическая обстановка в Ираке продолжает накаляться на фоне разногласий между основными политическими силами в парламенте. В стране происходят вооруженные столкновения между иракской армией и исламистскими террористическими группировками в западных провинциях. Обостряется этноконфессиональная рознь между суннитами, шиитами и курдами. Выборы важны и для российско-иракских отношений, которые успешно развивались до сих пор в энергетической и военно-технической сфере. Преимущество российских компаний заключается в готовности – в отличие от многих западных партнеров – работать в сложных условиях внутриполитической дестабилизации в Ираке. Однако нарастающие тенденции децентрализации и влияние на политическую ситуацию в Ираке внешних сил – прежде всего Турции и Саудовской Аравии – вызывают опасения касательно перспектив реализации российских интересов.

2013 год стал самым кровавым в истории Ирака за последние 10 лет. По данным ООН в 2013 году на территории Ирака погибло более 10000 человек. Резкое усиление террористической активности внутри страны привело к ослаблению позиции правительства в управлении страной; религиозные конфликты между шиитами и суннитами усугубили состояние иракской армии. Итогом этого стала полная неготовность правительства и армии к вторжению группировки ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта») в июне 2014 года. В течение одного месяца ИГИЛ заняло значительные территории севера Ирака, в том числе второй по значению город в стране Мосул, а также ряд приграничных территорий в Сирии. В результате только за июнь 2014 года погибло 2400 человек.

В течение последних лет специалистами по Ближнему Востоку неоднократно озвучивался возможный вариант решения конфликтной ситуации – распад Ирака на три этнорелигиозные зоны: курдскую, шиитскую и суннитскую. Сегодняшняя ситуация стала реальной

угрозой существованию Ирака в качестве централизованного государства, созданного в 1920 году.

На сегодняшний день Ирак вынужден в короткие сроки сформировать новое правительство, в котором будут представлены интересы всех религиозных конфессий. Это является необходимым условием для выхода из кризисной ситуации с точки зрения международных наблюдателей, в частности аналитиков США. Но даже в ситуации острого кризиса парламент не может прийти к общему решению. Об этом сообщает газета «Аль-Джазира», публикуя комментарии лидера иракских шиитов Али Аль-Систани, осуждающего неспособность членов парламента к единому мнению. Экс-президент парламента Ирака Усама Аль-Надживи заявил, что не собирается выдвигать свою кандидатуру на новый срок, чтобы предоставить возможность политическим партиям шиитов определить нового премьер-министра. Действующий премьер-министр Нури Аль-Малики считает смену правительства нарушением конституции и даже государственным переворотом, поскольку парламентские выборы, прошедшие в Ираке в мае 2014 года (первые на новом демократическом этапе истории Ирака), показали поддержку партии Аль-Малики, получившей большинство голосов. Однако именно Аль-Малики, возглавивший правительство в 2005 году, подвергается резкой критике, поскольку проводил дискриминационную политику в отношении суннитов.

Политические лидеры США не выражают готовность активного вмешательства в ситуацию в Ираке, несмотря на официальную просьбу иракского правительства. При этом международные аналитики утверждают, что Ирак не в состоянии собственными силами освободить захваченные территории. Поэтому есть вероятность обращения правительства Ирака за помощью к Российской Федерации, которая озвучила свою поддержку в борьбе с террористическими группировками, несущими угрозу мировой безопасности.

В 1990 году Северный Йемен (Йеменская Арабская Республика) и Южный Йемен (Народная Демократическая Республика Йемен) были объединены в одно государство – Республику Йемен. Представители юга заявляют об ущемлении их прав и выступают за провозглашение независимой Демократической Республики Йемен. В феврале 2011 года в Йемене начались выступления с требованием отставки президента Али Абдаллы Салеха, который руководил страной 33 года. Салех отрекся от власти в обмен на иммунитет от уголовного преследования. На досрочных выборах в феврале 2012 года новым президентом на двухлетний срок был избран Абду Раббо Мансур Хади. После окончания срока его полномочий в стране должны состояться президентские и парламентские выборы. Сейчас в Йемене проходит второй раунд национального диалога. В целом политические преобразования идут по намеченному курсу. Об этом на заседании Совета Безопасности ООН заявил Специальный посланник Генерального секретаря ООН по Йемену Джамаль Бен Омар. Он призвал все йеменские политические партии, правительство страны и сообщество доноров к сотрудничеству и координации усилий. Второй раунд национального диалога прошел в рамках Конференции, организованной под эгидой ООН. В ней приняли участие 565 делегатов – представители всех слоев йеменского общества. Представитель ООН процитировал слова президента Йемена Абду Раббо Мансура Хади, который на Конференции по национальному диалогу заявил, что в стране наблюдаются не только политические преобразования, но и трансформация политической культуры. Россию и Йемен связывают традиционно дружественные отношения. По данным экономико-политического справочника «Страны и регионы мира», первый договор о дружбе и торговле между Москвой и Санной был подписан в 1928 г. Дипломатические отношения между странами установлены в 1955 г. СССР активно поддерживал и оказывал существенную и безвозмездную помощь Йеменской Арабской Республике. Позднее

Йеменская Республика (ЙР), заявила о признании Российской Федерации 30 декабря 1991 г. и выразила готовность рассматривать Россию в качестве правопреемницы бывшего СССР во всех действующих международных договорах и соглашениях. По целому ряду ключевых проблем региональной и международной жизни Россия и Йемен придерживаются близких позиций. Развиваются политические и межпарламентские контакты. Торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество с Йеменом на постоянной основе осуществляется с 1956 года. Значительная часть промышленных и социальных объектов на юге современного Йемена была построена при содействии СССР. На долю СССР приходилось более 50 % иностранных кредитов, полученных Южным Йеменом. В 1996 году состоялось подписание Протокола о сотрудничестве между Федерацией торгово-промышленных палат Йемена и Торгово-промышленной палатой России, в 2002 г. был подписан Меморандум о переговорах по вопросам развития торговли, экономического и технического сотрудничества, в 2005 году было подписано соглашение о сотрудничестве между ТПП России и ТПП Йемена. В декабре 2005 года учрежден Российско-Йеменский деловой совет. В июне 2010 года в Москве состоялось 6-е заседание РЙДС, по итогам которого были подписаны учредительные документы о создании Российско-Йеменского торгового дома. С января по ноябрь 2010 года товарооборот вырос на 5,5 % и составил 167,5 млн. долл. США (в 2009 года – 173,8 млн. долл., из которых 173,6 млн. долл. – российский экспорт). Йемену продано 3 тыс. единиц наземного транспорта и 400,8 тыс. тонн сельскохозяйственной продукции. Несмотря на усугубляющиеся проблемы с обеспечением безопасности в ЙР, ряд российских компаний продолжают работать на йеменском рынке. В настоящее время основными направлениями российско-йеменского торгово-экономического сотрудничества, где наработан определенный опыт, являются здравоохранение, энергетика, строительная индустрия, транспорт, сельское хозяйство и

ирригация. На постоянной основе в Йемене работает ряд российских компаний – ОАО «Стройтрансгаз», ОАО «Зарубежводстрой», ФГУП «Здравэкспорт», ОАО «Техностройэкспорт» и «Экспортстрой». В настоящее время в Йемене работает около 300 российских специалистов, в основном врачи и средний медперсонал. Развивается сотрудничество в нефтяной области. Российская компания взяла в концессию два нефтяных блока на юге Йемена. Подрядные работы имеются в виду отдать компании «Роснефтегазстрой». Общий объем товарооборота составил в 2008 году 130 миллионов долларов. При этом йеменский экспорт в Россию незначителен – около 100 тыс. долл., а традиционными товарными группами российского экспорта являются зерновые, машины и оборудование, нефть и нефтепродукты, бумага, изделия из металлов. Йемен поставляет в Россию кофе и морепродукты. Надо отметить, что для создания благоприятных условий для российских компаний, по данным «Полпреда», РФ уже списала несколько лет назад 6,4 млрд. долл. (80%) государственного долга Саны. На развитие взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между Россией и Йеменом сдерживающее влияние оказывают такие факторы, как низкий уровень развития йеменской экономики, нехватка финансовых ресурсов, высокие транспортные расходы, отсутствие взаимоприемлемых схем финансирования проектов. В то же время Йемен сохраняет привлекательность. Есть предпосылки для осуществления проектов в нефтегазовой сфере. Так, недавно Йемен стал экспортером сжиженного природного газа, и там уже работает французская компания Total. По опубликованным данным сайта «Страны мира», ожидается, что ежегодные поступления в госбюджет от налогообложения экспорта сжиженного природного газа составят примерно 2 млрд. долл. Важным направлением развития двусторонних связей остается военно-техническое сотрудничество, в рамках которого рассматривается ряд новых проектов. В настоящее время руководство Йемена стремится модернизировать свои вооруженные силы, а 90% военной техники, состоящей у них на

вооружении, было произведено в СССР. По сведениям РИА Новости, сейчас между военными ведомствами двух стран ведутся переговоры, касающиеся ремонта техники, поставок запчастей, а также обучения йеменских военнослужащих в учебных заведениях РФ. Сотрудничество между этими странами выгодно, так как Йемен занимает важнейшее стратегическое положение и контролирует подступы к Суэцкому каналу, и Россия заинтересована в том, чтобы ее военные и торговые корабли могли пользоваться йеменскими портами, особенно в свете участия российского военно-морского флота в борьбе с пиратами у побережья Сомали. А Йемен, несмотря на определенные успехи, достигнутые в последние годы, остается весьма бедной страной и заинтересован в получении политической, военной и экономической помощи из России. Но это сотрудничество зависит от многих факторов, в том числе и негативных. Как известно, низкий уровень развития экономики Йемена, социальная напряженность, политическая нестабильность – все это присутствует в данной стране и, несомненно, влияет на характер сотрудничества. Для более продуктивного сотрудничества необходимо Правительству Йемена предпринять определенные меры, не для устранения, но хотя бы для сглаживания последствий существующих проблем. Отношения России с Йеменом – один из приоритетов ближневосточной политики России, в Йемене широкое проникновение русской культуры. В Санае и Адене открыты российские культурные центры. Многие молодые йеменцы изучают русский язык. 80% йеменских студентов, уезжающих на учебу за рубеж, проходят обучение в нашей стране. Выпускники российских вузов работают в наиболее важных отраслях экономики Йемена и служат в йеменской армии. Хотя 15 лет назад Йемен начал диверсифицировать свое вооружение, закупая технику во Франции и США, до сих пор до 80% оружия в Йемене – российского производства. Отношения России и Йемена имеют долгосрочный характер. В 2013 году исполняется 85 лет первому Договору о дружбе

и торговле между Москвой и Санной. Российский бизнес традиционно проявляет интерес к Йемену. Существует ряд направлений, по которым у России и Йемена есть перспективы и потенциал сотрудничества. Среди них разведка и добыча полезных ископаемых, энергетика (включая добычу и переработку нефти и газа), развитие инфраструктуры, прежде всего транспортной, создание систем спутниковой связи, сельское и водное хозяйство. 2 апреля состоялась встреча президента России Владимира Путина с прибывшим в Россию с официальным визитом президентом Йемена Абду Раббо Мансуром Хади. Как сообщили ИА REGNUM в пресс-службе президента России, приветствуя гостя, Путин подчеркнул, что Россию и Йемен связывают давние дружеские отношения, «и мы рады принять вас в Москве». «Рады и потому, что вы являетесь главой государства, с которым, как я уже сказал, у нас многолетние добрые отношения, и потому, что вас лично связывают с нашей страной годы, проведенные в России. Вы, как известно, закончили Академию Генерального штаба имени М. В. Фрунзе. Надеюсь, от времени, которое вы здесь провели, у вас остались добрые воспоминания», – сказал он. Президент России также констатировал тот факт, что неплохо развиваются экономические отношения между двумя странами: «К сожалению, общий объем пока маловат, но темп в прошлом году набран неплохой: 43 процента увеличения товарооборота. Есть и другие направления, которые всегда представляли взаимный интерес, в частности, военно-техническое сотрудничество». «Йемен проходит непростой путь в своем развитии, и мы надеемся на то, уважаемый господин президент, что вам удастся восстановить мир, порядок, создать условия для эффективного поступательного развития. Россия будет делать все, что от нас зависит для того, чтобы помочь вам, поддержать вас, с тем, чтобы создать условия для восстановления страны, для ее развития, для того, чтобы поднять жизненный уровень, создать хорошие условия для жизни дружественной нам страны», – заявил Путин. В свою

очередь, президент Йемена отметил: «Я приехал из страны, которую связывают традиционно дружественные отношения с вашей дружественной нам страной еще со времен Советского союза. В этом году мы будем отмечать 85-летие наших двусторонних отношений. Действительно, вы правы, наша страна сейчас переживает непростые времена. Наша страна уже неоднократно переживала подобные сложные времена в своем развитии. Вам известно, что некогда наша страна состояла из двух частей: Северный и Южный Йемен. Это было в 90-х годах. И все это накладывается на глубинную трансформацию, которая происходит в нашем регионе, начиная с 2011 года. Однако я хотел подчеркнуть на примере своей страны, что эти трансформации носят мирный характер». Как подчеркнул он, в самом начале событий 2011 года были опасные инциденты, однако йеменцам удалось избежать гражданской войны, и именно благодаря этому впоследствии создались благоприятные условия для инициативы стран Персидского залива, которая трансформировалась в мирную передачу власти в этой стране. «Все это, еще раз подчеркиваю, удалось нам большими усилиями, поскольку была реальная угроза как раскола в армии, так и раскола в аппарате безопасности на протяжении шести месяцев. Но общими усилиями нам удалось это преодолеть, и Россия сыграла свою важную роль», – подытожил он. И сейчас в нашей стране также произошло важное событие: нам удалось запустить национальный диалог с участием всех основных политических сил. Это диалог, который будет проходить в течение шести месяцев. Это также стало возможным благодаря выбору йеменского народа в пользу национального диалога, а не гражданской войны. И это очень важно. Надо принимать во внимание особенности устройства и исторического формирования нашего общества, которое во многом остаётся племенным. На руках у населения ещё много оружия, и если, не дай бог, вспыхнула бы гражданская война, то это самым негативным образом сказалось бы на положении дел не только у нас в стране, но и во всём регионе.

Подводя итоги, следует отметить, что Российская Федерация играет важную роль при переходе Йемена на демократическую ступень развития; в политической и экономической жизни населения можно зафиксировать некоторую стабилизацию. Поддержка Россией сирийского государства в целом даёт положительные результаты; удалось сохранить структуру власти и начать реализовывать мирную политику. Сотрудничество Ирака с Россией дает надежду на переориентацию страны с религиозно-политических конфликтов на экономическое и социальное развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабский мир: три десятилетия независимого развития // под ред. И. В. Исаева, В. В. Наумкина. М., 1990.
2. Демьяненко А.П. Крушение экспансионистских планов германского империализма в отношении арабских стран (1941–1943 гг.) // Актуальные проблемы современного востоковедения. История. Экономика. М., 1974.
3. Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2005.
4. Львов П. К оценке ситуации в Ираке. 11.12.2013 / Электронный ресурс <http://ru.journal-neo.org/2013/12/11/rus-k-otsenke-situatsii-v-irake/>
5. Львов П. Политика США: развал Ирака практически начался / 25.06.2014. Электронный ресурс <http://geopolitics.by/analytiks/politika-ssha-razval-iraka-praktichieski-nachalsya>
6. Наумкин В.В. «Красные волки» Йемена. Национальный фронт в революции. М., 2003.
7. Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985. М., 1988. С. 337–353, 402–411.
8. Хайдар А.Н. Некоторые аспекты социально-экономического развития Йеменской республики на современном этапе. // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика). Вып. 3. М., 1999
9. Хроника противостояния в Ираке. Сборник аналитических материалов. М., 2010 // Электронный ресурс <http://www.csef.ru/files/csef/articles/479/479.pdf>.
10. Эль Мюрид. Если завтра война. Москва, 2013.

11. Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (декабрь 2011) / Электронный ресурс <http://navoine.ru/irak-dekabr-2011.html>.
12. <http://www.aljazeera.net/portal>
13. <http://www.aljazeera.net/news/arabic//2014/7/4/> زج ع-راك ن ت س ي-ي ن ا ت س ي س ل ا / ق ف ا و ت ل ا-ي ل ع-ن ا م ل ر ب ل ا
14. <http://www.gazetasng.ru/news/show/13647.html>

УДК 327.8

Д.З. Мутагиров

АМЕРИКАНИЗАЦИЯ КАК ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ МИРА

С временным ослаблением противостояния двух миров, в виду распада СССР мир и безопасность народов не только не усилились, но и стали ещё более хрупкими. Борьба общественных систем сменилась борьбой культур и, как считают некоторые, даже цивилизаций.

Современные мировые процессы характеризуются экспансией американизма, ведущейся бесцеремонно, цинично и, попирая все нравственные и иные нормы человечества. Вполне естественно, что тысячелетние культуры древнейших народов мира решительно противостоят навязываемой им бескультурье и дикости. Это не только, и не столько, столкновение цивилизаций, сколько борьба между социальным и асоциальным, между формировавшейся на протяжении тысячелетий моралью и аморальностью, высокими нравственными нормами жизни человека и безнравственностью, между логикой социальной справедливости и логикой силы и вседозволенности, между правом разума и правом силы.

Мировое сообщество состоит из огромного количества социальных и политических обществ, социокультурных систем и цивилизаций. Социумы – это добровольные объединения людей для совместного решения задач, которых невозможно решать в одиночестве. Основой социумов выступают как род, народ, так и орда. Основами абсолютного большинства современных обществ являлись семья, род и народ. Но были и есть также общества, основой

которых являлись орда или пёстрая толпа искателей счастья или образовались в результате смешения разных народов. Общества, вырастающие из семьи, рода и народа, являются естественными, прочными и долговечными. «Если семья, разрастаясь, превратилась в нацию и государство составляет с нацией одно целое, – считал Гегель, – то это большое счастье» [2, с. 50]. Общества же орды и стаи лишены таких глубоких и прочных корней.

Цивилизация – это совокупность родственных систем ценностей народов и обществ, а также ойкумена обществ, формовавшаяся под влиянием всего предшествующего их развития, детерминированного, прежде всего, географическими, историческими, климатическими и иными факторами. Её творцом и душой всегда является конкретный народ, создавший величайшую для своего времени культуру, оказавшую огромное влияние и на соседние народы, и которой человечество продолжает восхищаться века и тысячелетия спустя – египетская, греческая, римская, индийская, китайская, арабская, российская.

Российская и все восточные цивилизации относятся к числу древнейших в мире. В какой-то степени близки к ним южно-европейские и центрально-европейские общества и цивилизации. Для них характерны высокая степень социализации общественных отношений, наличие сложившейся на протяжении тысячелетий систем ценностей, доминирование социального и морального над физиологическим. Социальные изменения происходили здесь медленно, растягиваясь на века и тысячелетия, устойчиво сохранились древние формы социальной организации и норм жизни, существует преемственность поколений. Соответственно, и главными субъектами общественных отношений здесь являются естественные общества и сообщества людей – семья, род, община, этнос. Степень индивидуализации личности здесь всегда была невысокой.

Россия является одной из стран мира с коренным населением, жизнь и судьбы которого на протяжении многих тысячелетий связаны

только с землёй русской. Живя на широчайших просторах Восточной и Юго-Восточной Европы с их многоводными реками, обширными лесами, полями и лугами, имея все необходимое для нормальной жизни, славянским племенам, как и жителям современной России, не нужно было проявлять зависть к соседним народам и агрессивность. Отсюда такие черты русского народа, как широта натуры и открытость души, щедрость, готовность делиться тем, чем он располагает. И в то же время – скромный образ жизни, умеренность в потреблении. Жажда наживы, торгашество, хватательство и накопительство никогда не являлись доминирующими чертами русского характера.

О чертах русского характера написано много – как друзьями русского народа, так и его недругами. Утвердилось мнение о загадочности русской души, русского характера и России как страны в целом. Главными ценностями жизни и лучшими чертами человеческой личности здесь всегда были и пока ещё у большей части населения остаются не золотой телец, индивидуализм и эгоизм, а ум, доброта, коллективизм и отзывчивость. Эти, а также отмечаемые всем миром приветливость, щедрость и гостеприимство россиян, их способность к пониманию и состраданию являются проявлениями свойственных этому социуму гуманизма, коллективизма, человеколюбия и соборности. Естественно, что эти глубокие человеческие и высоконравственные черты русского народа стали факторами, притягивавшими к нему народы с такими же или близкими системами ценностей всего евразийского континента, способствовавшими образованию великого многонационального и действительно много культурного общества. Они же предопределили роль Российской цивилизации в предотвращении эрозии систем гуманистических ценностей человечества и замены их эрзац ценностями, порождаемыми обществами-бастардами. Россия отвергла инквизицию, не принимала участия в религиозных войнах, крестовых походах и сама избежала их, за исключением церковного

раскола, порождённого реформами Никона. Трудящаяся часть населения России всегда оставалась приверженной великим гуманистическим идеалам и коллективистским началам жизни. Здесь социальные законы всегда доминируют над законами физиологии. Неповторимую особенность русского общества лучше многих других понял один из создателей Германской империи, её первый канцлер Отто фон Бисмарк. Отвергая раздававшиеся в Германии призывы к войне с Россией и надежд на победу над ней, он писал: “Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого сомнения. Даже самый благоприятный исход войны (с Россией – Д. М.) никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей...” [9, № 1340].

Ограниченность, умеренность потребностей, свойственная всем тысячелетним цивилизациям и культурам, является фактором не ущербности и слабости, как утверждают апологеты капитализма и гедонизма, а свидетельством примата духа над телом. Высшей целью приверженца буддизма считается просветление, мусульманина – благочестие и творение добра, православного – духовное совершенствование человека. Неслучайно самыми счастливыми считают себя панамцы, индийцы и другие народы, материальное достояние которых достаточно скромное. Это подтверждает, что в определённых отношениях культура, духовные ценности выше и сильнее жизни и смерти. Так, последовательный приверженец индуистской доктрины предпочтёт смерть от голода, находясь рядом с “горой белковой массы”, чем убьёт священную для них корову.

А двуногий хищник, оставшийся в своём развитии на уровне *Homo habilis*, может легко превратиться в каннибала. Человек высокой чести и достоинства скорее пойдёт на смерть, чем совершит бесчестный, с его точки зрения, поступок или чем согласится жить в условиях бесчестия, позора и унижения.

Запад считает нормой рассматривать мировую историю и политику с позиций Европа центризма и Америка центризма, забывая о том, что великие цивилизации и культуры Востока сложились ещё во времена, когда в Европе люди оставались ещё в пещерах и ходили в шкурах. Так, объективные исследователи справедливо отмечают, что все докапиталистические и пост капиталистические формации зарождались на Востоке [4, с. 9–10]. Здесь зародились все мировые религии, делались величайшие открытия человеческого ума. Капитализм с его духом соперничества, наживы и грабежа является первой формацией, к которой Восток переходил при огромном внешнем давлении Европы. Она же навязала Востоку колониальный гнёт и колониальные войны, веками грабил его народы и обрёл их на многовековую отсталость.

США и американское общество – незаконнорождённое дитя и воплощение худших черт индивидуалистских обществ. Это – искусственное и не легитимное для Северной Америки социально-политическое образование, вроде нежеланного плода случайной связи ненавидевших друг друга людей, восставшее после своего взросления против собственных «родителей». Да и обществом, этносом североамериканцев можно считать лишь условно. Все здесь привнесённое извне, искусственное, хотя за четыре столетия здесь сменились несколько десятков поколений людей, считавших эту страну своей родиной.

Предки североамериканцев, убегая от бедствий и невзгод на своих исторических родинах, прибыли сюда в поисках счастья в XVII–XX веках. Безусловно, в абсолютном большинстве своём это были свобододлюбивыми, энергичными и решительными людьми, ибо не

каждому дано решиться на отправку за тридевять земель, на чужбину в поисках лучшей жизни и счастья. Но поскольку страна, в которой пришельцы искали счастье, была заселена коренными народами, изначально объявленными пришельцами неполноценными и неравными им, счастье для себя завоёвывалось ими путём истребления местного населения, жившего ещё родовым строем. Один из руководителей первой английской экспедиции в Новый свет А. Бэрлоу писал: земля там плодородна, в лесах много дичи, виноградные лозы сгибаются под тяжестью гроздей, а туземцы являются “добрыми, любящими и преданными, не способными на хитрость и предательство..., живущими по обычаям золотого века” [1, с. 53].

Обегаемые от притеснений в странах Европы «пилигримы» превращались на новых землях в жестоких завоевателей и кровавых притеснителей. В поисках счастья и благополучия для себя они объединялись в сообщества качественно нового, неестественного типа – в сообщества «искателей золота», «охотников на краснокожих», «охотников за скальпами», «покорителей дикого Запада». Человеческое в поведении этих объединений все больше вытесняется звериным, они превращаются в стаи двуногих хищников с белой кожей, стремящихся уничтожить коренное население и осесть самим на его землях, в орды мародёров и грабителей. И лицемеров, поскольку члены этих орд и шаек творили свои жестокости под масками благочестивых христиан. И никаких моральных и нравственных норм, сдерживающих факторов, добродетели и сострадания. Никакой обязательности, ответственности, верности взятым на себя обязательствам. Только благодаря поддержке и гостеприимству индейцев англичане смогли пережить первую зиму. Индейцы дали им семена, научили выращивать кукурузу, помогали делать запруды, чтобы ловить рыбу. Поселенцы по-своему отплатили за эту доброту. Когда из одной лодки пропал серебряный кубок, “сэр Р. Гренвиль сжёг индейскую деревню и уничтожил посевы кукурузы” [1, с. 53]. Вполне возможно,

что именно жизнь североамериканских колонистов укрепила убеждение Т. Гоббса в том, что человеческое общество до перехода его в гражданское состояние длительное время пребывало в естественном состоянии, где «все воюют со всеми» и «человек человеку волк».

Не случайно, что президенту США принадлежат слова: У США не должны быть постоянных союзников и обязывающих соглашений. У них есть только постоянные интересы. Начисто лишены они чувств признательности, верности союзникам и боевому товариществу, о чем говорят варварские бомбардировки ими своего вернейшего союзника и в Первой, и во Второй мировой войнах Сербии и поддержка противников в тех войнах Боснии и Хорватии. Американцы добиваются своего не превосходством ума, не обеспечением преимуществ системе своих ценностей, не убеждением, а циничным обманом, коварным проникновением во внутрь и разложением изнутри с применением самых недостойных средств и истреблением соперников. Вспомним инструкцию главы ЦРУ А. Даллеса о методах разрушения советского общества, в котором он особое значение придавал привитию советскому обществу культурных и идеологических ценностей американского общества.

Конечно, индустриализация, урбанизация, интернационализация общественной жизни со всеми их последствиями стирают некоторые различия в быте, образе жизни, традициях и культурах разных народов, делают похожими друг на друга как методы производств, так и институты разных обществ. Рост образовательного уровня, особенно во второй половине XX века, значительно упростил представления людей о путях развития человечества, о прогрессе, о передовом и отсталом, о современном и средневековом, о традиционном и модернистском. Многие ценности и нормы человеческой жизни подвергаются переоценке. Почти всегда это происходило с равнением на системы ценностей обществ, оказавшихся в данный момент впереди.

Можно было ожидать, писал американский профессор Самюэль Хантингтон, что после разгрома фашизма Восток и Европа,

объединившись с Советским Союзом, будут совместно противостоять США [7, с. 73] и их экспансионизму. Но правящим кругам США удалось внушить Западу и части Востока страх перед коммунизмом и заставить их смотреть на США как на “ядерный щит” от угрозы “безбожного коммунизма”. Но чтобы стать партнёрами США, нужно принять их правила игры и нормы жизни. Происходит усиленная американизация стран-партнёров США.

Раньше происходила “вестернизация” некоторых стран (реформы Петра в России, заимствование европейских политических институтов и знаний Японией в середине 19 века, реформы в Турции в конце 19 века и в Китае в начале 20 в.). Но тогда это происходило под лозунгом “национальный дух – западные техника и знания”. “Мы примем у запада его машины, но не сердцем, а умом, – писал Р. Тагор. – Мы их испытаем и выстроим для них сараи, но не пустим их в наши дома и храмы...” [6, с. 51, 62]. Американизация же, пришедшая на смену вестернизации, осуществлялась и осуществляется под лозунгом “американский дух – американское знание”. В отличие от Европы, у которой действительно было что заимствовать в XVIII–XIX веках, в том числе и в области науки и культуры, США, сами живущие за счёт других стран путём постоянного выкачивание из них “мозгов”, сырья, энергоносителей и т. д.), не могут предложить миру ничего созидательного, а только лишь разрушительное и разлагающее – алчность и жажду наживы, жестокость и цинизм, аморальность, коррупцию, наркоманию, преступность. Одними из первых это поняли японцы, которые, начиная с 1970-х гг. отказываются от американизации и проводят курс на “азиатизацию”, суть которой состоит в восстановлении контактов с азиатскими странами, пропаганде уникальности единой “азиатской цивилизации”, естественно, во главе с самой Японией, противоположной европейской, и “евразийской дипломатии” и т. д. [8, с. 260–263]

Американизация мира стоит и за так называемыми “новым мировым порядком”, “глобализацией”, “единым миром”,

“естественным лидером” которого правящие круги США без стеснения провозглашают самих себя. По их замыслу, итогом всего должно стать торжество единой универсальной культуры, на статус которой претендует так называемая европейская, а точнее, англо-американская культура. Куда денутся другие, классические культуры, мировые религии, в том числе буддизм, ислам, православие, не приемлющие аморализм и вседозволенность, захотят ли народы с тысячелетними традициями раствориться в этой “новой” культуре, – об этом даже нет и речи. Им также объявляется война под лозунгами борьбы с “нецивилизованностью”, с исламским, православным и т. д. фундаментализмом и терроризмом. Вместе с классическими цивилизациями и культурами должны исчезнуть и связанные с ними мировые религии, очистив поле для американизма и протестантизма.

Правящие круги США делают все возможное, чтобы ускорить этот процесс. Для этого они используют все имеющиеся возможности, гиперболизируют свою историю, свои успехи, достижения, весь свой опыт. Каждое мало-мальски заметное событие в истории США героизировано, политические деятели увековечены не только в камне и бронзе, но и в памятниках духовной культуры: их именами названы города, посёлки, вузы, колледжи, библиотеки, аэродромы, ракеты (Першинг) и боевая техника (Шерман) и т. д. Всемирная история в школах и вузах США изучается всего лишь как эпизоды истории США. Даже две мировые войны, спасение мира от коричневой чумы фашизма, достигнутые преимущественно русским и советским народами, преподносятся школьникам и студентам США как подвиги англо-американского оружия.

Только недомыслием или ненавистью к России и её истории можно объяснить целенаправленную дегероизацию российской истории, предание забвению её самых славных страниц и эпизодов, а в последнее время даже высмеивание героев российской истории и героизма как черты “недоразвитых” и “ненормальных” людей. Именно так ёрничали ненавистники России в “АиФ” [1998, № 40. С. 2] над

подвигом славного сына русского народа Александра Матросова. Делается все, чтобы искоренять из жизни России *русский* дух и превратить её города в некие декадентские центры. Переименовывається все, что связано с именами славных деятелей Отечества – Пушкина, Гоголя, Горького, Толстого, не говоря уж о деятелях русских революций и героях Великой Отечественной войны.

Американский образ жизни, культура, система ценностей насаждаются в России и в странах Востока под прикрытием целого арсенала “теоретических концепций”, рождённых на Западе и слепо повторяемых “современно мыслящими”, как они сами себя называют, людьми в этих странах. К числу последних относятся теории “открытого” общества, идейки об “агрессивной нетерпимости”, о русском национализме, призывы к “терпимости”, к вхождению в “единый мировой рынок” и т. д. Принятие их рассматриваются при этом чуть ли не как свидетельства развитости и высокой культурности, а отклонение – как проявление отсталости или дикости того или иного народа.

Во многих странах созданы и активно действуют институты и фонды “открытого общества”, финансируемые зарубежными фондами и правительствами. Целью их деятельности провозглашено превращение этих стран из “закрытых” в “открытые”. Спрашивается, “открытое” для кого? Ночлежка открыта для каждого, дом, квартира – только для членов семьи, их родных и друзей. Для остальных квартира закрыта. Семья состоит из родителей и детей. Вторжение посторонних в семью и в семейные дела, как правило, к добру не приводит. Общество – это совокупность и постоянное взаимодействие его членов, связанных множеством общего. Это – семья народа или близких по духу и образу жизни народов. Почему эта “большая семья” должна быть открытой для всех? Даже американское общество, состоящее целиком из эмигрантов и их потомков, все больше ограничивает приток новых эмигрантов и закрывает себя от “нежелательных» для себя лиц.

Реформирование общественного строя не по воле большинства собственного населения, а по указанию властей США и их союзников, призваны заменить системы национальных ценностей чужеземными, поставить на службу транснационального капитала огромные природные и людские ресурсы этих стран, разрушить и уничтожить их промышленно-производственный потенциал, равно как и сельское хозяйство, организовать там только вредные для здоровья населения трудоёмкие производства и добычу сырья с использованием баснословно дешёвой рабочей силы, сосредоточив духовное производство в новых метрополиях. В результате общества эти превращаются в некие манкурты, окружающая среда их стран оказывается отравленной, а население – как рабы привязанными к этим производствам и зависимыми от чужеземных “благодетелей” – хозяев производства.

Поскольку в мире существуют тысячи обществ (гражданских, политических, национально-этнических, религиозных, культурных и т. д.), каждое из них в той или иной форме взаимодействует со всеми остальными, оказывает на них определённое влияние, стремится к доминированию или вынуждено подчиняться другим. “Когда одно общество возвышается над другим, непосредственно, осуществляя воздействие на него, на входящие в него социальные группы, равно как и на отдельных граждан, то, очевидно, имеет место их слияние, – пишут французские социологи политики Р. Пенто и М. Гравитц. – Когда одно из обществ соглашается в общей и постоянной форме проводить в жизнь решения, принятые другим обществом, предписывающие ему не входить в контакт с каким-либо третьим обществом, то такое общество тем самым утрачивает свою независимость и право на самостоятельное политическое существование. И, наконец, когда общество соглашается по ряду отдельных пунктов с директивами, исходящими от другого общества, не возлагая на себя общие и постоянные обязательства, оно, несомненно, находится под угрозой утраты своей независимости”

[5, 1972, с. 119]. Частые вояжи руководителей западных стран и Международного валютного фонда в Москву в 1990-х гг., или приглашение ими руководителей России к себе на ковёр с целью диктата им того, что и как делать, наглядно свидетельствовали о том, что Россия действительно находилась под угрозой утраты своей культурной самобытности и независимости.

На Россию и на оболванивание россиян рассчитаны рассуждения “об агрессивной нетерпимости”, которой противопоставляется “терпимость” как проявление зрелости, преувеличенные оценки “русского национализма”, “угрожающего вызова” и антисемитизма. Нетерпимость и вызов с чьей стороны? Куда как правильнее было бы говорить не о терпимости или нетерпимости, а о невмешательстве в дела других стран и в жизнь их народов. Действительно, можно ли относиться терпимо к нагло наступающему аморализму, настойчиво навязываемым по государственным каналам культу гедонизма и пошлости? Мы вторгнемся в ваш дом, оскорбим ваши национальные, религиозные и иные чувства, развратим ваших детей, поиздеваемся над вашей моралью, культурой и традициями, а вы молча терпите? Терпимость в данном случае сродни безразличию, попустительству и безответственности.

Естественно, коль скоро в мире существуют тысячи социумов со своими системами ценностей, необходимо считаться и уважать *право* каждого из них разделять те или иные экономические, социальные, политические, духовные и т.д. взгляды и не навязывать им своих. Воспевать свою культуру следует не как лучшую в мире, а *как наиболее полно отвечающую образу жизни своего народа*, помня при этом, что образу жизни других народов соответствуют другие культуры. И взаимодействовать они должны не под давлением, а добровольно.

“В чужой храм со своим уставом не входят”, – гласит русская народная поговорка. Уже самой этой словесной формулой выражено уважительное отношение русского народа к ценностям других

народов и стран. Англичане говорят: “Будучи в Риме, поступайте как римляне”. Казалось бы, все понятно. Но почему-то не все живущие в России ведут себя как русские и россияне. Немец ведёт себя как немец, еврей остаётся евреем, грузин, азербайджанец и в Москве, и в Санкт-Петербурге ведут себя как грузины и азербайджанцы. Более того, многие из них ведут себя здесь как хозяева, пытаются диктовать русским и другим коренным народам России, что делать и каких ценностей им придерживаться.

Представители немцев, евреев и других народов-гостей входят в руководство России на всех уровнях, избираются губернаторами, министрами, главами правительств субъектов Федерации и даже всей Федерации. Они контролируют крупнейшие промышленные предприятия, научные учреждения, органы печати, радио и телевидение страны. Где, в какой стране мира не столь даже аналогичное, но хотя бы приблизительно похожее положение занимают представители народов России? Справедливое недоумение русского народа и россиян по поводу того, почему в их отечестве существует засилье пришлых людей, сразу же рассматривается как проявления “агрессивной нетерпимости”, антисемитизма и национализма. А в странах с сотнями тысяч русскоязычного населения, лишённого даже права гражданства, а потому и бесправного, политика неравноправия оправдывается под предлогом защиты национальных и государственных интересов. Почему?

Средства массовой информации СССР и России, в которых почему-то доминируют представители “народов-гостей”, строили свою информацию и свои передачи, особенно откровенно в конце 80-х годов и в 90-х, для насаждения американизма, в духе не только неуважения к России, к её истории, литературе и культуре, но и высмеивания их. Передач, посвящённых культуре, музыке, традициям и обычаям народов России, в том числе и русского, почти не осталось, не говоря уже о днях и декадах культур народов

республики. Все или почти все отдано пропаганде американской масс культуры, культ насилия и американского образа жизни.

Каждому здоровому обществу свойственно идеализировать, чтить и воспевать систему своих ценностей и беспристрастно относиться к ценностям (обычаям и традициям) других обществ, стран и народов. Споры о том, что лучше и прогрессивнее: индивидуалистские общества с их культурами или коллективистские общества, бесполезны. История образования Соединённых Штатов Америки, их культура и традиции связаны с индивидуализмом, частной собственностью и жесточайшими борьбой и соперничеством колонистов, а затем граждан этой страны между собой. Здесь честь и достоинство человека уступают перед деньгами. Так, газета «Сан Диего Юниэн Трибюн» сообщала в одном из своих январских номеров 1998 года о том, как некий американец-папа привёл свою только что достигшую совершеннолетия и отличающуюся эффектными внешними данными дочь в редакцию журнала для мужчин «Плейбой», где за гонорар она снялась голой во всех мыслимых и немыслимых позах. «Если тело продаётся, и за это платят большие деньги, то почему не поторговать, а отцу и дочери не стать “партнёрами» по бизнесу? – писала газета – Папаша по сговору с дочкой и мерзопакостным журналом может выставить её голой за хорошие деньги, газета может написать об этом с оттенком одобрения».

Существует мнение о том, что доминирующее положение Запада и, особенно, США в мировой экономике и в получении выгод от глобализации даёт основание полагать, что глобализация во многом может быть сведена к вестернизации, сутью которой ныне выступает американизации. Есть даже исследования, посвящённые этой проблеме под названием «Глобальная вестернизационная революция» [11, 1987].

Есть и так называемые учёные, которые с серьёзным видом утверждают, перехватив формулировки двух тысячелетней давности из Библии о конце старого мира, что достижения Запада являются

наилучшими и окончательными, которые более не подлежат улучшению. Сторонники этой точки зрения утверждают, что американская многонациональная культура, широкий рынок и свободный поток идей делают США «уникально приспособленными к тому, чтобы стать центром глобализации». Поэтому глобализм сегодня Америка центричен, ибо большинство импульсов (как положительных, так и отрицательных) для информационной революции исходит из Соединённых Штатов, которые производят большую часть контента информационных сетей.

И, действительно, большинство контрольных центров информационных сетей расположены в американском обществе, что, безусловно, усиливает американское влияние на содержание и направленность глобализационных процессов. В том числе и по этим основаниям США сами возвели себя в ранг единственного хозяина мира с законами джунглей и стали диктовать народам мира, как они должны поступать в тех или иных обстоятельствах, каких ценностей придерживаться, и строго наказывать тех, кто не подчиняется им. Особенно это проявилось при президентстве Д. Буша Младшего, который вёл себя как повелитель мира. «Мы теперь империя, и когда мы действуем, мы создаём нашу собственную реальность... Мы творцы истории», которую остальные должны просто изучать [10, р. 143], заявлял он. Его преемник в Белом Доме также считает, что США могут участвовать в мировой политике только в роли руководителя и возглавляющего участников соответствующих процессов. Но долго ли может так продолжаться? Движения антиглобалистов направлены именно против Америка центричного направления глобализации.

Индивидуализм свойственен и Англии. О степени отчуждённости людей в британском обществе свидетельствует история двух англичан, рассказанная Б. Франклином Т. Джефферсону, когда они были в Париже в 1787 г. Суть её такова. На скале посреди пролива Ла-Манш находится Эдистонский маяк.

Зимой он совершенно недоступен из-за бурного характера моря в это время года. Поэтому продовольствие и все необходимое для двух смотрителей маяка доставляются осенью, поскольку позже, до наступления весны добраться туда было невозможно. В первый погожий весенний день к маяку выходит лодка со свежими продуктами. Встретив одного из смотрителей, лодочники заговорили с ним:

- Как дела, друг?
- Очень хорошо.
- Как твой товарищ?
- Не знаю.
- Не знаешь? Разве его нет здесь?
- Не могу сказать.
- Разве ты не видел его сегодня?
- Нет.
- А когда ты его видел в последний раз?
- Прошлой осенью.
- Ты что убил его?
- Нет, конечно

Лодочники хотели схватить его как убийцу, но тот настоял, чтобы они поднялись наверх и сами посмотрели, что со вторым смотрителем маяка. Поднявшись наверх, лодочники обнаружили второго смотрителя целым и невредимым и в том же духе, что и первый. Оказывается, они поссорились вскоре после того, как остались одни. Разругавшись между собой, они разделились на “две партии”: заботы о нижней части маяка отошли к одному из них, а о верхней части – к другому. С тех пор они были заняты каждый своим делом и не встречались друг с другом [3, с. 59].

На этом фоне не могут не обратить на себя внимания примеры поведения представителей российского общества в аналогичных и даже экстремальных ситуациях. Так, в своё время весь мир удивлялся и восхищался поведением группы советских пограничников. Оказавшись

в утлой лодчонке в Тихом океане, они не только не потеряли присутствия духа, но и поддерживали друг друга, как могли, и, благодаря этому, выдержали испытания голодом, жаждой и холодом почти 50 дней. Их обнаружили и спасли. На вопросы зарубежных корреспондентов “как вам удалось сохранить присутствие духа и коллективизм в таких экстремальных условиях”, они отвечали, что иначе и не могли поступить, ибо считали это естественным. Или другой пример. Русский моряк-капитан дальнего плавания Игорь Петренко, арестованный в Норвегии по ложному доносу, четыре месяца сидел в камере-одиночке, не имея даже связи с родиной. Позже он признается, что на каком-то этапе следствия ему пришла мысль о самоубийстве. Видимо, свободолюбивый и гордый русский человек не смог стерпеть грубый произвол, проявленный в отношении него демократическими на словах норвежскими властями. Но, скажет он в беседе с корреспондентом 23 февраля 1998 года, в критический момент он сказал самому себе: «ты же русский мужик, что ты делаешь?» и вновь обрёл дух, свойственный русскому человеку.

Действительно, историей России, её культурой, традициями обусловлено приоритетное отношение к коллективизму, содружеству, высокой духовности. Они оптимальны и лучше подходят для жизни её населения. Видимо, не только для России. Не случайно поэтому немецкий мыслитель XVIII в. Гердер видел в русских «носителей высшей человечности, прирождённых освободителей и обновителей человеческого рода. А всемирно известный английский историк Арнольд Тойнби, исследовавший все известные цивилизации, не без оснований считал Россию с её многонациональной и гармонически развитой культурной “моделью мира”.

Далеко не случайно поэтому, что Россия первой восприняла коммунистическую теорию общественного развития, которая отрицает социальное неравенство людей и эксплуатацию человека человеком, и первой в мире приступила к её практической реализации. Она более соответствует коллективистскому духу

трудоустройству России. Последовали семь десятилетий более или менее гармоничного развития российского общества. Экономическая политика соответствовала интересам абсолютного большинства народа, а духовная жизнь развивалась в согласии с историческими, национальными и культурными традициями народов. Отсюда и результаты этой деятельности. Как бы не неистовствовали в своей злобе враги Советской России и СССР, как бы они не очерняли советский строй, отрицать достигнутого в годы народной власти невозможно. Все 70 лет советской власти (без учёта времён войн) среднегодовые показатели роста экономики были самыми высокими в мире. Была преодолена неграмотность и достигнут один из высочайших в мире уровней образованности населения. Почти в два раза увеличилась средняя продолжительность жизни, достигнут один из самых высоких в мире интеллектуальных потенциалов народа, состоявшего из сотен этносов. Развивались все народы, а так называемые малые народы – даже опережающими темпами. Все это обеспечило стране высочайший авторитет в мире. Без её участия не мог быть решён ни один вопрос мировой политики.

Исключительно благотворно влияние российской и советской систем ценностей и на все мировое развитие. Благодаря СССР в международном обиходе утвердились понятия равноправия, взаимное уважение, невмешательство государств в дела друг на друга, право на самоопределение, социальное обеспечение, оплачиваемые отпуска. Благодаря ему впервые за всю свою историю Европа не знала войн и военных конфликтов в течение 40 лет. Мирное соревнование социализма и капитализма в период с 1950 по 1985 год обеспечило достижение самых высоких за всю историю человечества показателей среднегодового роста мирового промышленного производства, темпов повышения жизненного уровня населения, наивысших достижений в здравоохранении, в социальной политике, в науке и технике. Даже западные политологи и социологи, весьма далёкие от симпатий к коммунизму, анализируя

сегодня итоги мирового развития в этот период, делают вывод о превосходстве биполярного мира, олицетворяемого социализмом и капитализмом.

Увы, сегодня все это уже в прошлом. Мы сами помогли (кто прямым участием, кто своим молчанием, а кто своим безразличием) разрушителям своей страны и своего общества. Человечество теперь с каждым пройденным днём все отчётливее осознает, какую потерю оно понесло. Особенно отчётливо это стало видно в дни безнаказанного разбоя стран НАТО в Сербии, когда США, виновные в уничтожении многих миллионов индейского населения, и, державшие в рабстве миллионы африканцев на протяжении веков, вместе со странами, виновными в геноциде и уничтожении десятков миллионов людей (Германия), осуществлявшими геноцид в отношении ирландцев (Англия) и почти 20 миллионного курдского населения, причём единоверцев (Турция), присвоив себе роль защитников справедливости, обрушили ракетные и бомбовые удары на мирные города и села Сербии. Закономерно, что всегда существуют и исключения из правил. В обществе и цивилизации, основанных на индивидуализме, частной собственности, борьбе и соперничестве индивидов, будут и такие группы людей, которые превыше всего ценят коллективистские начала жизни. И, напротив, в обществе с доминирующими коллективистскими нормами встречается немало таких, кто руководствуется в жизни принципами эгоизма и индивидуализма, чувствует себя в коллективистской, солидарной среде не очень комфортно. Они стремятся изменить все общество по образу и подобию своему, а когда им это не удаётся, находят родную для себя среду на чужбине, в странах, где «каждый сам за себя и один бог за всех». Страны с индивидуалистским складом образа жизни, всячески ограничивая доступ к себе сторонникам коллективистского образа жизни, готовы принять из других стран «мутантов» – индивидуалистов, эгоистов-себялюбцев или миллионеров с миллиардерами.

После хорошо организованного и управляемого из Вашингтона «кризиса советской власти» и распада СССР, США объявили себя гегемоном, который якобы отныне вправе решать все мировые проблемы по собственному усмотрению. С тех пор в США говорят только о «руководстве миром», а о Вашингтоне и Нью-Йорке – как о столицах мира. Стремление США к гегемонии в мире сегодня способны противостоять только классические общества мира – прежде всего те, которые образуют БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика). США и их союзники считают своим главным соперником Россию с его огромными просторами, природными ресурсами, величайшей культурой и высокообразованным населением, которые значительно пострадали в 1990-х – 2010-х гг. Как добиться восстановления утраченных позиций России? Каждый из живущих в ней людей, вероятно, будет иметь свой ответ на этот вопрос. Одни видят выход в духовном возрождении страны, другие – в национальном патриотизме. Третьи – в чем-то другом.

Понимание патриотизма и его измерения постоянно меняются, в нем почему-то исчезает социальный аспект. Так, программы даже национально-патриотических сил, в том числе и КПРФ, начинаются с констатации необходимости в защите интересов национальных товаропроизводителей. Теперь уже говорят о защите интересов национального капитала. Это уже чисто буржуазный лозунг. Если следовать логике и признать, что почти весь капитал в России 1990-х гг. – это присвоенное народное достояние, а его обладатели – криминальные элементы, то следующим шагом по логике вещей должна стать защита национального криминалитета. Автор этих строк как учёный, уважающий национальные, патриотические и религиозные чувства всех людей, глубоко убеждён в том, что все они сыграют действительно созидательную роль только при условии, если целью общества и всех его институтов станет достижение всесторонней эмансипации всего населения России и создание оптимальных условий

для его жизни и созидательного труда. Образование, наука и культура общества всегда были и останутся быть главными двигателями их прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великие тайны прошлого. // Ридерз дайжест. –1996. – С. 53.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1972, т. 2, с. 50.
3. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. М., 1990, с. 59.
4. История Востока. Т. 1. Восток в древности, М. 1997, с. 9–10.
5. Пенто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.
6. Тагор Р. Национализм. Пг., 1922.
7. Хантингтон С. Если не цивилизация, то что? (Парадигмы мира после холодной войны // США: Экономика, политика, идеология. – 1994. – № 6.
8. Япония и глобальные проблемы человечества / Отв. ред. В. Б. Рамзес. М., 1999. С. 27, 260–263.
9. Die Grosse Politik der Europaischen Kabinete, B. VI.
10. Eliot Weinberger. What Happened Here. Bush Chronicles (London: Verso, 2006).
11. Theodore H. Von Laue. The World Revolution of Westernization: The Twentieth Century in Global Perspective (New York: Oxford University Press, 1987).

УДК 329

С.Н. Погодин

ВСТУПЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ В НАТО И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

В основе политики национальной безопасности Финляндии лежит принцип военной доктрины, предусматривающий развитие военной обороны страны, а также интеграцию военного планирования с учетом всеобщей обороны страны. Важную роль в этом вопросе играет министерство обороны, выступающее в роли главного организатора планирования и реализации национальной политики в области обороны.

Доклад о финской политике безопасности и обороны получил название «Белая книга». Этот документ разрабатывался совместно с различными министерствами и был утвержден парламентом страны. Опубликованная в 2009 году «Белая книга» дает всестороннюю оценку финской политики в области безопасности и обороны. В документе даны рекомендации по проведению политики безопасности страны с учетом влияния внешних факторов и изменения международной обстановки, а также предложения по принятию необходимых мер для обороноспособности страны [1].

В сфере безопасности Финляндия проводит политику неприсоединения и самостоятельной обороны, выступает за укрепление Европейского региона на основе широкого международного сотрудничества. Важнейшими элементами современной финской политики безопасности являются активное участие в интеграционных процессах в рамках Европейского союза и развитие всестороннего сотрудничества с Российской Федерацией. [2].

С 1955 года Финляндия является членом ООН. Деятельность этой организации наглядно показало стремление страны активно участвовать в вопросах коллективной безопасности. Деятельность Финляндии в ООН наглядно показывает ее политику нейтралитета.

С конца 60-х годов XX века Финляндия выступала инициатором смягчения противостояния между Востоком и Западом. Она приложила огромные усилия, направленные на ослабление напряженности в годы холодной войны и преодоление политического раскола в Европе. Результатом этой политики стало проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся в 1975 году в Финляндии. В принятом Заключительном акте, подписанном всеми странами-участниками совещания, признавался сложившийся статус-кво на европейском континенте, провозглашалось дальнейшее движение по пути разрядки напряженности в отношениях между Западом и Востоком. Документ определил базовые принципы, нормы взаимоотношения и сотрудничества стран-участниц.

Хельсинский Заключительный акт 1975 года впоследствии привел к созданию СБСЕ (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе), который в дальнейшем был переименован в ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). Хельсинский акт также стал основой для других решений ОБСЕ, таких как Парижская хартия для новой Европы (1990) и Стамбульский документ 1999 года [3].

По мнению финнов, ОБСЕ остается весьма востребованной организацией, играющей значимую роль в содействии стабилизации, безопасности и сотрудничеству в европейском регионе. Председательство Финляндии 2008 году в ОБСЕ пришлось на период, когда основы сотрудничества, заложенные в 90-х годах, подверглись испытанию. В качестве председателя Финляндия придала особое значение диалогу, который должен охватывать все проблемы. Это

особенно важно, поскольку ОБСЕ является единственной европейской организацией, в которой на равных представлены все страны Евроатлантического и Евразийского региона. Финляндия поддерживает открытый диалог и стремится найти способы для его активизации в рамках ОБСЕ [4].

В роли председателя Финляндия исходила из соображений открытости и результативного сотрудничества. При принятии решений Финляндия стремилась к упреждающему подходу и тесному взаимодействию со всеми государствами-участниками ОБСЕ. Сотрудничество с государствами-партнерами, другими международными структурами и неправительственными организациями продолжается на основе совместно принятых обязательств.

Всеобъемлющая концепция безопасности, принятая ОБСЕ, включает в себя военно-политическое, экономико-экологическое и человеческое измерение. Финляндия всегда стремилась повысить последовательность работы ОБСЕ, уделяя внимание деятельности, охватывающей сразу несколько измерений безопасности. В настоящее время страна поддерживает проекты, нацеленные на борьбу с торговлей людей, укрепление безопасности границ и совершенствование пограничного режима. Финляндия стремится к повышению дееспособности ОБСЕ и к укреплению существующих переговорных структур, в том числе, путем проведения совместных совещаний и разработки целевых рабочих программ. Она добивается доведения до конца переговоров о международной правосубъектности ОБСЕ и готова к рассмотрению других предложений, нацеленных на повышение эффективности работы организации. Финляндия подчеркивает необходимость обеспечения ОБСЕ достаточными ресурсами для ее деятельности и развития.

Деятельность ОБСЕ основана на общих ценностях демократии, прав человека и верховенства закона. Финляндия подчеркивает значение обязательств, принятых в рамках ОБСЕ, и необходимости их

выполнения. Задачей Финляндии является выполнение политических обязательств, принятых государствами-участниками, во всем регионе ОБСЕ. Для достижения этой цели необходимо усилить механизмы выполнения обязательств. Выполнение обязательств будет также поддерживаться с помощью миссий на местах и проектов, нацеленных на наращивание собственного потенциала государств-участников.

Финляндия подчеркивает важность преемственности в деятельности ОБСЕ. Несмотря на трудности, организация может играть значимую роль при выработке политических решений существующих проблем. ОБСЕ располагает действительными инструментами предупреждения конфликтов, регулирования кризисов и пост конфликтного восстановления. Этот потенциал следует сохранять и развивать далее.

Поскольку Финляндия является одной из немногих европейских стран не присоединившихся к НАТО, для нее существенное значение имеет учет международным сообществом финских национальных интересов при принятии решений по ключевым проблемам мировой и особенно европейской безопасности. Наиболее существенным каналом влияния для Финляндии является Евросоюз. Финское внешнеполитическое руководство неизменно подчеркивает, что со вступлением в ЕС страна получила значительные возможности для продвижения своих интересов. Финны, тем не менее, опасаются, что в результате перераспределения властных полномочий после расширения ЕС и его институциональной реформы возможности страны влиять на процесс принятия решений резко ухудшился.

Европейская политика в области безопасности и обороны превратилась в несомненную составляющую североатлантического пространства безопасности. 1 декабря 2009 года вступил в действие Лиссабонский договор, который превратил европейскую политику в области безопасности и обороны (ЕПБО) в единую политику союза в

области безопасности и обороны. Задача военных и политических структур ЕС – дальнейшее развитие единой политики в области безопасности и обороны, а также политический контроль над операциями Европейского Союза по урегулированию кризисов и стратегическое управление ими. Следует отметить, что Финляндия участвует в совместных операциях ЕС по кризисному регулированию [5].

Комитет по политике и безопасности играет центральную роль в формировании как единой внешней политики и политики в области безопасности, так и политики в области безопасности и обороны. Военный комитет и военный штаб занимаются военными аспектами политики в области безопасности и обороны.

Финляндия поддерживает развитие единой политики безопасности и обороны Европейского Союза, делая акцент на формирование гуманитарного потенциала кризисного урегулирования. Единая политика безопасности и обороны должна обеспечить союзу возможность расширения его гражданских и военных мощностей в сферах кризисного управления и предотвращения конфликтов на международном уровне и тем самым внести вклад в дело сохранения мира и международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН.

Основой европейской политики в области безопасности является действенное партнерство Европейского Союза и НАТО. Ответственность за коллективную военную оборону Европы несет НАТО. Таким образом, Европейский Союз и Североатлантический альянс имеют взаимодополняющие задачи. Согласно соглашению 2002 года «Берлин плюс», при необходимости Европейскому Союзу может быть предоставлен доступ к военным средствам НАТО во время управления кризисами. Следовательно, НАТО полностью поддерживает инициативу Европейского Союза, которая развивается по согласованию с самим альянсом [6].

Финляндия не сразу определилась с отношением к идее развития совместной обороны Европейского Союза и создания «оборонного ядра» союза. По этому вопросу велись большие дискуссии между представителями оппозиционной Национальной коалиционной партии Финляндии, которая поддерживает участие страны в любых европейских структурах, оказывающих то или иное влияние на европейскую политику, и центристами, полагающими, что Финляндия должна участвовать в европейских организациях избирательно, исходя из своих интересов.

Главной озабоченностью финского руководства в отношении внутри Европейского Союза является реализация собственных интересов, несмотря на попытки значительного числа членов ЕС перераспределить властные полномочия в свою пользу. Финляндия поддерживает усиление роли Комиссии Европейских сообществ, считая, что она наилучшим образом обеспечит интересы малых стран-членов [7].

Главной приоритетной задачей 2010 года стало развитие готовности Европейского Союза к быстрому реагированию и созданию боевых групп союза. Боевые группы Европейского Союза это подразделения быстрого реагирования примерно в 1500 человек. Механизм деятельности таких групп рассчитан на 15 дней, из которых пять дней отводится на принятие политического решения и десять – на прибытие подразделения в регион проведения операции.

Концепция боевых групп была утверждена летом 2004 года, на ее основе с начала 2007 года сохраняется готовность к двум одновременным операциям. Боевые группы действуют, прежде всего, по просьбе ООН и могут выполнять задачи по урегулированию кризиса во всем мире. Большинство боевых групп многонациональны, кроме стран-членов Европейского Союза в них входят и еще третьи страны: Турция, Норвегия, Хорватия и Македония.

Финляндия принимала участие в двух боевых группах. В 2007 году страна приняла участие в немецко-финско-голландской боевой группе, а в 2008 году в Северной боевой группе под командованием Швеции. Кроме Швеции и Финляндии, в этой боевой группе принимали участие Эстония, Норвегия и Ирландия. Северная боевая группа Европейского Союза – это военное подразделение, напрямую не входящее в структуры НАТО, но активно с ними сотрудничающее. Считается, что она создана для привлечения имеющих статус нейтральных государств Финляндии и Швеции к военным операциям стран-участниц НАТО.

Участие в боевых группах служит для Финляндии инструментом преобразования своих сил обороны. Этот опыт повышает уровень военной подготовки страны, как на международном, так и на национальном уровне. Более того, участие в боевых группах позволяет стране расширить международное сотрудничество.

В январе 2011 года Финляндия приняла участие в двух боевых группах. Первая группа возглавлялась Нидерландами, в ее состав входили Германия, Австрия и Литва. Данная группа находится в режиме ожидания с 1 января 2011 года. Вторая группа – Северная, в ней Финляндия принимает участие уже второй раз, ее режим боевой готовности 3 января 2011 года. Северная боевая группа Европейского Союза предназначена для выполнения боевых заданий на Северном фланге ЕС и в условиях Заполярья. Радиус действия подразделения определен в 6000 км. От столицы Европейского Союза – Брюсселя. Решение о применении боевой группы принимается Советом Европы. Всего у Европейского Союза двенадцать специализированных военных подразделений различного назначения. Группы обладают способностью самостоятельно выполнять боевое задание в течение как минимум четырех месяцев [8].

Помимо сотрудничества с Европейским Союзом Финляндия плодотворно сотрудничает со Станами Северной Европы, как на двусторонней основе, так и в рамках Северного измерения, Северного совета и Совета министров Северных стран. В рамках этих институтов происходит координация совместных действий Северных стран, направленных на защиту национальных интересов, как отдельных стран, так и Скандинавского региона в целом.

В ноябре 2009 года Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция создали силы коллективного военного взаимодействия – NORDEFCO (Nordik Defence Cooperation), подписав соглашение о сотрудничестве. Соглашение об объединении усилий в сфере обороны было подписано министрами обороны Северных стран на встрече в Хельсинки. Целью этой организации является уменьшение расходов на оборону и одновременно повышение эффективности армии, флота и авиации. По мнению министра обороны Швеции Стена Толгфорса, это сотрудничество позволит также организовать совместные действия в рамках международных миротворческих операций. Главной задачей NORDEFCO является пополнение материальной базы для реализации общих целей в области обороны, а также совместная разработка технологий, имеющих оборонное значение [9]. Страны участники данного объединения будут проводить совместные учения и обмены военными для повешения их подготовки.

Сохраняя политику «военного неприсоединения», Финляндия сотрудничает с НАТО, чья активность в регионе с начала 90-х годов XX века начала резко возрастать. Трансатлантическое сотрудничество и кооперация со странами Северной Европы стали еще прочнее, в современных условиях они определяют судьбу региона и его безопасность.

Подписав в 1948 году «Договор о сотрудничестве и взаимной помощи» с Советским Союзом, Финляндия была сильно ограничена в

своей внешнеполитической деятельности. Согласно договору, перечень доступных стран систем вооружений был ограничен, более того, страна должна была соблюдать нейтралитет по отношению к любым военно-политическим блокам. Именно поэтому Финляндия, являясь страной с демократической формой правления, что предполагало ее вступление в альянс, не входила в НАТО, хотя ее географическое положение было очень привлекательным для блока.

В сентябре 1990 года Финляндия вышла из договора 1948 года, в связи с окончанием холодной войны. Однако через два года был подписан новый договор с Россией, направленный на укрепление взаимоотношений между странами. Согласно новому договору обе стороны признавали нерушимость границ, а неприятное для финской стороны слово «нейтралитет» было заменено на «неучастие в военных блоках» [10].

Проблема взаимоотношения Финляндии с НАТО не так проста, как на первый взгляд это кажется. Финляндия никогда не вступала в военные блоки, и даже после распада СССР продолжает придерживаться выбранной внешнеполитической линии. Однако внутри страны достаточно много политических сил, стремящихся к вступлению Финляндии в альянс. Официально финское правительство продолжает придерживаться политики неприсоединения к каким-либо военным и политическим блокам. Сторонники НАТО говорят не об угрозе со стороны России, а о повышении национального патриотизма. Вступление в альянс, по их мнению, еще более подчеркнет независимость Финляндии на международной арене, избавит страну от ощущения исторического давления со стороны Москвы.

Не являясь членом НАТО, Финляндия активно стремится сотрудничать с этой организацией. После распада Варшавского договора финское правительство установило отношения с альянсом в 1991 году. Уже в следующем году Финляндию, по ее инициативе,

пригласили в Осло на саммит стран НАТО на уровне министров иностранных дел, а страна получила статус наблюдателя в совете альянса. Одновременно был подписан контракт с США о поставках в страну военной техники.

Сотрудничество Финляндии с НАТО построено на давней политике военного неприсоединения и на национальном политическом консенсусе. На этой основе страна выделяет именно те области сотрудничества, которые соответствуют совместным целям и интересам. Финляндия активно развивает свое двустороннее сотрудничество с организацией в программе «Партнерство ради мира», к которой страна присоединилась в 1994 году. Многостороннее сотрудничество строится в рамках Совета Евроатлантического сотрудничества, членом которого Финляндия стала в 1997 году.

«Партнерство ради мира» (ПРМ) – программа военного сотрудничества, которая была создана в 1994 году, для взаимосвязи НАТО с европейскими государствами и бывшими советскими республиками Закавказья и Центральной Азии, которые не являлись членами организации. ПРМ позволяла странам-партнерам развивать индивидуальные отношения с НАТО, самостоятельно определяя приоритетные направления сотрудничества. В основе этой программы лежит приверженность демократическим ценностям, на которых строится Североатлантический союз. Целью программы является повышение стабильности, снижение угрозы миру и укрепление отношений в сфере безопасности между отдельными странами-партнерами и НАТО, а также среди самих стран-партнеров.

Основу программы «Партнерство ради мира» составляет рамочный документ, в котором излагаются конкретные положения для каждой из стран-партнеров. Страна-партнер берет на себя ряд политических обязательств: сохранять демократическое общество, соблюдать принципы международного права, выполнять

обязательства, вытекающие из Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека, Хельсинского заключительного акта и международных соглашений о разоружении и контроле над вооружениями. Также страны должны воздерживаться от угрозы или применения силы против других государств, не нарушать существующих границ государств и разрешать споры мирным путем [11].

Страны-партнеры обязуются способствовать прозрачности государственной системы оборонного планирования и формирования оборонного бюджета, обеспечивать демократический контроль над вооруженными силами, развивать потенциал, необходимый для ведения совместных действий с НАТО в рамках миротворческих и гуманитарных операций. Как закреплено в Рамочном документе, государства-члены НАТО обязуются проводить консультации с любой страной-партнером, если, по мнению этой страны, существует прямая угроза ее территориальной целостности, политической независимости или безопасности.

Сотрудничество ведется и по вопросам военной реформы, борьбы с распространением оружия, снижения угрозы, возникающей в связи с существованием противопехотных мин и арсеналов боеприпасов, готовности к реагированию на стихийные бедствия и катастрофы, научно-исследовательские работы. Следует отметить, что сотрудничество затрагивает практически каждую область деятельности НАТО, включая оборонную политику и планирование, гражданско-военные отношения, обучение и подготовку. Противовоздушную оборону, системы связи и информации, кризисное регулирование и чрезвычайное гражданское планирование.

Для активного участия стран-партнеров в проведении операций под руководством НАТО, эти страны регулярно участвуют в программе учений и боевой подготовки альянса. В рамках этой подготовки в 1995 году Финляндия впервые приняла участие в НАТОвских военных учениях, проходивших на территории Дании.

В рамках программы «Партнерство ради мира» Финляндия поддерживает военные реформы стран-партнеров, в частности проект по поддержанию стабильности в центральной Азии, на Южном Кавказе и на Западных Балканах. В настоящее время данный проект включает в себя операции по разминированию и обезвреживанию неразорвавшихся боеприпасов, уничтожению стрелкового оружия и излишков боеприпасов, а также помощь странам в проведении военной реформы [12].

В 1997 году Финляндия стала членом Совета Евроатлантического сотрудничества (СЕАС), отношения между страной и НАТО перешли на новый уровень. СЕАС является институтом альянса и многосторонним форумом, созданным для улучшения отношений между НАТО и не входящими в нее странами в Европе и Азии, примыкающими к европейской периферии. Совет был создан 29 мая 1997 года в качестве преемника Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС) и работает совместно с программой «Партнерство ради мира». Решение о создании СЕАП соответствовало желанию НАТО продвинуться дальше, вслед за достижениями Совета Североатлантического сотрудничества, учрежденного в 1991 году, по пути строительства форума безопасности для более углубленного и оперативного партнерства. Для развития отношений со странами-партнерами был создан новый форум, в большей мере отвечающий все более сложным требованиям, выдвигаемым для осуществления программы «Партнерство ради мира». На данный момент в состав СЕАП входит 28 стран-членов НАТО и 22 страны-партнера.

СЕАП обеспечивает общие политические рамки для сотрудничества между НАТО и странами-партнерами и для развития двухсторонних отношений между Североатлантическим союзом и отдельными странами-партнерами по линии программы «Партнерство ради мира». Государства-члены сотрудничают и консультируются по целому ряду политических вопросов, и в том числе по вопросам

безопасности. План действий СЕАП предусматривает консультации и сотрудничество по ряду политических вопросов, включая региональные проблемы, контроль над вооружениями, миротворчество, экономические аспекты обороны, вопросы науки и окружающей среды. После трагических событий сентября 2001 года в США стало уделяться больше внимания мерам по борьбе с международным терроризмом [13].

Финляндия открыла свою дипломатическую миссию при штаб-квартире НАТО в Брюсселе, что способствует регулярным контактам и позволяет проводить консультации по важнейшим внешнеполитическим вопросам. Для Финляндии «Партнерство ради мира» стало ключевым моментом в обеспечении Европейской безопасности. Следует отметить, что правительство, придерживаясь вопроса соблюдения нейтралитета и внеблоковой внешней военной политики, тем не менее, принимает участие в миротворческих операциях НАТО. В рамках сотрудничества с «Партнерство ради мира» Финляндия приняла участие в миротворческих операциях в Боснии, в Косово и в Афганистане под руководством НАТО. Эти операции дают ценный опыт финским командирам и войскам, развивая оборонную политику страны, и укрепляют позиции страны в глазах иностранных государств. Следует отметить, что финские войска высоко ценятся в мире.

С 1998 года Финляндия активно заимствует НАТОвские стандарты при формировании своих сил обороны. В структуре финских вооруженных сил находится специальное подразделение, предназначенное для участия в международных миротворческих операциях. Данное спецподразделение называется Силами Быстрого Реагирования Финляндии (СБРФ), оно может быть задействовано и для обороны страны. Хотя это подразделение используется как дополнительное к основному миротворческому контингенту, многие штатные военнослужащие-миротворцы проходят подготовку на базах

СБРФ. Впервые это подразделение было задействовано в Косово в составе KFOR в 1999 году.

Руководство НАТО неоднократно высказывалось за расширение Альянса и дважды заявляло о готовности принять Финляндию в свои ряды в рамках программы расширения блока на Восток. НАТО высоко ценит отношения с Финляндией. С точки зрения Альянса Финляндия является активным и эффективным партнером, который вносит большой вклад в международную безопасность [14].

Важнейшим фактором сближения Финляндии с НАТО, стало то, что в настоящее время задачи Альянса не ограничиваются только общей обороной государств-членов блока, но и затрагивают вопросы регулирования кризисных ситуаций и интенсивное сотрудничество с другими странами. Переориентация НАТО соответствовала концептуальным основам внешней политики Финляндии, которая традиционно приветствовала превентивную дипломатию.

Вопрос о вступлении Финляндии в НАТО начал обсуждаться в политических кругах в 1989 году. Этот год связан в первую очередь с проблемой позиционирования Финляндии в Европе после распада СССР и поиском новой идентичности. «Существует три основных вызова безопасности Финляндии – это Россия, Россия, Россия, – сказал тогдашний министр обороны Финляндии Юри Хякямяес, – в нашем новом правительстве существует много позиций за и против вступления в НАТО. Но пока мы на этот гамлетовский вопрос – быть или не быть – не ответили». Позднее тогдашний премьер-министр Ванханен отметил, «До тех пор, пока Финляндия не вступит в НАТО, страна так и останется «диковиной» для Западной Европы» [15].

Следующий этап обсуждения в правительстве вопроса о вступлении в НАТО приходится на 1995 год. В ходе этого обсуждения было принято решение в поддержку неприсоединения к НАТО и тем самым в очередной раз было подчеркнута приверженность политике нейтралитета. Президент Тарья Халонен,

переизбранная в феврале 2006 года на второй срок, продолжала заявлять, что Финляндия не испытывает «дефицита безопасности» и поэтому в настоящее время нет причин для изменения политики неучастия в военных союзах.

Несмотря на официально провозглашенный принцип нейтралитета, Финляндия активно вовлечена в программы ESDP («Оборонительная политика Европейских государств»), многие из которых проводятся под эгидой НАТО. Таким образом, Финляндия рассчитывает на потенциальную военно-политическую поддержку со стороны Европы в случае возможных военных конфликтов, угрожающих ее безопасности. В Финляндии помнят непростые отношения с СССР, и поэтому Хельсинки стремится поддерживать максимально положительные отношения с Москвой. Сегодня реальной угрозы со стороны восточного соседа не существует, однако Финляндия старается максимально заручиться поддержкой Европейских стран на случай гипотетического масштабного конфликта, в который она может быть вовлечена [16].

Внешнеполитическая доктрина Финляндии констатирует необходимость поддержания трансатлантических связей, которые являются необходимым фактором сохранения стабильности в Европе и на Балтике. Вышедшая в 2009 году «Белая книга по вопросам безопасности и обороны Финляндии», отмечает, что НАТО является единственной международной организацией, способной осуществлять кризисное управление, требующее военного вмешательства, и военные операции по принуждению к миру, а расширение НАТО повышает уровень безопасности в сопредельных с Финляндией территориях.

Финское руководство приветствует «невоенное» сотрудничество с НАТО в общих правилах для защиты окружающей среды в деятельности, связанной с обороной; участие в миротворческих операциях; сотрудничество в невоенной сфере

чрезвычайного планирования. Следует отметить и факт широкого воздействия на Финляндию со стороны НАТО и США. Это влияние ведется через финляндско-американское культурное сообщество, имеющее свои отделения во всех частях страны; финское отделение американского информационного агентства «ЮСИА»; обмен студентами и журналистами; обучение финских технических специалистов, в том числе и военных.

Определяющим направлением влияния НАТО на Финляндию является развитие контактов со странами – членами Альянса по военной линии и в частности по направлению Северного совета. В состав совета наряду с Финляндией и Швецией, входят Норвегия, Дания и Исландия, являющиеся активными членами НАТО. Благодаря этому сотрудничеству военная мощь Финляндии заметно укрепилась. Финские вооруженные силы постоянно модернизируются, в соответствии со стандартами НАТО.

В январе 2008 года Финляндия, Швеция и член НАТО Норвегия создали Северную боевую группу. Эта группа – одно из нескольких тактических формирований, действующих в рамках новой оборонительной политики Европейского союза. Эти мобильные группы должны быть перемещены в районы вероятных конфликтов в течение нескольких дней. Скандинавское подразделение состоит из 2800 солдат из Швеции, Норвегии, Финляндии, Эстонии и Ирландии. Костяк этой группы составляют шведы, на долю которых приходится 2000 солдат. Финская сторона обеспечивает инженерную и противохимическую поддержку, норвежская – полевой госпиталь, эстонская и ирландская осуществляют ответственную миссию прикрытия. На вооружении группы имеются бронетранспортеры, транспортные самолеты и вертолеты. Штаб-квартира Северной боевой группы находится на шведской военной базе.

По данным министерства иностранных дел Финляндии страна и в дальнейшем будет стремиться к развитию многосторонних отношений

с НАТО. Сотрудничая с Альянсом, Финляндия хочет расширить трансатлантические связи в области безопасности и считает блок ключевым элементом обеспечения стабильности в регионе [17].

В 2008 году правительство Финляндии приняло решение о присоединении страны к программе развития стратегической транспортной авиации НАТО. В реализации программы участвуют 13 стран – членов Североатлантического альянса: Болгария, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Румыния, Словения, США, Чехия и Эстония. Программа предусматривает совместные закупки и эксплуатацию трех стратегических военно-транспортных самолетов С-17 производства американской компании «Боинг».

В рамках партнерских отношений с НАТО, Финляндия содействует регулярному политическому диалогу с организацией по вопросам безопасности. Финляндия выразила свою готовность участвовать в операциях под эгидой НАТО и в будущем. В этой связи предполагается сотрудничество в области разработки военной совместимости, будет проводиться более интенсивная подготовка кадров. В 2009 году Финляндия и НАТО подписали соглашение в области оборонных технологий. Данный договор будет способствовать сотрудничеству в новых областях: сетевые технологии, а также проверка и подтверждение оперативной совместимости ключевых систем и технологий.

Несмотря на тесное сотрудничество с НАТО, руководство Финляндии не стремится участвовать во всех военных операциях Альянса. Гражданская война в Ливии 2011 года привела к дискуссиям в политических кругах Финляндии относительно неучастия страны в военных действиях в Ливии под эгидой альянса. На конференции в Лондоне 29 марта 2011 года представители международной коалиции, НАТО, ООН, Африканского союза, Лиги арабских стран обсуждали дальнейшие шаги международного сообщества по отношению к

ситуации в Ливии. Однако Финляндии среди приглашенных стран не было, что и стало поводом для неучастия в военных операциях.

Министр иностранных дел Финляндии Александр Стубб отмечал, что Министерская комиссия по иностранным делам и Президент республики приняли решение, что Финляндия не участвует в международной операции, контролирующей запрет на полеты в Ливии. А. Стубб подчеркнул, что Финляндия среди первых стран осудила действия Муаммара Каддафи, а также в качестве первой страны Европейского Союза предложила введение санкций против Ливии. Кроме того, Финляндия одной из первых стран отправила гуманитарную помощь в Ливию. Министр подчеркнул, что в ходе такой операции каждая страна играет свою роль, и, тем не менее, он не исключил возможности участия Финляндии в операции в Ливии в будущем [18]. По мнению премьер-министра Мари Кивиниеми, участие в ливийской военной операции стало бы отклонением от привычного внешнеполитического курса Финляндии, курса нейтралитета. Также не исключено, что отказ от военных действий был связан с парламентскими выборами в Финляндии, которые состоялись в апреле 2011 года.

Представители национальной коалиционной партии (НКП) и бывший премьер-министр Финляндии Матти Ванхайнен высказались против такой пассивной внешнеполитической линии. М. Ванхайнен резко критиковал финскую политику в ливийском кризисе, он спрашивал, почему правительственная комиссия по вопросам внешней политики и политики безопасности поддерживают резолюцию ООН, однако не предпринимают мер по возможному участию страны в ливийской операции. По его мнению, если Финляндия не хочет принимать участия в операции, то нужно прямо сказать об этом, а не мотивировать свое неучастие отсутствием просьбы [19]. Такая политика отражает пронатовские настроения Национальной коалиционной партии.

Сегодня Финляндия не входит в число стран-членов НАТО, хотя имеет серьезные предпосылки для вступления в блок. Об этом говорят доклады правительства по вопросам безопасности и обороны. Вопрос присоединения к блоку не потерял своей актуальности для страны, а сотрудничество с Альянсом имеет многоплановый характер.

По существу, единственным препятствием для вступления Финляндии в НАТО является негативное отношение к этому финской общественности и российский фактор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Finnish Security and Defence Policy 2009 [Electronic resource] site of the Ministry of Defence of Finland http://www.vnk.fi/julkaisukansio/2009/j_1_turvallisuus-j_12-sakerhets-j_13-finnish/pdf/en.pdf.
2. **Погодин С.Н.** Образ России как фактор формирования российской политики Финляндии // Россия в глобальном мире. – 2013. – № 2 (25). – С. 319-326.
3. The history of OSCE [Electronic resource] site of Organization for Security and Co-operation in Europe <http://www.osce.org/who/87>.
4. «Преемственность, последовательность и сотрудничество» [Электронный ресурс] Сайт Министерства иностранных дел Финляндии <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentId=108694&contentlan=15&culture=ru-RU>
5. Европейская политика в области безопасности и обороны [Электронный ресурс] сайт Министерства обороны Финляндии <http://www.mod.gov.ee/ru/csdp>
6. Improving the European Unions defence capabilities [Electronic resource] site of the Ministry of Defence of Finland <http://www.defmin.fi/index.phtml?l=en&s=417>
7. Внешняя политика Финляндии [Электронный ресурс] <http://suomi-fin.narod.ru/economic/politicout.htm>
8. Finland on standby for two EU battle groups in earli 2011 [Electronic resource] site of the Ministry of foreign affairs <http://formin.finland.fi/public/default.aspx?contentId=208568&nodeld=23&contentlan=2&culture=en-US>.
9. «Страны Северной Европы создали оборонительный союз» [Электронный ресурс] Новостной портал <http://ru.tsn.ua/svit/strany-severnoi-evropy-sozdali-oboronitelnyi-soyuz.html>
10. **Осмо Юссила, Сеппо Хентиля, Юкка Невакиви.** Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 402.

11. Партнерство ради мира [Электронный ресурс] Официальный русскоязычный сайт НАТО http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_50349.htm.
12. Finland and NATO [Electronic resource] site of Mission of Finland to NATO <http://www.finladnato.org/public/default.aspx?nodeid=31554&contentlan=2&culture=en-US>.
13. Совет евроатлантического партнерства [Электронный ресурс] Официальный русскоязычный сайт НАТО http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_49276.htm.
14. NATO's relations with Finland [Electronic resource] official website of NATO http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_49276.htm
15. **Широкорад А.Б.** Финляндия. Через три войны к миру. М., 2009. С.361.
16. Improving the European Unions defence capabilities [Electronic resource] site of the Ministry of Defence of Finland <http://www.defmin.fi/index.phtml?l=en&s=417>
17. National defence policy [Electronic resource] site of the Ministry of Defence of Finland <http://www.defmin.fi/index.phtml?l=en&s=61>
18. **Стубб А.** Финляндия не отправляет истребителей в Ливию [Электронный ресурс] Финский информационный портал YLE <http://yle.fi/novosti/novosti/article2474874.html>
19. Правящие «Центр» и «Национальная коалиционная партия» спорят о роли Финляндии в операции в Ливии [Электронный ресурс] Финский информационный портал YLE <http://yle.fi/novosti/novosti/article2477997.html>

УДК 24.00.01

А.Л. Рябова

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА УСПЕХА В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ

В настоящее время социальная трактовка успешности или неуспеха какого-либо субъекта общества кажется само собой разумеющейся. Понятие успеха настолько прочно вошло в лексику, что стало частью семантической картины мира человека XXI века. Однако, обратившись к исследованию исторических предпосылок возникновения феномена успеха, можно обнаружить, что данная смысловая категория стала частью языковой картины мира сравнительно недавно, а её социокультурное происхождение имеет вполне конкретные истоки. Происхождение феномена успеха, в первую очередь, может быть связано с зарождением американской культуры. Соединенные Штаты Америки, будучи лидером Западного мира, представляют собой направленное на успех общество, в системе ценностей которого это понятие занимает главенствующее место. Поэтому в исследовании феномена успеха нам представляется необходимым обращение к изучению его становления именно в американской культуре, а также к анализу особенностей освещения темы успешности в СМИ Соединенных Штатов Америки.

Форма подачи любой темы в СМИ определяется ожиданиями потенциальной аудитории. Эти ожидания, в свою очередь, обуславливаются ценностными приоритетами, сложившимися в культуре того или иного общества. Доминирующая система ценностей каждой страны складывается под влиянием таких факторов как исторические предпосылки, культурно-религиозные традиции.

Для того чтобы выяснить особенности ожидания американской аудитории от подачи темы успешности в средствах массовой информации, разумно провести анализ системы ценностей на основе которой базируется это понятие. В данной статье будут рассматриваться следующие аспекты: исторические предпосылки возникновения понятия успеха, его основные элементы в аксиологическом разрезе, анализ газетных и журнальных публикаций, посвященных успешности пожилых людей.

В одном из первых фундаментальных трудов, посвященных проблеме успеха *The American Myth of Success* (1969) данное понятие рассматривается как некий миф, система ценностей и установок, через призму которых человек воспринимает окружающий мир и вырабатывает собственные мировоззренческие позиции. Несмотря на то, что понятие успеха как феномена американской цивилизации, появилось во второй трети XIX века, предпосылки к его зарождению возникли во времена раннего американского Пуританизма [1]. Это религиозное течение выступило идеологической основой для формирования национального характера и системы ценностей. Оказывая огромное влияние на все сферы жизни американского общества, Пуританизм укреплял развитие таких ценностей, ставших основой феномена успеха, как индивидуализм, стремление к материальному благосостоянию, понимание высокой значимости образования.

Корни *индивидуализма*, как абсолютной ценности американской культуры, могут быть обнаружены в базовых постулатах раннего Пуританизма:

1. Отрицание авторитета Папы породило осознание того, что каждый человек может напрямую обращаться к Богу. Здесь наблюдается определённая тенденция: человек умен, свободен и независим, он может выступать священником для самого себя.

2. Ликвидировав систему иерархической церковной власти, пуритане создали собственную церковь, как свободную организацию для христиан, где спасение души – личное дело каждого.

3. Пуритане верят в то, что спасение может быть достигнуто самодисциплиной, самосовершенствованием и упорным трудом [2].

Об индивидуализме, являющемся характерной чертой для обществ с пуританским прошлым М. Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» писал следующее: «...поразительно часто повторяющееся, прежде всего в английской пуританской литературе, предостережение не полагаться ни на помощь людей, ни на их дружбу. Один из героев призывает к глубокому недоверию по отношению к самому близкому другу, в то время как другой герой прямо советует никому не доверять и никому не сообщать ничего компрометирующего о себе: доверять следует одному Богу» [3, с. 144].

Индивидуализм, зародившийся в канонах раннего Пуританизма, в дальнейшем лег в смысловую основу концепта «*self-made man*» («человек, сделавший себя сам»), ставшего ключевым звеном в американском понимании феномена успеха.

Формулировка этого концепта была выведена Ф. Дугласом в 1872 году. В своей лекции, посвященной понятию «*self-made man*» он проводит синоним этого феномена с понятием «успешный человек». По определению Ф. Дугласа такая личность достигает успеха *не благодаря* сторонней помощи или содействию, а *вопреки* всем жизненным трудностям и препятствиям. «*Self-made man*» это человек, который, будучи выходцем из низших, беднейших слоев общества, упорным трудом и силой воли достигает успеха и общественного признания. Он не имеет никакой поддержки в лице родителей или наставников, которые, чаще всего просто отсутствуют в его жизни. Ф. Дуглас также отвергает «теорию везения», согласно которой успех – следствие удачи и благоприятно сложившихся обстоятельств. «*Self-*

made man» это человек труда, основными принципами для которого являются честность, увлеченность делом и преследование цели [4].

Данный концепт по-прежнему занимает важное место в понимании успешности в США. Он употребляется в средствах массовой информации, в тех случаях, когда журналист старается создать положительный образ главного героя и вызвать доверие масс к нему. Ярким примером является статья под названием «For a New Political Age, a Self-Made Man» («К новому политическому возрасту, человек, сделавший себя сам») в газете The New York Times. В данном материале этот термин применяется относительно Барака Обамы, который описывается в ключе классического концепта «self-made man», с учетом всех характеристик, перечисленных выше. В материале упоминается, тот факт, что семья Обамы могла прокормиться только благодаря продовольственным талонам, а сам будущий президент вынужден был подрабатывать организатором в беднейших кварталах Чикаго. В статье рассказывается о том, что Барак Обама смог достичь успеха только благодаря труду и самодисциплине [5].

Понятие «self-made man» отражает смысл утверждения о том, что Америка – страна **равных возможностей**. Там, где достижения человека важнее, чем дворянский титул или определённые связи, каждый может добиться успеха при условии готовности трудиться. Идеал «человека, сделавшего себя самого» имеет две следующие исторические функции: способствовать стремлению людей к материальному благосостоянию и внушать мысль о том, что «спасение» может быть достигнуто не только в следующей жизни, но и в этой. Этот образ породил культ постоянной активной деятельности и поиска новых возможностей для самовыражения и продвижению в более высокие социальные слои [6]. Именно поэтому в Америку изначально стремились люди активного личностного склада.

Результаты многих социологических исследований указывают на то, что в США наблюдается следующая устойчивая социальная

установка: упорным трудом и силой собственного характера можно достичь абсолютно любых жизненных целей [7]. В корне этого подхода лежит индивидуализм, как черта национального характера. Именно он определил формирование следующей особенности: все причины успеха или не успеха американцы объясняют внутренними причинами.

Стремление к материальному благосостоянию – еще одна черта национального характера, заложенная Пуританизмом. В рамках данного религиозного направления достижение богатства – способ служения Богу на земле. После изгнания Адама из рая, люди были обязаны добывать себе пищу упорным трудом. Труд, таким образом, приобретает религиозную ценность, становится христианским долгом. Чем больше человек работает, тем он больше богатеет. Следовательно, материальный достаток – индикатор трудолюбия пуританина [8].

Что касается выбора профессии, то в Пуританизме в качестве главного критерия ее угодности Богу служит «доходность». Если Бог предоставляет возможность приумножить собственное материальное благосостояние, то верующий христианин обязан воспользоваться этим шансом. «Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и, не вредя другим, законным способом заработать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания (calling), вы отказываетесь быть управляющим (steward) Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть». ... В качестве же следствия выполнения профессионального долга богатство морально не только оправдано, но даже предписано» [9].

Историк И.Г. Вилли, исследуя американскую идею успеха, приходит к выводу, что этот феномен может принимать разные формы, в то время как его основной компонент всегда остается неизменным: богатство [10]. То есть в США основной критерий, по

которому оценивается успешность – количество денег и материальных ценностей, которыми обладает человек. В то же время И.Г. Вилли замечает, что понятие успеха в американском понимании нельзя полностью относить к богатству, так как последнее зачастую рассматривается не как конечная цель, а как инструмент [11].

В современных средствах массовой информации, в публикациях, рассказывающих о том, как правильно готовиться к выходу на пенсию, в большинстве случаев, речь идет о финансовой стороне вопроса. Часто подобного рода статьи построены в форме тезисного перечисления советов: что надо делать, чтобы в пенсионном возрасте быть успешным. Первым пунктом всегда идет разумное планирование финансов. В качестве примеров можно привести две следующие статьи: «8 habits of highly effective retirees» («8 привычек высокоэффективных людей пенсионного возраста») и «Retirement advice from active retirees» (Советы по выходу на пенсию от активных представителей пожилых людей) из газеты The Wall Street Journal [12, 13]. Заметим, что успешность людей пожилого возраста в данных публикациях представлена авторами через слова «активный», «высокоэффективный». То есть, наряду с разумным финансовым планированием для того, чтобы быть успешным, представитель данной возрастной группы должен сохранять активную жизненную позицию и активность.

Образование как ценность, заложенная Пуританизмом, основывалась на идее всеобщего просвещения: каждый должен был уметь самостоятельно читать Библию. Первая школа была создана в 1635 году и получила название Roxbury Latin School. Через год после ее открытия, в 1636 году был основан Гарвардский колледж. Основной целью образования пуритане считали христианское воспитание, поэтому центральным объектом изучения в первых школах была Библия. Образование последующего поколения также было необходимо для дальнейшего «очищения» церкви и совершенствования уклада социальной жизни [14, с. 148–151]. Стремление к всеобщему

просвещению в американском обществе, таким образом, определило еще один критерий успеха: образованность, обладание знаниями.

С протестантской трудовой этикой связывают появление понятия американской мечты. Этот термин был употреблён в 1931 году Д.Т. Адамсом в книге «Эпос Америки» [15]. Центральной идеей понятия американской мечты является идеал свободы и богатства. Американская система представляет собой скелет американской политики, в то время как американская мечта олицетворяет ее душу [16, с. 17]. Важнейший компонент этого концепта выражается во фразе «rags to riches» («из грязи в князи»). Это понятие самым тесным образом связано с концептом «self-made man», рассмотренным выше. Концепт «американская мечта» всегда ассоциируется с понятием успеха, который является его центральным элементом: каждый человек, обладающий определенным талантом и готовый к упорному труду, обязательно достигнет его [17].

Исторические предпосылки культа успеха в США обнаруживаются в идее американской исключительности, сформулированной в трудах А. де Токвиля и Д. Уинтропа. Суть этого подхода заключается в утверждении о богоизбранности американского народа. Именно ему было предназначено основать «город на холме», новую страну, свободную от папизма и грехопадения. Америка предстает в роли миссионера, призванного распространять богоугодные ценности по всему миру [18]. «Американский вариант мифа о высшей расе сопровождал нас с первых дней основания колонии Массачусетского залива. Убеждение в том, что мы являемся избранным богом народом и обладаем божественным мандатом распространить наши благородные демократические институты по всему остальному погруженному во мрак миру, поощряло нас нести на себе бремя белого человека... Мы, американцы, продолжаем верить, что являемся могущественной нацией не потому, прежде всего, что нас наделили чудесными природными ресурсами, а потому, что в наших генах было нечто

врожденное, которое дало нам возможность стать великими» [19, с 156]. Ориентация на успех, обусловленная историческими событиями, органично встраивается в систему установок принадлежности к нации. Статус американца автоматически означает, что человек уже избран Богом, он соответствует важнейшему критерию успешности.

Для жителей США в целом характерна уверенность в привлекательности американской модели успеха для других народов. Соответственно, американцы верят в то, что они находятся в позиции превосходства над другими странами, они более успешны по причине принадлежности к своему народу.

В процессе изучения литературы, нами была отмечена следующая особенность объяснений социальных явлений окружающего мира, заложенная Пуританизмом: радикальность суждений. В понимании пуритан отсутствовали полутона в социальной реальности: либо ты трудишься в поте лица и достигаешь богатства, либо ты не занимаешься богоугодным делом – трудом, и соответственно, беден; в ином мире ты либо будешь спасен, либо проклят. Мир, таким образом, делится на черное и белое, победителей и проигравших. В американском понимании успех – абсолютная ценность, желанная для каждого человека. Американцам представляется естественным утверждение, что все люди стремятся к успеху. Следовательно, если человек не достигает успеха, он причисляется к категории проигравших, неудачников.

Отличительной чертой американского варианта трактовки понятия успех является также такой критерий как известность. Для того, чтобы успех был оценен социумом, существует необходимость общественного признания. В частности, в словаре *The Cambridge Thesaurus of American English* приводятся следующие синонимы словосочетания «успешный человек»: *celebrity, star, VIP, somebody, winner* (знаменитость, звезда, «очень важная персона», кое-кто, победитель) [20, с. 447]. Доминирующее значение здесь – известная

личность. В средствах массовой коммуникации в качестве успешных людей также преимущественно представляются знаменитые бизнесмены, политики, юристы, актеры. Например, журнал «Success» («Успех») позиционируется как издание, в котором публикуются советы «экспертов по достижению успеха». Это известные общественные деятели, бизнесмены (в каждом номере печатается интервью с успешным человеком, фотография которого выносится на обложку) менеджеры, предприниматели и другие лидеры, достигшие выдающихся результатов в своей сфере.

Перечисленные особенности социального восприятия феномена успеха в американской культуре, берущие начало в канонах пуританизма, не претерпели глобальных изменений и обнаруживаются также в XXI веке. Они прослеживаются и в современных средствах массовой информации. Понятие об успешности в американском обществе по-прежнему базируется на таких характеристиках как индивидуализм, стремление к материальному благосостоянию, придание особой значимости образованию. К критериям успешности, предъявляемым к личности в американском обществе, относят следующие: способность к упорному труду, наличие определенного таланта или способностей и, как результат, обретение богатства и общественного признания. Денежный успех является фундаментальной основой в оценке успешности. В качестве подтверждения этому могут выступать исследования лингвистов, изучающих особенности дефиниций понятия успеха в современных словарях и текстах художественной литературы и СМИ. Константность американской модели успеха, в частности, рассматривается в работе Н.Д. Паршиной [21]. Лингвистический анализ семантического поля концепта «успех» обнаруживает признаки культуры, связанной с необходимостью достижения цели. США принадлежат к странам-носителям данной культуры, успех – центральное понятие.

Изучение литературы, посвященной вопросу успеха, позволяет нам сделать следующее наблюдение: американская модель успеха

имеет достаточно постоянные фиксированные рамки и критерии. Здесь целесообразно вновь обратиться к идее американской мечты, атрибуты которой представляют собой фиксированный список ценностей, которыми обладает средний класс. Можно отметить, что в американском варианте английского языка для дефиниции понятия успех чаще всего используются глаголы. Это указывает на то, что для американцев успех – результат активных действий, труда, изменение состояния, статуса.

На этот же аспект указывают С.А. Хахалова и С.В. Туманова, отмечая, что в построении фраз со словом «успех» в английском всегда участвует конкретный исполнитель: «I succeed» («Я преуспеваю») [22]. Мы знаем, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, «что делаю я», а можно подходить к жизни с позиции того, «что случится со мной», следуя пассивной жизненной позиции. Активный подход означает особенное внимание к действию и к акту воли («я делаю», «я хочу», «я могу», «я стараюсь»). При пассивном подходе, акцент делается на «бессилии» («я ничего не могу <с>делать», «разные вещи случаются со мной» «у меня не получается»). Американцам свойственен активный подход. Это еще раз подтверждает идею, рассмотренную выше о том, что для американцев в достижении успеха не свойственно надеяться на везение и счастливые стечение обстоятельств.

Таким образом, обозначив проблемное поле концепта «успех», мы выяснили, что в американском обществе существуют достаточно фиксированные смысловые рамки данного понятия. Необходимо отметить, что одну из ключевых позиций в данном понятии занимает идея об упорном труде, который ассоциируется, в первую очередь с профессиональной деятельностью и образованием. Следовательно, исследуя феномен успеха в геронтологическом дискурсе, мы считаем целесообразной постановку следующего вопроса: тождественны ли критерии успешности к людям пенсионного возраста? С наступлением

пенсионного возраста многие граждане прекращают работать, поэтому, возможно, общество предъявляет к ним иные критерии успешности.

Изучая литературу по данному вопросу, мы пришли к мысли о существовании двух параллельных линий: успех как богатство и общественное признание (макроуровень) и успех как ежедневные победы конкретного индивида в рамках его собственной жизни (микроуровень). Под первым вариантом успешности представителей группы пожилых людей подразумевается социальный слой людей, к которому относятся знаменитые личности, обладающие славой и богатством. В США опубликовано множество научных и публицистических статей и книг, раскрывающих тему успеха знаменитых личностей. Их центральные идеи можно отразить следующими тезисами: возраст это всего лишь цифра, начать новое дело никогда не поздно, можно преуспеть в любом возрасте и т. п. В подобных публикациях, как правило, приводится список известных людей, достигших успеха в пожилом или старческом возрасте, и описывается сценарий развития их жизненного пути. Практически всегда успех этих людей связывается с определенной профессиональной деятельностью, будь то сфера бизнеса или искусства. Второй вариант социальной оценки успешности представителей пожилого возраста связан с жизнью обычных людей. Не обладая большим богатством или влиянием в обществе, они стремятся сделать социальную действительность вокруг себя лучше. В качестве примера микроуровня можно привести статью С.Д. Ватсона (имеющего две докторские степени в области психологии развития и педагогики): «Success in old age» («Успех в старшем возрасте»). В публикации ученый перечисляет людей, достигших успеха в возрасте 80–90 лет и старше. К ряду таких имен как П. Пикассо, Б. Франклин он причисляет и бабушку своей жены, которая, старательно приготовив вкусный праздничный ужин для всей семьи, мирно умирает той же ночью. С. Ватсон говорит о том,

что успех в старшем возрасте – удел не только знаменитостей, он возможен и в жизни обычного человека. Жить честно, почитать Бога и добросовестно выполнять обязанности по передаче опыта и знаний последующим поколениям – это и есть успех, по мнению ученого [23].

В результате проведенного анализа мы выявили основные ценности, являющиеся базой концепта «успех» в социальном восприятии американской аудитории. К ним относятся стремление к материальному благосостоянию, трудолюбие, индивидуализм, и образование. Особенности подачи темы успешности в СМИ, как отмечалось ранее, зависят от ожиданий потенциальной аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Weiss. R.** The American myth of success: from Horatio Alger to Norman Vincent Peale. New York: Basic Books, 1969. 276 p.
2. **Kang N.** Puritanism and its impact upon American values. ... P. 148–150.
3. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма. // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990.
4. **Douglass F.** Self-Made Men. Address before the students of the Indian Industrial School at Carlisle, Pa // The Library of Congress. URL: <http://memory.loc.gov/cgi-bin/ampage?collId=mfd&fileName=29/29002/29002page.db&recNum=0&itemLink=/ammem/doughtml/dougFolder5.html&linkText=7> (reference date 27.12.2013).
5. **Kantor J.** For a New Political Age, a Self-Made Man // The New York Times. 2008, August 27.
6. **Wyllie I. G.** The self-made man in America: the myth of rags to riches. New York: The Free Press, 1954.
7. **Huntington S. P.** Who are we? The challenges to America's national identity. New York: Simon and Shuster, 2004.
8. **Foner E.** Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party Before the Civil War. New York: Oxford University Press, 1970.
9. **Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. С 190–191.
10. **Wyllie I. G.** The self-made man in America: the myth of rags to riches.... 1954.
11. Там же.

12. **Hearn J.** 8 habits of highly effective retirees // The Wall Street Journal. 2013, May 15.
13. **Coughlin J.** Retirement advice from active retirees // The Wall Street Journal. 2013, August 1.
14. **Kang N.** Puritanism and its impact upon American values. ... P. 148–151.
15. **Adams, James Truslow.** The epic of America. Simon Publications, 2001.
16. **Safire W.** Safire's political dictionary. New York: Oxford University Press, Inc, 2008.
17. **Cullen J.** The American dream: a short history of an idea that shaped a nation. Oxford: Oxford University Press, 2003. 221 p.
18. **Питин А. В.** Пуританизм и формирование идеологических предпосылок войны за независимость в США // Вестник Челябинского государственного университета. –2008. – № 14. –С. 17–21.
19. **Гаджиев К. С.** США: эволюция буржуазного сознания. М.: Мысль, 1981.
20. The Cambridge Thesaurus of American English / Compiled by William D. Lutz. Rutgers University: Cambridge University Press, 1994.
21. **Паршина Н. Д.** Лингвокультурологическое поле концепта «успех» в американском варианте английского языка: дис.... канд. филол. наук. Моск. пед. гос. ун-т. М., 2007. 194 с.
22. **Хахалова С. А., Туманова С. В.** Семиметрия ценности в сравнительном лингвокультурологическом аспекте анализа // Этносемиметрия ценностных смыслов (коллективная монография). Иркутск, 2008. С. 492–522.
23. **Watson S. J.** Success in old age. URL: <http://www.videcomp.com/watson/watson18.html> (reference date 29.12.2013).

УДК 331.327

В.П. Тростинская, И.Р. Тростинская

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В последние годы особое внимание отечественных и зарубежных ученых стала привлекать проблема человеческого капитала. Общеизвестно, что накопление человеческого капитала выступает главным фактором экономического роста. Экономисты назвали XX столетие веком человеческого капитала. Уже ясно, что еще с большим основанием эту характеристику можно отнести и к XXI столетию.

Как правило, концепция человеческого капитала рассматривает двоякий подход к человеческому развитию: с одной стороны, это расширение человеческих возможностей путем укрепления здоровья, приобретения знаний, совершенствования профессиональных навыков, с другой – это процесс использования людьми приобретенных ими способностей для производственных целей, культурной, политической деятельности и для отдыха. Таким образом, концепция не сводит человеческое развитие лишь к формированию ресурсов для производственной деятельности и ориентации на увеличение материального богатства. Основная цель человеческого развития заключается в создании такой окружающей политической, экономической, социальной, культурной и экологической среды, которая бы позволила обеспечить людям материальный достаток и возможность достаточно долго наслаждаться здоровой и созидательной жизнью [1].

Показателем измерения человеческого развития является ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала) введенный

Программой развития ООН (ПРООН) в 1990 г. Индекс развития человеческого потенциала – расчетный статистический показатель, в котором учитываются не только объемы потребления материальных благ, но и возможности для развития человека, обеспечиваемые системами здравоохранения и образования.

Он рассчитывается как среднее арифметическое трех индексов: индекса ВВП на душу населения, исчисленного, в свою очередь, по паритету покупательной способности (ППС) валют, индекса средней ожидаемой продолжительности жизни в момент рождения ребенка и индекса образования населения [2].

1. Индекс ВВП выражается формулой $I_{gdp} = (\ln X - \ln 100) : (\ln 40000 - \ln 100)$, где X – душевой ВВП данной страны по ППС, 100 долл. – условный минимальный доход (ВВП) на душу населения в современном мире, 40 000 долл. – условный максимальный среднедушевой ВВП.

2. Индекс продолжительности жизни рассчитывается по формуле $I_{exr} = (X - 25) : (85 - 25)$, или $I_{exr} = (X - 25) : 60$, где X – средняя ожидаемая на сегодняшний день продолжительность жизни в годах на момент рождения ребенка, 85 – максимальная средняя ее продолжительность, а 25 – ее минимальная средняя величина.

3. Индекс образования I_{ed} вычисляется как сумма двух индексов – грамотности населения в возрасте от 15 лет и общей вовлеченности, или охвата {gross enrolment ratio), населения в возрасте от 6 (иногда 5) лет и старше в процесс обучения. Другими словами, последний индекс показывает долю населения, обучающегося в школе, колледже или университете, по отношению ко всему населению школьного и студенческого возраста. При этом, индекс грамотности рассчитывается как две трети от доли грамотных среди всего взрослого населения, а индекс вовлеченности – как одна треть от уровня охвата населения соответствующих возрастов различными видами образования, не считая всевозможных курсов повышения квалификации и т. п. Таким образом, индекс образования можно представить в виде простой формулы $I_{ed} = 2/3 I_{lit} + 1/3 I_{enr}$.

Общий индекс человеческого развития $Ihd = (I_{gdp} + I_{exr} + I_{ed})$.

Разумеется, ИЧР не свободен от недостатков. Как и показатель среднедушевого ВВП, он ничего не говорит о масштабах бедности или темпах ее сокращения. Кроме того, его величина зависит не только от абсолютных показателей данной страны, но и от существующих в мире минимумов и максимумов этих показателей – от минимальной и предположительно максимальной средней продолжительности жизни, от минимального и максимального среднедушевого ВВП. Такая зависимость означает, что любое улучшение этих показателей у других стран или в мире в целом относительно ухудшает положение какой-либо страны в таблице о рангах по ИЧР. Отсюда, однако, вовсе не следует, что эта страна деградирует и дрейфует к мировой периферии.

Таким образом, оперируя ИЧР, следует помнить, что он является лишь одним из инструментов анализа, отражающим лишь некоторые процессы, протекающие в обществе и экономике отдельных стран и регионов.

На основе расчетов, представленных в докладах о человеческом развитии [1], рассмотрим общую картину изменений в мировой системе с начала 90-х годов исходя из динамики ИЧР и его компонентов. Анализ показывает увеличение числа стран с высоким уровнем человеческого развития (когда ИЧР равен или больше 0.8), а количество стран с низким ИЧР (менее 0.5), наоборот, постепенно уменьшается. Вместе с тем, становится больше стран, в которых этот показатель выше его среднемирового значения. К тому же почти не меняется показатель дисперсии и связанный с ним коэффициент статистической вариации по ИЧР, которые характеризуют неравномерность человеческого развития по всей совокупности стран. Небольшое понижение этого коэффициента означает, что по ИЧР мировые дисбалансы между бедными и богатыми странами уменьшаются. За счет чего это происходит?

Во-первых, это предопределено методикой подсчета индекса среднедушевого ВВП, который представляет собой логарифмическую

функцию: по мере того как возрастает абсолютная величина душевого ВВП, значение этого индекса увеличивается все медленнее и медленнее. Во-вторых, не будем забывать об изменениях ППС, которые обусловлены, с одной стороны, относительной девальвацией доллара США, а с другой – постепенной ревальвацией валют ряда развивающихся стран, прежде всего китайского юаня. По мере поступательной модернизации этих стран разрыв между их ВВП по обменному курсу и по ППС валют сокращается. В-третьих, развивающиеся страны приближаются по ИЧР к развитым за счет индексов образования и средней ожидаемой продолжительности жизни. Изначально эти индексы у них были чрезвычайно низки, и даже самое малозначительное повышение уровня медицинского обслуживания и грамотности населения существенно увеличивает ИЧР любой из этих стран.

По индексу ИРЧП по состоянию на 2010 год [1] Россия занимает 71 место в списке с индексом ИРЧП = 0,806 (что является довольно высоким показателем, но при этом этот индекс в России на 2009 год хуже, чем в Белоруссии). Индекс стал падать с началом 90-х из-за сокращения ВВП и повышения смертности. В 1992 Россия занимала 52 место, 1995 – 114, в 2004 – 57, в 2005 – 62 с индексом 0,795, в 2006 – 65 с индексом 0,797, в 2007 году – 67 место с индексом 0,802.

Недостатком показателя индекса человеческого развития является невозможность судить по его величине об относительной важности составляющих его элементов, о том, например, по какой именно причине та или иная страна изменила свое положение в общем списке – по причине изменения уровня душевого дохода или, например, уровня грамотности населения.

Место, занимаемое той или иной страной мира, по данному показателю может существенно отличаться от ее места в списке стран, распределенных по величине ВВП на душу населения. Это свидетельствует о том, что в разных странах результаты экономического роста преобразуются в рост благосостояния их населения с неодинаковым успехом.

Индекс человеческого развития, рассчитанный по трем вышеперечисленным показателям, не дает полного представления человеческого прогресса. Поэтому необходимо использовать другие показатели развития человеческого потенциала (гендерного неравенства, бедности, здоровья и т. п.), для того, чтобы анализировать и прогнозировать состояние развития человеческого потенциала в том или ином регионе. Кроме того, существует проблема несовместимости статистических данных, поскольку в том или ином регионе возможно отсутствие статистических показателей, необходимых для расчета индекса человеческого потенциала по определенной методике.

Тем не менее, тема «человеческого развития», а не просто «темпов экономического роста», чрезвычайно важна и актуальна.

Ведь речь идет об исследовании доминирующих тенденций социально-экономического развития, влияющих на качество человеческого капитала в различных странах и находящих свое отражение в изменении ИЧР. Особую значимость анализ этих тенденций и вектора их развития приобретает для нас, граждан России, в то время, когда страна стоит перед острой необходимостью в сжатые сроки провести фундаментальную модернизацию национальной экономики, перейти от господствующей в настоящее время экспортно-сырьевой модели к инновационной [1].

Учитывая сложность и многогранность понятия «человеческий капитал», ряд исследователей выделяют интеллектуальный и социальный аспекты человеческого капитала: социальные связи, социальные сети и вовлеченность в них и т. д. [3]. Следует согласиться, что невостребованные человеческие ресурсы в процессе создания добавленной стоимости или улучшения качества жизни не могут считаться человеческим капиталом [4]. В эпоху глобализации и построения инновационной экономики страна выигрывает, если население занято квалифицированным трудом. Очевидно также, что знания, навыки, компетентность повышают производительность, способность экономики к развитию и использованию новейших технологий. В результате конкурентоспособность страны на

международной арене повышается. Причем важно не только высшее, но и среднее специальное образование. Последнее особенно актуально для России, где система среднего специального образования (технического) практически разрушена. И как результат, например, сегодня в авиакосмической отрасли, судостроении, ОПК и ряде других отраслях налицо острый дефицит квалифицированных рабочих.

В ряде стран ЕС, в частности в Великобритании, отмечается устойчивый рост относительной зарплаты выпускников университетов. Это можно объяснить как прогрессом технологий, стимулирующим спрос на третичное образование, так и снижением доли зарплат неквалифицированных работников вследствие переноса в развивающиеся страны производств, не требующих высокой квалификации [5].

Вместе с тем в развивающихся странах доходность от вложений в человеческий капитал выше, чем в развитых. В России из-за высокой окупаемости вложений в человеческий капитал (8–10% в год) наблюдается ускоренный приток молодежи в систему третичного образования [6].

По ППС стоимость человеческого капитала России превышает 38 трлн. долл., а его среднедушевой уровень достигает 380 тыс. долл. Исходя из этих оценок, можно заключить, что по степени оснащенности человеческим капиталом Россия хотя и отстает от развитых стран (от США, Великобритании, Норвегии – сильно, от остальных – умеренно), но заметно опережает постсоциалистические страны, например, Польшу и Румынию, по которым имеются необходимые данные [7].

Тем не менее, по масштабам недоиспользования накопленного человеческого капитала Россия продолжает занимать одно из лидирующих мест в мире. Не менее 1/3 всех работников с третичным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. Это означает, что знания и навыки, полученные ими в системе формального образования, либо не востребованы рынком, либо отличаются настолько низким качеством, что закрывают своим

обладателям доступ к «хорошим» рабочим местам. Быстрый экономический рост позволил несколько смягчить остроту проблемы. Но даже после этого разрыв между количеством работников с высоким формальным образованием и количеством рабочих мест на верхних этажах профессионально-квалификационной иерархии остается по-прежнему внушительным [6, с. 145], что свидетельствует о нерациональном использовании человеческого капитала. В этом случае есть опасность его обесценения. Российские работодатели предпочитают нанимать персонал с высшим образованием, даже если это избыточно для выполняемых функций [8]. И особенно тревожно выглядит тот факт, что в последние годы рост безработицы отмечается, прежде всего, среди молодежи. Если учесть, что многие из них имеют достаточно высокий уровень образования, с одной стороны, и определенные притязания – с другой, то можно прогнозировать, что они могут представлять реальную угрозу усилению социально-политической стабильности в обществе.

Поэтому жизненно необходимо выполнение стратегической программы – в ближайшие годы (к 2020 году) создать в России 25 млн. новых высокотехнологичных рабочих мест. Однако, следует отметить, что декларации на эту тему, как известно, делаются в последнее время регулярно и на всех уровнях. Но совсем не ясно, насколько реальны и осуществимы заявленные планы. К сожалению, пока не наблюдается заметного отхода от энергосырьевого курса.

К тому же для реализации такой программы потребуется не только построить и реконструировать заводы и фабрики, но и заново выстроить сеть подготовки высококвалифицированных рабочих кадров. К сожалению, четкой системы подготовки у нас пока нет.

Следует учесть, что современное профессиональное образование – это не только ВУЗ, но и всевозможные стажировки, внутрифирменное обучение и самообразование, то есть институциональные и внеинституциональные формы реализации «образования длиною в жизнь» (по примеру Швеции). При этом в силу повышения технологичности экономики современное

профессиональное образование, как основной механизм согласования спроса и предложения на рынке труда, становится все более дорогостоящим, и именно в силу этого, такой путь оказывается сложно реализуемым в условиях ухудшающейся экономической ситуации, в том числе и в России.

Человеческий капитал, человеческий фактор и человеческий потенциал при общей основе в то же время – весьма различные понятия, и важно понимать эту разницу, когда речь идет о человеческом капитале. Само понятие, введенное еще в 1960–е годы нобелевским лауреатом по экономике Гари Беккером, подразумевает капитал человека в виде его знаний, навыков и умений, которые позволяют ему добиваться определенных результатов в карьере. Речь идет не о всяком знании, а лишь о востребованном, которое можно применить для решения определенных бизнес-задач. Таким образом, получение человеком образования аналогично инвестированию денег в нечто, что должно окупиться и принести доход.

Человеческий потенциал, как уже отмечалось выше, измеряется и оценивается Организацией Объединенных Наций в виде сводного коэффициента, включающего в себя уровень образования, доходы и продолжительность жизни граждан в стране. Однако потенциал не обязательно становится капиталом, поскольку образование, навыки и знания могут быть востребованы, а могут быть и не востребованы.

Получение дохода от произведенных вложений, получение своеобразной образовательной ренты (как личностью, так и фирмами и государством в целом), возможно лишь в том случае, когда образование востребовано экономикой и служит «социальным лифтом», позволяющим своему обладателю получать более высокий доход и статус. В противном случае рост государственных и индивидуальных затрат на образование не только не окупится экономически, но и может спровоцировать эскалацию социальных конфликтов или деградацию качества населения, обусловленную эмиграцией наиболее образованных и динамичных граждан. Даже

реально обеспеченный равный доступ к образованию вряд ли сможет решить какие-либо социальные и экономические проблемы современного общества, если не будет «вписан» в более широкий контекст устойчивого развития.

Почему человеческий капитал имеет такое значение в проекте Стратегии 2030 в нашей стране? Многочисленные исследования последних двух десятилетий показывают, что успеха добиваются те города и регионы, в которых достигнут высокий уровень человеческого капитала, где этот капитал накапливается. Величина этой суммы имеет огромное влияние на экономический рост и результаты экономического развития. Распределение человеческого капитала между странами регулярно проводит Всемирный банк.

Соотнесение человеческого капитала с результатами экономического роста и социально-экономического развития показывает прямую связь. В науке эта связь уже давно никем не оспаривается.

Устойчивое накопление национального человеческого капитала в эпоху глобализации достигается не только за счет увеличения внутреннего потенциала страны, но и при активном участии в международных экономических отношениях, и прежде всего, миграции рабочей силы при условии эффективной миграционной политики.

На международную трудовую миграцию в рамках теории мировой экономики существуют различные точки зрения.

Так, **неоклассическая теория** отмечает, что международное перемещение рабочей силы из страны-донора в страну-реципиент приводит к росту благосостояния принимающей страны, так как приток иностранных рабочих выгоден предпринимателям принимающей страны. Это можно объяснить тем, что рост предложения труда в принимающей стране снижает уровень заработной платы, что оказывается выгодным предпринимателям страны-реципиента, поскольку снижаются издержки производства и растут прибыли. При этом неоклассическая теория считает, что

экономическое развитие страны, из которой уезжает рабочая сила, остается прежней или, во всяком случае, не ухудшается, так как отток рабочих из страны-донора снижает предложение труда на национальном рынке труда. В результате уменьшается конкуренция на национальном рынке труда за рабочие места и уровень заработной платы растет, поэтому оставшиеся в стране-доноре рабочие выигрывают.

Неокейнсианская теория, наоборот, считает, что экономическое положение страны, из которой уезжает рабочая сила, ухудшается, особенно если эмигрируют высококвалифицированные работники. В этой связи в научных кругах широко обсуждалась идея введения налога на «утечку мозгов», доходы от которого предлагалось передавать в распоряжение ООН и использовать на нужды социально-экономического развития страны.

В последние годы приоритет получает **теория человеческого капитала**. Согласно этой теории накопленный человеческий потенциал является важнейшей предпосылкой экономического развития стран, поэтому международное перемещение рабочей силы из одной страны в другую оказывает влияние на темпы экономического роста. При этом основной причиной международной трудовой миграции являются межстрановые различия в оплате труда. Как правило, рабочая сила перемещается из стран с более низким уровнем ВВП на душу населения в страны с более высоким уровнем ВВП на душу населения.

При этом важно учесть, что, с одной стороны, иммиграция увеличивает общий доход страны, поскольку растет ее обеспеченность одним из важнейших факторов производства – трудом. Однако, с другой, для любой страны важно добиться не просто увеличения национального дохода, но и рост дохода в расчете на единицу капитала, на одного работника. Если мигранты не обладают значительным финансовым и человеческим потенциалом, то это может снизить удельную отдачу капитала, земли, труда. Следовательно, снизится объем потенциального ВНП в расчете на

единицу капитала, в расчете на душу населения и, стало быть, снизится уровень жизни населения.

Согласно «теории человеческого капитала» человек рассматривается как продукт осуществления целого ряда инвестиций – в образование, квалификацию, здоровье и т. п. Миграция мыслится как очередной инвестиционный проект, принятие которого зависит от соотношения выгод и издержек на его осуществление. Как и в инвестиционном анализе, решение о миграции принимается, когда дисконтированный поток выгод от нее компенсирует издержки [9].

Модель человеческого капитала рассматривает добровольную мобильность рабочей силы как инвестиции, при которых краткосрочные затраты осуществляются с целью получения долгосрочных выгод. Если текущая ценность (приведенная к текущему моменту времени) выгод, связанных с мобильностью, превышает денежные и моральные издержки, то решение о смене работы и переезде рационально. Если же дисконтированный поток выгод не компенсирует издержки, то люди будут воздерживаться от таких действий. Следовательно, любое решение о смене места работы зависит от текущей стоимости чистых выгод от мобильности большей нуля.

Чем меньше затраты на смену работы и переезд и больше разница в выгодах от старой и новой работы, тем больше пользы от мобильности и тем больше людей будут принимать решение о смене работы или места жительства. На основании наблюдений за этими параметрами можно четко прогнозировать, какие социальные слои и профессиональные группы более склонны к смене места работы и места жительства и в каких направлениях будут идти потоки мигрантов.

Мобильность, согласно теории человеческого капитала, более высока среди молодежи и образованных людей. Чем моложе человек, тем больше временной горизонт, на котором он может получать выгоды от инвестиций в свой человеческий капитал. Поэтому у молодых людей выше отдача от любых инвестиций в человеческий капитал [10].

В условиях глобализации и возникновения концепции трансграничной карьеры миграция породила такой феномен как «циркуляцию» умов. Эта концепция постепенно замещает традиционные концепции утечки умов и притока умов в связи с растущей мобильностью человеческого капитала через границы государств. В отчете ООН, основанном на данных одного из последних исследований по этой теме, утверждается, что «отток умов может быть выгодным странам, которые их поставляют. Образованные мигранты после возвращения домой часто становятся двигателем роста национальной экономики» [11].

В рамках страны, чтобы не допустить той же «утечки мозгов», компании создают лучшие условия работы для талантливых работников, соответственно, увеличивается их уровень жизни, а это в свою очередь повышает отдачу в их работе, что также положительно сказывается на росте экономики компании и всей страны в целом.

В данной статье миграцию рабочей силы мы будем рассматривать с позиций интересов России, главным образом, как страны, которая стремится принимать рабочую силу с более высоким человеческим потенциалом. Только в таком случае, при прочих равных условиях, можно обеспечить экономический рост в стране.

В последние годы в России, как и во всем мире, активизировалась работа в этом направлении. Миграционная политика России стала формироваться с распадом СССР и в процессе перехода к рыночным отношениям, когда в 1991 г. был принят Закон «О порядке выезда из СССР и въезда в СССР граждан СССР», положения которого были конкретизированы в 1993 г. в указах Президента РФ «О мерах по введению иммиграционного контроля» и «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы». Определенное значение для России имеет сотрудничество с МОМ, основанное на договоре, подписанном в марте 1992 г., в соответствии с которым был разработан ряд программ по профессиональной подготовке российских специалистов.

По мере формирования внутреннего рынка труда в России проявляется необходимость регулирования экспорта и импорта рабочей силы. Оформлением трудоустройства российских граждан за рубежом занимается более 150 организаций, получивших лицензии от Федеральной миграционной службы России (ФМС России). Формирование правовой и организационной базы регулирования трудовой миграции в России еще продолжается. В ноябре 2002 г. для учета и контроля трансграничных потоков трудовых ресурсов введены миграционные карты, содержащие сведения об иностранных гражданах, **ВЪЕЗЖАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИЮ** России. С января 2007 г. регулирование международной миграции труда осуществляется на основе Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». Этот закон позволяет наладить учет иностранных работников, поскольку каждый международный мигрант принимается на учет в органах миграционной службы прямо при пересечении границы России, предъявив паспорт, заполнив миграционную карту и оплатив госпошлину.

С 01 июля 2010 г. внесены изменения в Федеральный закон №155 – ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно этому закону для привлечения в Россию высококвалифицированной рабочей силы внесены следующие изменения в миграционную политику:

- введены специальные преференции для иностранных высококвалифицированных специалистов и как результат уже в последующие два года было привлечено 14,4 тыс. высококвалифицированных иностранных рабочих [12];

- введен патент для мигрантов, занятых у физических лиц. Благодаря этому к началу 2012 года больше 1 млн. иностранных граждан смогли легально работать на физических лиц [12];

- уточнено понятие «высококвалифицированный специалист». Им является иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки

или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в России предполагает получение им заработной платы (вознаграждения) в размере 2 млн. руб. и более за период, не превышающий одного года. В соответствии с новыми правилами, такому специалисту будет сразу выдаваться вид на жительство и срок его пребывания в России увеличивается при этом до трех лет. В настоящее время иностранный специалист получает разрешение на работу и рабочую визу сроком на один год. Для высококвалифицированных специалистов упрощается сама процедура и сокращаются сроки получения разрешительных документов. Разработана Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России на 2009–2013 годы», в рамках которой осуществлялся проект по проведению совместных исследований под руководством приглашенных ученых [13]. Создан законопроект о внесении изменений в процедуру получения российского гражданства иностранными высококвалифицированными специалистами. Иностранцы, получившие российское образование, предприниматели, инвесторы, квалифицированные специалисты смогут в упрощенном порядке получить гражданство Российской Федерации [14].

Разрабатываются и ряд других документов, в том числе и в сфере высшего образования [13], для привлечения иностранной квалифицированной рабочей силы.

Однако следует отметить, недостаточная открытость границ и несовершенство российской законодательной базы привели к увеличению нелегальной миграции, формированию влиятельных национальных диаспор, способствующих росту скрытой иммиграции, коррупции и преступности. Среди нелегально въезжающих в Россию граждан преобладают иммигранты из стран СНГ, Вьетнама, Китая и Афганистана.

Направления трудовой эмиграции из России совпадают с направлениями потоков международной миграции, прежде всего в страны Западной Европы и Северной Америки. При этом трудовая

миграция оказывает противоречивое влияние на российскую экономику. К отрицательным последствиям можно отнести рост среди трудовых мигрантов числа ученых, инженеров и специалистов наукоемких профессий, программистов, музыкантов, художников. С отъездом специалистов за рубеж российская экономика теряет примерно 45 млрд. долл. в год.

Особенностью международной трудовой эмиграции россиян является то, что по качественным и количественным характеристикам она отличается от иммиграции в Россию. Уезжают в первую очередь молодые высококвалифицированные инициативные специалисты, в результате чего происходит быстрое старение экономически активного населения, что при относительно низком уровне рождаемости ведет к депопуляции страны.

В то же время, несмотря на рост иммиграции из стран ближнего зарубежья, она пока не оказывает существенного влияния на российский рынок труда, составляя примерно 1,5–2% занятого населения, в первую очередь на работах, не требующих высокой квалификации.

В целом российская политика по отношению к притоку рабочей силы ориентирована, прежде всего, на защиту национального рынка труда. Попыткой упорядочить миграционные потоки из стран СНГ является установление квот на привлечение рабочей силы. Однако пока влияние проводимой в России миграционной политики является ограниченным и не способствует эффективному распределению потока иммигрантов по всей территории страны, не стимулирует приток высококвалифицированных специалистов или работников тех специальностей, которые необходимы для эффективного развития экономики.

Разумеется, полноценной интеграции приезжих в сферу занятости препятствует «ограниченная переносимость» человеческого капитала, накопленного мигрантом в стране происхождения в силу ряда объективных причин, как то: недостаточное владение языком

страны проживания, недостаток необходимых социальных связей, навыков и т. п. [15].

Однако учитывая демографические проблемы и структурные диспропорции во многих регионах нашей страны, наличие такого источника дополнительной рабочей силы как иммиграция при целенаправленной эффективной иммиграционной политике может способствовать более ускоренному экономическому росту.

Вместе с тем следует отметить, что при всей значимости внешнего фактора накопления человеческого капитала – миграция трудовых ресурсов, все же для России основой должно быть развитие, прежде всего, национального рынка труда. И здесь очень важно не только создание высокотехнологичных рабочих мест, соответствующая более эффективная система образования, комфортные условия жизни и труда, но и повышение внутренней мобильности рабочей силы. Соответственно ключевое значение в этих условиях приобретает развитие инфраструктуры: транспортной, жилищной, социальной и др. Повышение внутренней мобильности рабочей силы могло бы снизить потребность во ввозе иностранной рабочей силы для многих регионов страны, ослабить возникающую в связи с ней социальную и этническую напряженность, повысить общую терпимость населения к мигрантам и повысить эффективность использования национального человеческого капитала в России.

В то же время, учитывая, что на современном этапе именно инновации, наукоемкие технологии определяют возможности и перспективы дальнейшего развития, следует согласиться с теми авторами, которые считают, что в этих условиях основным движущим фактором экономического роста станет не просто человеческий капитал, а инновационный человеческий капитал (ИЧК) [16]. Его ядром будут креативно мыслящие, обладающие предпринимательскими способностями специалисты в области технических и естественных наук, маркетинговых и управленческих технологий. В связи с этим особую актуальность приобретают такие важные направления модернизации отечественной экономики, как

создание условий для реализации интеллектуального потенциала нации, воспроизводство ИЧК. В этой связи возрастает роль российских высокотехнологичных предприятий стартап-компаний в российской экономике, которые становятся своеобразными мостами по обмену информацией и технологиями между академической и бизнес средой. Они также могут рассматриваться в качестве центров аккумуляции и воспроизводства инновационного человеческого капитала.

Международный опыт показывает, что чаще всего высокотехнологичные стартапы организуются молодыми энергичными студентами и сотрудниками университетов, которые покидают академическую среду с целью основать компанию, или лицами, все еще связанными с научно-исследовательской деятельностью, чтобы использовать новые идеи и знания, разработанные в головном университете. Хорошее образование, знание академической среды, навыки научной работы позволяют им получать доступ к дорогостоящему исследовательскому оборудованию, квалифицированному персоналу, а также находить, постигать и объединять воедино потенциально ценные части знаний, тем самым создавая инновационный продукт.

В результате формируется качественно новое общество с унифицированной культурой и высокой мобильностью. ИЧК, способный преобразовывать информацию и знания в материальный инновационный продукт или услугу, сегодня становится основным драйвером глобальной циркуляции умов. С учетом того, что изолированные экономики не способны больше быть конкурентоспособными на мировой арене, обмен умами в таком обществе позволяет получать существенные выгоды, в частности, новый опыт, знания, навыки высокопрофессиональной научной диаспоры и ИЧК, возвращающегося на родину.

На современном этапе развития мировой экономики на смену традиционной утечки приходит глобальная циркуляция умов, способная создать долгосрочный позитивный эффект для развития инновационно ориентированных экономик.

Принимая во внимание ИКТ и дальнейшее углубление глобализационных процессов, можно сделать вывод, что мобильность ИЧК в средней и долгосрочной перспективах будет только возрастать, причем очень высокими темпами. В связи с этим видоизменяются цели и задачи национальных инновационных систем: от противодействия – к интеграции, в процесс глобальной циркуляции умов с последующим получением максимальных выгод и преимуществ. Как это ни парадоксально, интернационализация в условиях международной циркуляции умов способствует повышению качества ИЧК и его притоку в страну. Интернационализация национальных высокотехнологичных предприятий-стартапов и глобальная циркуляция умов – это объективно взаимообусловленные процессы.

В этих условиях крайне важно дальнейшее развитие и поиск практических мер для получения максимальной выгоды для российских высокотехнологичных предприятий-стартапов как ядра инновационной системы России и формирования инновационного человеческого капитала. Но конкурентоспособные высокотехнологичные предприятия не являются единственным условием для привлечения и удержания людей с высоким инновационным человеческим капиталом. Важно еще создать условия комфортного проживания. И помимо системы образования, творческой атмосферы, хорошего бизнес-климата здесь не менее важны отлаженная система здравоохранения, хорошая экология, развитая инфраструктура.

В современной научной и общественно-политической литературе все чаще ставится вопрос – какова стратегическая цель развития современного общества? Развитие человеческого капитала ради развития экономики или развитие экономики ради развития человеческого капитала [17]. Не претендуя в данной статье на исчерпывающий ответ, все же следует отметить, что, по всей видимости, это настолько взаимосвязанные и взаимообусловленные вопросы, что однозначного ответа не может быть. С одной стороны, разумеется, в любом нормальном государстве все делается, в том числе и в экономике, для того, чтобы повысить уровень жизни

населения (в широком смысле этого слова), а, с другой – в условиях всеобщей глобализации можно ли повысить уровень жизни без использования современных информационных технологий, высокотехнологичных, высококомобильных (у них практически нет национальности) предприятий-стартапов? Вряд ли, развивая современные информационные технологии, повышая экономический рост, развивается и сам человек, накапливается не только человеческий потенциал, но и человеческий капитал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тростинская В.П.** Развитие человеческого потенциала и процессы в мировой системе // Россия в глобальном мире. – 2011. – С.38–46.
2. **Гришин И.** Человеческое развитие: количественное измерение и процессы в мировой системе // Мировая экономика и Международные отношения. – 2010. – №7. – С. 102-114.
3. **Бурмистров В.Н.** Экономическая безопасность России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2013. – №4. – С. 3-12.
4. **Коротков А.В., Онишко О.Е.В., Редченко А.И.** Индикативный анализ в исследованиях человеческого капитала // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – №6. – С. 26-37.
5. **Клинова М.В., Сидорова Е.А.** Человеческий капитал в Европейском союзе: государственный и наднациональный контексты // Вопросы экономики. – 2012. – №8. – С. 80-97.
6. **Капелюшников Р.И.** Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Часть II. // Вопросы экономики. – 2012. – № 3. – С. 120-147.
7. **Капелюшников Р.И.** Сколько стоит человеческий капитал в России? Часть II. // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 24-46.
8. **Насыров Е.** Нет жизни без диплома // Московские новости, 14 марта 2012.
9. **Малышева М.М.** Динамика утечки и отдачи умов в условиях глобализации экономики и высшего образования. – М.: ИСЭПН РАН, 2011.
10. **Гаврилова Т.М.** Теория международной миграции рабочей силы. – [Электронный ресурс] // Вопросы экономики. Режим доступа: <<http://ekonomika.ru/articles/teoriya-mezhdunarodnoj-migracii-rabochej-sily-1738.html>>.
11. **Люльчак Е.** Человеческий капитал // РБК daily. – 2010. – 234.

12. **Флоринская Ю.** Масштабы трудовой миграции в Россию // http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top
13. **Хейфец Б.А.** Привлечение квалифицированных специалистов из-за рубежа в Россию: проблемы и перспективы // Россия и современный мир. – 2010. – № 4. – С. 144-161.
14. **Грицюк М.** Мигранты получают гражданство // Российская газета 25 февраля 2014 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/printable/2014/02/25/grazhdanstvo-site.html>
15. **Цапенко И.П.** Глобальный экономический кризис и рынок труда мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 51-63.
16. **Чередников О.Н.** Высокотехнологичные стартапы в мире и в России // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 10. – С. 68-75.
17. **Садовая Е.С.** Новые тенденции в социально-трудовой сфере: институциональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 11. – С. 29-43.

УДК 239

В.С. Ягья

О ДИСКУССИЯХ В НАУКЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ТУРЦИИ В XXI В.*

2013 год в политической жизни Турции ознаменовался рядом крупных событий, которые позволили говорить о том, что страна оказалась в состоянии непрерывных политических скандалов, волнений, словесных баталий, бурных уличных столкновений про- и антиправительственных сил, взаимных и далеко не лестных обвинений друг друга различными высокопоставленными государственными и общественными деятелями. Характеризуя в целом эти факты, следует отметить, что они, пошатнув внутреннюю стабильность государства, не потрясли его основы. Это еще раз подтвердило прочность государственных устоев Турции. Невзирая на рост протестного движения, власть в стране обладает высоким потенциалом устойчивости.

Новое правительство из-за коррупционного скандала, разразившегося 17 декабря 2013 года, успешно контролирует

* Статья включает многократные выступления автора во время «Второй встречи российских и турецких интеллектуалов» в январе 2014 г. в Международном университете города Анталия (Турция). Ее организаторами были, помимо вышеупомянутого высшего учебного заведения, Институт востоковедения РАН и Турецко-Русский культурный центр из Москвы. В ней приняли участие видные российские и турецкие ученые: М.С. Мейер, В.В. Попов, П.В. Шлыков, Е.Г. Пономарева, Дж. Гёктепе, Яшар Якыш, Х. Канболат, Т. Огузоглу, А. Асалыоглу. Этот научный форум был посвящен масштабному и обстоятельному рассмотрению российско-турецких отношений. В ходе его работы в течение двух дней (10–11 января) наряду с заранее оговоренными докладчиками (их было минимальное число: по два на каждую из шести секций) участники, присутствовавшие, как правило, на всех заседаниях, могли высказывать свои соображения по обсуждавшимся проблемам не единожды, чем активно они и пользовались.

положение в стране, а зарубежные визиты его руководителя не ослабляют безопасность государства и даже, наоборот, укрепляют внешнеполитические условия развития Турции. Партия справедливости и развития по-прежнему находится у власти, хотя небольшая группа депутатов Меджлиса вышли из ее рядов из-за несогласия с политикой отрицания коррупции и взяточничества в высших эшелонах власти. Председатель правительства Реджеп Тайип Эрдоган, как и прежде, остается ее главой и лидером страны, хотя протестанты и требуют его отставки. Спор между политиками идет и по вопросу считать ли Реджепа Тайипа Эрдогана одним из мировых лидеров начала XXI века. Не воспринимается, однако, всерьез критика власть предержащих (и то далеко не всех) в адрес движения «Хизмет» (Hizmet) и лично его духовного наставника Фетхуллага Гюлена. Распространяемые в СМИ, ориентирующиеся на правительство и правящую партию, утверждения властей о наличии в турецком государстве так называемого «параллельного правительства», «государства в государстве», «параллельной власти» отвергаются теми, на кого возводятся эти обвинения. Да, и здесь прозвучавшие критические слова в отношении Фетхуллага Гюлена, на мой взгляд, нуждаются в серьезной корректировке и соответствии реалиям, а не домыслам. Правы, по-видимому, те, кто не воспринимает необоснованные нападки на этого мусульманского мыслителя и философа. Не исключено, что его критики в своем интеллектуальном поиске прошли мимо глубоких гуманистических идей миролюбия, человеколюбия и странолюбия, принадлежащих Фетхуллаху Гюлену. Вероятно, у них вызвали неодобрение некоторые идеи этого выдающегося богослова: например, отрицание выделения в исламе таких форм как «политический ислам», «радикальный ислам», «умеренный ислам» и прочие «исламы». Возможно, что знакомство с вырванными из контекста отдельными изречениями Фетхуллага Гюлена могло послужить превратному пониманию его учения. Ведь им написаны и опубликованы более

60 книг, свыше 600 статей, а также выпущены тысячи кассет и дисков с записями его интервью, выступлений на конференциях. Можно, конечно, найти еще немало причин неодобрительной оценки личности и идей Фетхуллага Гюлена: многое зависит от идейно-интеллектуального осознания происходящего в мире, формирующегося под влиянием господствующих в той или иной стране идеологии, традиций, державности, бихевиоризма, воспитательно-нравственных принципов и, наконец, мыслительного кругозора. В любом случае, важна общественная оценка деятельности и системы взглядов этого выдающегося просветителя современности, основанная на изучении всего его творчества.

Зато прозвучала нелепая фраза о премьер-министре Турции как последователе этого исламиста. Вероятно, такое обвинение – своеобразная ответная реакция на антигюленовские выпады самого премьер-министра. Чтобы разобраться во всех хитросплетениях нынешних взаимоотношений Р.Т. Эрдоган – Ф. Гюлен, необходимо знание конкретики – почему разошлись союзники, некогда объединившиеся в достижении Партией справедливости и развития правящих высот в Турции. Возникшее противодействие вредит внутривнутриполитической стабильности страны, да и подрывает ее международный имидж.

Несмотря на прочность государственных институтов, лояльность армии, полиции и жандармерии, наличие властных опор в социальных и политических сферах, в разных сегментах турецкого общества ощущается атмосфера какой-то неблагополучности, неуверенности, недосказанности и сокрытия правды. Это ухудшает общественный климат в Турции, создавая обстановку нервозности.

Однако линия развития Турции к центру мировой политики и укрепления ее региональных позиций, непоколебима, хотя на этом пути появилось немало новых препятствий. Они связаны, прежде всего, с позицией Анкары в отношении сирийского кризиса. В целом, однако, курс, определенный в начале 2000-х годов Партией справедливости и

развития, остается неизменным, хотя власти, учитывая настроения среди части населения, студенчества, политической элиты и бизнес-сообщества, вынуждены вносить коррективы.

Видное место в процессе укрепления международных и внутригосударственных основ Турции занимают внешнеполитические ориентиры страны, а также контакты турецкой общественности со своими коллегами из других стран. В отношении внешних факторов современного развития Турции хочу заявить сразу же, что не согласен с критическими замечаниями в адрес выдающегося ученого Льва Николаевича Гумилева и концепции евразийства, в обоснование которой он внес значительный вклад. Нет необходимости подробно останавливаться на непреходящем значении трудов Л.Н. Гумилева, в том числе и в области евразийства. В его работах раскрываются и основательно доказываются основополагающие идеи теории пассионарности и евразийства.

Особо хочу подчеркнуть также, что государственные деятели России и Турции не раз ссылались на Л.Н. Гумилева, убеждая своих собеседников, слушателей, сторонников и даже противников в важности евразийства и пассионарности для поступательного развития своих стран. На проходившем в ноябре 2013 года в Казани расширенном заседании Российско-турецкого форума общественности, созданного по инициативе президента В.В. Путина и премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана, многократно ставился вопрос о создании евразийской модели истории. Она, по мнению крупных турецких и российских специалистов, существовала бы наряду с европейской и североамериканской моделями истории. Новая, евразийская, модель исторического развития касалась бы не только прошлого, но и настоящего и будущего. Она обогатила бы науку новыми разработками, способствовала бы обоснованию современных трендов на евразийском пространстве. В Казани во время работы Российско-турецкого форума общественности неизменно подчеркивалось, что у россиян и турок общая евразийская идентичность и даже генетичность.

Евразийские идеи сплочения, сближения и единения стран и народов широко представлены в деятельности неправительственной организации «Платформа «Диалог Евразия», созданной еще в 1998 году такими выдающимися мыслителями как киргизский писатель Чингиз Айтматов, турецкий профессор Илбер Ортайлы, азербайджанский поэт Анар и др. На многочисленных мероприятиях, проводимых под эгидой этой организации, в том числе и на совместных конференциях, неоднократно звучали призывы обратиться к китайским и индийским интеллектуалам присоединиться к данному евразийскому движению общественности. Отклики из Пекина и Дели не оставляют сомнений в заинтересованности китайских и индийских коллег в этом проекте.

Если это так, то как понять тогда планы Пекина по воссозданию и, конечно, расширению «Экономического пояса Великого шелкового пути», а также организации «Морского шелкового пути XXI века». В случае реализации этих намерений произойдет геополитическое окольцевание значительной части территории Евразии под контролем КНР.

В политической литературе даже появилось утверждение, что по пространству бывшего Советского Союза бродит идея Евразии, как в свое время призрак коммунизма по Европе. Правда, судьба ее, как убеждают нас ее сторонники и сегодняшние реалии, будет совершенно иной.

В ходе разгоревшейся дискуссии о научности книг Л.Н. Гумилева и содержащихся в них концептуальных идей звучали убедительные заявления о том, что у концепции евразийства большое будущее, в том числе и в области предотвращения этноконфессиональных и лингво-политических столкновений.

Географически территория Евразии, однако, намного шире, чем пространство бывшего СССР. Турция устами премьер-министра уже заявила о желательности ее приема в состав будущего Евразийского экономического союза. А по окончании петербургского саммита

Реджеп Тайип Эрдоган на пресс-конференции озвучил В.В. Путину свое желание вступить в Таможенный союз. Ряд экспертов склонны полагать, что «только вступление в Таможенный союз откроет для Турции обширные и довольно перспективные рынки, загрузит предприятия заказами и позволит сохранить уровень благосостояния на приемлемом уровне». На мой взгляд, создание евразийского сообщества стран и народов – путь к примирению и процветанию на его просторах. С призывом организации масштабного евразийского сотрудничества обращался к собравшимся в Казани ректор Анкарского университета Эркан Ибиш (Erkan Ibiş).

Не исключено, что со временем евразийские ориентиры Турции окажутся одной из главных структур ее внешнеполитической парадигмы, в которую органично входит и тюркоязычный вектор. В контексте сформировавшихся уже подходов на международной арене, например, 25 января 2013 г. в Баку на заседании Евразийской ассоциации правоохранительных органов с военным статусом было принято решение о создании совместных вооруженных сил в составе Турции, Азербайджана, Кыргызстана и Монголии (ТАКМ). В апреле 2013 г. Турция получила статус партнера по диалогу в Шанхайской Организации Сотрудничества.

Премьер-министру Реджепу Тайипу Эрдогану принадлежит предложение, направленное В.В. Путину: «Возьмите нас в ШОС, избавьте нас от проблемы с ЕС». Но не все в его окружении согласны с этим, президент Турции Абдуллах Гюль заявлял, что для Анкары ШОС не является альтернативой ЕС. По его мнению, курс в направлении ШОС – это проявление многовекторности внешней политики Турции.

При рассмотрении поисков Турцией в области участия в интеграционных объединениях обращает на себя внимание предложение президента Казахстана Н.А. Назарбаева, сделанное на заседании Высшего Совета Евразийского экономического Союза в октябре 2013 года, о приеме Турции в эту организацию.

Особое место во внешнеполитической стратегии Турции занимает Россия. В Анкаре отдают себе отчет в том, что многое в ее интеграционных помыслах зависит от России, включая тюркоязычнострановое направление. И Москва, где прекрасно понимают современную глобальную и особенно региональную роль Турции в мировом сообществе, и Анкара прилагают немало усилий для совершенствования установившегося между ними стратегического партнерства. Возникла даже надежда, что между обоими государствами не за горами союзнические отношения. Вице-губернатор Стамбула Ахмет Дениз, выступая в Мариинском дворце в Санкт-Петербурге 22 ноября 2013 г. на торжественном открытии «Дня турецкой кухни», откровенно признал: «Чтобы между нашими странами были союзнические отношения, необходимо совместно влиять на мир». Он совершенно справедливо отметил, что современная Россия – это не только снега и холод, а Турция – пляжи и солнце. Обе страны, по его мнению, объединяет очень многое в различных сферах жизнедеятельности на мировой, региональной и двусторонней арене. Для решения ряда внутривнутриполитических проблем, имеющих также международные предпосылки возникновения, они могли бы действовать сообща, найдя общие подходы, методы и средства.

И Россия и Турция в этноконфессиональном плане схожи: обе страны полиэтничны и многоконфессиональны; у каждой из них имеется свой горючий материал, позволяющий разжечь национальную и религиозную вражду, вызвать гражданское неповиновение, даже настоящую бойню.

В случае этноконфессионального противоборства в одной стране не исключено воздействие так называемого демонстрационного эффекта на однородное по вероисповеданию и этничности население в другой стране, спровоцировав тем самым в ней нестабильность, а то и ирредентистские либо сепаратистские боевые действия. Во избежание подобного, важное значение в мировом сообществе приобретают мультикультуральные или толерантные программы: они могут

противодействовать росту конфликтов среди населения и между странами. Опыт России и Турции показывает позитивность таких шагов. Заметную смягчающую роль в устранении взрывоопасных ситуаций может сыграть разумная диаспоральная политика: например, России в отношении русскоязычных, избравших Турцию местом своего постоянного жительства (около 300 тыс. человек) и Анкары касательно турок, осевших в России (около 60–70 тыс. человек).

Диаспора формирует благоприятную атмосферу в восприятии местным населением культуры и бихевиористских навыков переселенцев, иначе, если диаспора своим поведением неадекватна принятым нормам в той или иной стране, между членами и коренными жителями растет напряженность, доходящая порой до столкновений, откровенной враждебности и бунтам.

К счастью, ни в Турции, ни в России такой ситуации нет. На диаспоральных отношениях весьма плодотворно сказывается характер и динамизм межгосударственных связей России и Турции, благотворное взаимодействие в повседневной жизни россиян и турок. Их благожелательность касательно друг друга обусловлена и традиционной культурой, способствующей формированию целостности мироощущения обоими населенными. По-видимому, и те, и другие понимают, что невозможно двигаться вперед, повернув голову назад. Не исключено, что и с той, и с другой стороны признается, что новые поколения в обеих странах не несут ответственности за деяния их близких и дальних предшественников, хотя сами они отдают дань славе и поражениям своих предков. На мой взгляд, прав московский ученый А. Безруков, когда призвал: «Давайте прекратим заикливаться на прошлом и подумаем о будущем».

В интеллектуальной среде Турции распространилось мнение, что страна может помочь России в предотвращении радикализации ее мусульман. Рассуждения подобного рода усилились после предновогодних терактов (накануне 2014 года) в Волгограде. «России и Турции, – сказал в интервью газете «Сандей 'с Заман» (Sunday's Zaman)

5 января 2014 года руководитель Анкарского Центра стратегических исследований Ближнего Востока (Center for Middle Eastern Strategic Studies – OKSAM) Хасан Канболат (Hasan Kanbolat), – следует взаимодействовать не только на уровне министров иностранных дел и разведывательных служб, но и также им необходимо развивать совместную политику на академическом уровне по предотвращению влияния радикальных групп на мусульманское общество России».

Высказываний подобного рода в печатных СМИ Турции было немало. Суть, в конечном счете, не в их количестве, а в том, что турки близко к сердцу приняли гнев и горе россиян в связи с волгоградской трагедией и готовы прийти на помощь. В таком отношении еще раз подтвердилось, что Бог у турок и у россиян, как и у других народов один, но пути познания его и служения его предназначениям разные, но не противоречат Божьему промыслу и человеческому бытию. По крайней мере, Россия и Турция на государственном уровне и на уровне «от человека к человеку», «от сердца к сердцу» демонстрируют всему миру, что между ними нет исламофобии и христианской ксенофобии. Это придает заметный импульс двустороннему развитию позитивных тенденций в отношениях между ними.

Определенное сближающее значение имеет также Черное море, омывающее берега обоих государств. Каждое из них чтит интересы своего соседа, с пониманием относится к проблемам друг друга и старается не чинить препятствий друг другу даже в сирийском кризисе, хотя оба оказались по разную сторону в подходе к нему.

Благодаря своему географическому положению и конфессиональной структуре населения и Россия, и Турция могут занять место арбитра между Западом и Востоком, уравновешивающего позиции Евроатлантического сообщества и формирующегося Евразийского экономического союза. Привлекательность Турции и России к такой позиции на мировой арене уже не раз подтверждалась в формулировании для Турции концепции «моста между мусульманским Востоком и христианским Западом», а для России – в

уравновешивающей роли в предлагаемом формате «G-3» (США-Россия-Китай)», проекте «Европа от Атлантики до Владивостока», евроатлантическом государствоустройстве «от Ванкувера до Владивостока», научном варианте «Россия перед близким Востоком и недалеким Западом» и др. Важно иметь в виду, что во всех вышеперечисленных проектах и тех, которые не упомянуты, присутствует и Россия, и Турция. Хотя надо признать, что некоторые французские политологи и международники, демонстрируя свою географическую неосведомленность, ставят под сомнение принадлежность Турции Европе. Но что не сделаешь, чтобы показать свою ксенофобию по отношению к туркам и мусульманам. Как бы словесно не изгалялись над Турцией, да и над Россией в политических, научных и журналистских кругах Запада, обе страны представляют собой крупных и заметных акторов формирования нового мирового порядка. Вот почему и с учетом также дальнейшего углубления сотрудничества в Казани я предложил провести перекрестные года по русскому и турецкому языкам в обеих странах и, конечно, по туризму. Идея перекрестного года по туризму прозвучала на совместной пресс-конференции В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана 22 ноября 2013 г. в Санкт-Петербурге, т. е. два дня спустя после завершения работы Российско-турецкого форума общественности в Казани. Таким образом, высшая власть обоих государств получила в лице этого форума надежный механизм информации об инициативах и мнении общественности.

К числу важнейших предложений, внесенных участниками казанской встречи Форума, относятся также необходимость разработки новых идей по совершенствованию и дальнейшему упрочению стратегического партнерства, выявлению новых лидеров разного уровня по реализации конкретных дел в экономике, культуре, науке, образовании, созданию совместных комиссий ученых по переоценке исторических событий между обеими странами, подписанию соглашения о взаимодействии музеев, активизации книгоиздательства, переводческой деятельности, совместной работы университетов и т. д.

Следующее заседание Российско-турецкого форума общественности состоится в этом году в Турции. Несомненно, его деятельность со временем позволит привлечь к российско-турецкому сотрудничеству широкие народные массы. Кстати, «Встреча российских и турецких интеллектуалов» находится в русле предусмотренного Форумом расширения совместных научных исследований. Разумеется, за огромную организационную работу и атмосферу высокого научного творчества на нашей встрече следует особо поблагодарить профессора Джихата Гёктепе, ректора Международного университета Анталыи.

Между Турцией и Россией имеется и несхожесть в целом ряде геополитических, геоэкономических, цивилизационных, историко-генетических, политико-географических, сущностно-политических и социально-экономических структур. Это вполне естественно, ибо у каждой из этих стран во многом разные судьбы, неодинаковые последствия участия или неучастия в двух мировых войнах, региональных и локальных сражениях не только друг с другом, но и с иными ближними и дальними соседями, а также существенные различия в восприятии достижений научно-технических, технологических и коммуникационно-информационных революций. Если русская культура, распространяясь во вновь приобретаемых землях в разные исторические эпохи, объединяла (или, по крайней мере, стремилась объединить) включаемые в имперские и советские времена народы и вольно или невольно ассимилировала некоторые из них или их сегменты, то турецкий ассимиляционный потенциал оказался в сравнении с русским слабее. Такая участь свойственна и интеграционному потенциалу обеих стран. Даже в XXI веке он оказался более активным, привлекательным и значительным у России. В этом, по-моему, трудности Турции в стремлении интегрировать тюркоязычные страны, точнее – стать интеграционным центром на тюркоязычном пространстве мирового сообщества. Разумеется, отрицательно сказываются на этих интеграционных попытках прошлые и нынешние связи – противоречия, да и неясный характер перспектив.

Надо признать, что по этим же причинам возникают сложности в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, вследствие которых России как интеграционному центру приходится на совместном объединительном пути преодолевать немалые трудности.

И еще одно обстоятельство нужно отметить: культурное и языковое пространство России в мире постепенно сужается (прежде всего за счет соответствующего сокращения на всем постсоветском пространстве и в обширной в недавние десятилетия зарубежной социалистической зоне), хотя страна предпринимает заметные усилия по расширению и углублению своего культурного и гуманитарного присутствия за рубежом. Для Турции же тюркоязычное пространство остается неизменным: это страны Центральной Азии, российские тюркоязычные республики – автономии и территории компактного проживания отдельных сегментов тюркских народов, а также Синьцзян-Уйгурский автономный район в Китае, отдельные территории в Афганистане, Молдове, Иране и на Балканах, Кипре.

Этот экскурс в область различий между Турцией и Россией предназначен для того, чтобы показать, что между обеими странами есть сферы, которые не охвачены партнерством, а оно в них было бы чрезвычайно полезным как для этих обеих стран, так и для государств с тюркоязычным населением. Несомненно, сотрудничество в районах, которые еще не охвачены взаимодействием, обогатит стабилизационный потенциал России и Турции.

Однако стоит всегда иметь в виду, что и у Москвы, и у Анкары останутся вопросы друг другу в нашем исключительно турбулентном мире, когда мировая и региональная ситуации меняются с калейдоскопической быстротой. Мир не идеален. Национальные интересы каждой страны мирового сообщества должны сочетаться с коренными интересами человечества, всего мирового сообщества в целом. Необходимо также различать интересы страны от интересов отдельного правителя или правящей элиты.

УДК 338 (470):339.9

Т.С. Ягья

РОССИЯ КАК СУБЪЕКТ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Распад Советского Союза привел к геополитическим потерям и существенно ухудшил возможности взаимодействия России с мировым хозяйством. Так, например, определенная часть различных магистралей, трубопроводов проходит по территории иностранных государств, 70% территории располагается в зонах с суровыми климатическими условиями. РФ унаследовала от СССР лишь 60% экономического потенциала, однако в связи с продолжительным отсутствием должного инвестирования основные производственные фонды как важнейшая часть этого потенциала к 1996 г. фактически (примерно 70% основных фондов) нуждались в срочной замене. Кроме того, в наследство России перешло 70% внешнеэкономических связей СССР. Следует напомнить, что еще в составе СССР в 1986–1991 гг. внешнеторговый оборот РФ сократился примерно вдвое, и эта тенденция падения сохранялась и в последующие годы. Однако, начиная с 1994 г. внешнеторговый оборот стал показывать значительный рост. Так, например, внешнеторговый оборот страны в 1996 г. составил 148,0 млрд. долл. против 141,3 млрд. долл. в 1995 г. [1].

В основе развития внешнеэкономических связей середины 90-х гг. лежали некоторые специфические внутренние и внешние факторы. К числу внутренних факторов стоит отнести снижение спроса и на инвестиционные товары, и на потребительские товары.

Эта ситуация привела к тому, что многие предприятия и целые отрасли оказались на грани банкротства и единственным средством выживания явилась активизация работы на внешних рынках. Успехи в этом направлении ряда отраслей привели к некоторой стабилизации промышленного производства в стране в целом. К внешним факторам можно отнести благоприятные конъюнктурные условия на мировых рынках (экономический подъем большинства промышленно развитых стран и новых индустриальных стран), которые в определенной мере способствовали расширению российского экспорта. К середине 90-х гг. имело место увеличение российского экспорта, однако темпы этого роста существенно снизились. Так, экспорт в 1996 г. составил примерно 88 млрд. долл. против 81 млрд. долл. в 1995 г. Однако, около 80% экспорта (71 млрд. долл.), по-прежнему, направлялась в страны дальнего зарубежья и около 19% – в страны СНГ [1]. Рост экспорта в РФ в середине 90-х гг. и в последующие годы обеспечивался не только за счет увеличения объема поставок основных экспортных товаров и благоприятного положения внешних рынков, но и за счет также значительного роста уровня экспортных цен на важнейшие товары российского экспорта. Так, в течение 1996 г. по сравнению с 1995 г. экспортные цены на сырую нефть были выше на 23,6%, на нефтепродукты – на 24,6% и т. д. Однако, их уровень при поставках в страны СНГ был выше, чем при поставках в страны дальнего зарубежья, что представляет специфическую особенность роста экспортных цен.

В товарной структуре российского экспорта в 90-е гг. и в современное время сколько-нибудь существенных изменений не происходило и не происходит. Все еще сохраняется его сырьевая направленность.

Что касается российского импорта, то его основу по-прежнему составляют продовольственные товары и продукция машиностроения.

В целом, можно сказать, что современное положение России в мировой экономике характеризуется противоречивыми тенденциями. Россия обладает значительными природными и трудовыми ресурсами, большим производственным потенциалом, имеет сильные научно-технические возможности и высокий образовательный уровень населения, лидирует в производстве и экспорте многих товаров топливно-сырьевой направленности – и это, с одной стороны. С другой стороны, экономический спад 1990-х гг. (ежегодный спад составляет 10–20% – это показатель уменьшения национального продукта для любой крупной страны) определил значительное ухудшение позиций России в мировом хозяйстве. По многим показателям она занимает промежуточное место в мировой экономике между развитыми и развивающимися странами. У России скромные позиции в мировом товарообороте. Доля ее в мировом экспорте и импорте продолжала и продолжает оставаться на очень низком уровне в 1994 г. – 1,6% и 1,2% [1] соответственно. Обусловлено это, можно сказать, резким сокращением в предшествующие годы присутствия России на многих важных мировых региональных и товарных рынках как в результате сложного социально-экономического положения в стране, так и низкой конкурентоспособностью продукции российских товаропроизводителей на основных мировых товарных рынках. (По оценке Всемирного экономического форума и Международного института менеджмента и развития в 1995 г. Россия по уровню конкурентоспособности заняла последнее 48 место из 48 рассматриваемых стран). В начале XXI века ситуация еще более ухудшилась. Так, на Россию уже приходилось лишь 1,2% (19-е место) мирового товарного экспорта, в то время на США – 12,2% мирового товарного экспорта, Германию – 9,7%, Японию – 7,3%, Францию – 5,5%, Великобританию – 4,8%. Доля России в мировом товарном импорте составляла – 0,5% (27-е место), в то время как в США – 18%,

Германии – 7,8%, Франции – 5,3%, Великобритании – 5,2%, Японии – 4,7% [2]. Объяснить это можно в определенной мере неудачной реализацией начатых в начале 90-х годов реформ и отсутствием со стороны государственных органов должного внимания предприятиям, производящим экспортную продукцию. В России (являвшейся тогда частью СССР) – в 1985 году было достаточно условий для благоприятного проведения преобразований. К их числу можно отнести: успешное применение метода централизованного планирования для формирования лидирующей экономики в мире, наибольшие в мире объемы добычи нефти, газа, угля, производства пшеницы и ряда других товаров; огромный внутренний рынок; грамотное и обученное население; подготовленная рабочая сила; огромные природные ресурсы; значительный человеческий капитал, включая огромную армию ученых и инженеров; целостная инфраструктура (транспорт, коммуникации, научно-исследовательские институты и т. д.). К сожалению, вопреки ожиданиям реформы в РФ не удалось. Причин этих неудач достаточно много. Следует напомнить, что Советский Союз (в 1985–1991 гг.) и Россия (начиная с 1992 г.) предприняли попытку параллельно проводить политические и экономические реформы.

Горбачев М.С. после двух лет пребывания у власти осознал, что его план экономических реформ (реформы в военно-промышленном производстве, реформирование сельского хозяйства) зашел в тупик и в 1987 г. сосредоточился на политических реформах, надеясь сплотить вокруг них народ. Однако результат оказался обратным. Демократизация и плюрализм стремительно размыли основы советского режима и тот фундамент, на котором удерживались вместе советские республики и российское общество. Развернулась напряженная борьба между членами Политбюро, между Москвой и провинциями и между различными народностями в

республиках. Таким образом, СССР попал в порочный круг политической и экономической нестабильности. Политические реформы Горбачева привели к конфликту между либералами и консерваторами, в связи с чем реализовывать экономические реформы стало невозможно. Глубокий политический кризис на фоне ухудшения экономической ситуации привел к тому, что коммунистический режим в 1991 году рухнул и вслед за этим распался и Советский Союз. И так уже Россия, а не СССР с 1992 года пытается осуществить свои экономические реформы. Россия за короткий отрезок времени отказалась от социализма и превратилась в капиталистическое государство по структуре, напоминающей государственно-монополистический капитализм (ГМК) начала XX века. По-нашему мнению, на тот момент возврат к капитализму по российской модели к рыночной экономике, к истокам формирования и развития рыночных отношений, оказал негативное влияние на престиж страны на мировой арене. Реставрация капиталистических отношений не только не привела к процветанию и прогрессу России, а наоборот отбросила страну на десятки лет назад. В результате ежегодного спада (10–20%) страна переместилась со 2-го места в мире по масштабам экономики на 11-е–12-е, сравнявшись с Бразилией или Мексикой. К тому же, инфляционные процессы стремительно “съедали” сбережения населения и разрушали средний класс как основу любого общества, вызывали политическую и социальную нестабильность и, порой, было ощущение возможности возвращения к авторитарному режиму. Происходила утечка капитала за рубеж, а вместе с тем были незначительны и иностранные инвестиции, и капиталовложения в производство, что наблюдается по сей день. Что касается доходов в иностранной валюте, то они направлялись лишь на приобретение продовольствия и предметов роскоши.

Российская модель перехода к рыночной экономике показала определенную несостоятельность, поскольку игнорировала процесс реального реформирования сельского хозяйства, а также вопросы, касающиеся собственности на землю, сельского образования и т. д. Вопрос создания свободных экономических зон для России был, к сожалению, безуспешным. На сегодня ситуация для России меняется к лучшему, поскольку страна принимает активное участие в мирохозяйственных процессах, развивает внешнеэкономическую деятельность. Так, доля России в мировом экспорте в 2012 году составила 2,6% и в рейтинге крупнейших экспортеров мира она заняла 12 место, а ее доля в мировом импорте составила 1,6% (16-е место). Объем российского экспорта в 2012 году составил 355 миллиардов долларов, а импорта – 223 миллиардов долларов. В рейтинге ВТО по объемам экспорта Россия расположилась между Кореей и Гонконгом, доля которых составила 2,7% и 2,5% соответственно. В рейтинге стран-импортеров Россия обогнала китайский Тайбэй (1,5%), уступив Сингапуру (1,9%). К сожалению, сравнение по этим показателям России с другими ведущими мировыми странами будет не в нашу пользу. Однако, это обстоятельство ведет к необходимости выработки, принятию и реализации мер по обеспечению конкурентоспособности наших предприятий и их продукции на мировых рынках. И так, по оценке ВТО ведущими странами-экспортерами в 2012 году стали Германия, Китай и США, доля которых составила 9,5%, 8,8%, 8,4% соответственно. Среди трех ведущих стран-импортеров ВТО называет США, Германию, и Китай, доля которых составила 14,2%, 7,5% и 6,7% соответственно [3]. Основным макроэкономическим показателем является валовой внутренний продукт (ВВП). С 1992 года практически все страны по рекомендации ООН перешли на подсчет народно-хозяйственной деятельности как раз посредством ВВП. По

объему ВВП лидирующие позиции в мире, а именно первое место занимают США (\$15,094,000 трлн. на 2011 г.) [4].

Распад СССР обернулся для России ухудшением как ее возможности взаимодействия с мировым хозяйством, так и положением ее в мировой экономике. Это, безусловно, не могло не отразиться на валовом внутреннем продукте (ВВП) России. По разным оценкам, РФ занимает от 7 до 10 места в мире. По данным МВФ Россия в 2010 году находилась на 11-м месте (\$1,49 трлн.) [5], а уже в 2011 году заняла 9-е место (\$1,850,401 трлн.). Разрыв между Россией и лидерами – США, Китаем и Японией – значителен: в 2010 году размер ВВП США составил (\$14,498 трлн.), Китая (\$5,930 трлн.), Японии (\$5,488 трлн.), а в 2011 году по данным МВФ объемы ВВП США, Китая и Японии выглядели, соответственно: \$15,075 трлн., \$7,298 трлн., \$5,867 трлн. [5]. На основании данных следует, что размер ВВП России в 2011 году меньше ВВП США – в 8,1 раза, Китая – в 3,9 раза и Японии – в 3,1. Радует тот факт, что ВВП РФ в 2012 году составил уже \$2,147 трлн. и его рост по итогам первого полугодия 2013 года составил 1,7% [6]. Как было выше сказано и подтверждено некоторыми данными место России в мировой экономики вначале перестройки и сегодня остается пока скромным. Так, доля ВВП России в мировом хозяйстве на сегодня, как примерно 10 лет назад не меняется: по-прежнему, в 10 раз меньше США и в 5 раз меньше Китая, сопоставима с Южной Кореей, Турцией и Ираном. Следует напомнить, что доля ВВП России в 1990 г. составляла 3,4%, за 1992–1994 годы в среднем составляла 2,5%, в 2000 г. – 1,5%, а уже в 2011 г. – 2,7%. Прогнозу на 2015 г. – 1,8%, вероятно, уже не быть и это радует.

Показатель – объем ВВП на душу населения характеризует уровень благосостояния граждан страны и эффективность экономики. При анализе этого показателя однозначные выводы делать сразу не стоит, а следует учесть различия в структуре экономики, в природе

роста ВВП, а также в структуре затрат разных стран. Однако, вполне возможно, составить некоторое представление о позициях каждой страны. И так, по объему ВВП на душу населения лидирует ни первая, ни вторая экономика мира, т. е. США и Китай, а Катар, Люксембург и Сингапур, где на каждого жителя приходится 88559, 81383 и 56522 доллара национального богатства [7]. По оценке МВФ первая экономика мира – США в 2010 г. находилась на 7 месте (47284 доллара на каждого жителя страны) [7], а Китай в 2010 г. на 94-м месте (4382 доллара на каждого жителя) [7]. Что касается России, то она в 90-е годы по объему ВВП на душу населения замыкала шестую десятку среди всех стран мира (4850 доллара) [1]. Ситуация на сегодня изменилась в лучшую сторону, но не намного. Так, в 2010 г. по версии МВФ по номинальному душевому доходу РФ находилась на 52-м месте (15837 доллара) [7]. Думаю, что особой разницы нет: 56 или 52 место. Эта ситуация есть следствие крайне недостаточного роста ВВП и снижения покупательной способности рубля.

Важным фактором роста производства и, соответственно, ВВП мог стать приток иностранных инвестиций, способствующий повышению эффективности и качества производства за счет использования новейших зарубежных технологий, современного оборудования и управленческого опыта. К тому же, в тот период времени перспективы инвестиций в России оценивались как весьма привлекательные для иностранных инвесторов. Тем не менее, вначале реформ (в 90-е годы) привлечение иностранных инвестиций явилось проблемой для российской экономики.

В этот период в стране возник инвестиционный кризис, связанной в определенной степени ограниченностью собственных капиталовложений российских предприятий за счет прибыли. Подтверждение тому, весьма незначительная доля России в международных инвестициях в нарождающиеся рынки – всего 0,5% [8].

Привлечение иностранных инвестиций на сегодня рассматривается как один из приоритетов деятельности российского правительства. К тому же, следует отметить, что место и роль любой страны в мировой экономике определяется также и степенью вовлеченности страны в процесс инвестирования. Сами страны выделяют на сегодня особую роль и значение процесса инвестирования для экономического подъема своих стран. Особенно это касается развивающихся стран, которые чаще всего являются основными получателями иностранных инвестиций и, которые имеют хорошие перспективы роста, в последние годы это Китай и Индия. Вначале рыночного пути развития правительства развивающихся стран в отношении зарубежных инвестиций принимала меры ограничения и контроля, а уже с начала 80-х годов многие страны изменили свою политику в сторону либерализации, осознали важность и необходимость инвестирования и ныне основной задачей практически всех правительств является привлечение иностранных капиталов в национальную экономику. Можно даже сказать, что на мировой арене развернулась некая борьба за получение весомой доли международных инвестиций. Что касается России, можно сказать, что начиная с 2000-х годов иностранные инвестиции стали довольно резко возрастать. Объясняется это эффективной работой правительства и представителей российского бизнеса, в первую очередь. Так, если объем иностранных инвестиций в российскую экономику в 1995 году составлял 3 млрд. долларов, в 2001 году – 14,3 млрд. долларов, а уже в 2007 году – 120 млрд. долларов [9]. В первом полугодии 2013 года в экономику РФ поступило 98 млрд. долл. иностранных инвестиций, что на 32,1% больше, чем в первом полугодии 2012 года [10]. Таким образом, положение России в сфере иностранного инвестирования меняется к лучшему.

Тем не менее, по инвестиционной привлекательности по данным Всемирного Банка наша страна в 2011 году занимала лишь 116-е в мире место из 191-й страны, по соседству с Сейшеловыми островами и Бурунди [11]. В тоже время, по сравнению с 2006 годом инвестиционная привлекательность России выросла примерно в четыре раза. И так, наша страна в 2011 году по инвестиционной привлекательности сделала шаг вперед и улучшила свои конкурентные позиции в мире по привлечению прямых иностранных инвестиций. К тому же, в этот год наблюдался рост доверия инвесторов к России под влиянием устойчивого потребительского спроса, присоединения России к ВТО в середине 2012 года и очередного этапа приватизации.

Инвесторы, которые уже работают в России, по-прежнему демонстрируют доверие к нашему российскому рынку. Почти 80% из них планируют расширять свою деятельность в стране или сохранить ее на прежнем уровне. Следует отметить, что исследованиями инвестиционной привлекательности в мире занимаются многие компетентные учреждения и организации. Так, в исследовании Economist Intelligence Unit, проводившегося на основе опроса 73 инвесторов по всему миру, отмечается, Россия находится на предпоследнем месте среди рынков, наиболее привлекательных для инвестиций в 2013 году (в 2012 году РФ была также второй с конца) и лишь 12% респондентов посчитали ее привлекательным местом для инвестирования [12]. По исследованиям этой организации на первом месте оказались США, которые опередили Китай, третье место занимают страны Юго-Восточной Азии, а четвертое – Бразилия. Повышение инвестиционной привлекательности РФ связано с увеличением потребительского рынка, развитием производственной базы и принятыми правительством мерами по борьбе с коррупцией, бюрократией и зависимости от нефтегазовой отрасли. Но, прежде

всего, повышают инвестиционную привлекательность России для международных инвесторов – это природные ресурсы как ее основное конкурентное преимущество на мировой арене. (РФ сохраняет ведущие позиции в мире по добыче углеводородного сырья и некоторых других видов полезных ископаемых.)

Другими факторами привлечения иностранных инвестиций в нашу страну выступают: растущий потребительский рынок, сбалансированная стоимость (недорогая) рабочей силы и квалификация трудовых ресурсов, высокий уровень образования, развитие телекоммуникационной инфраструктуры. В 2012 году Россия привлекла 128 проектов, финансируемых за счет ПИИ как и в 2011 году [13]. Это привело к увеличению количества рабочих мест на 60% и обеспечило ей выйти на 2-е место в Европе по числу рабочих мест, которые появились благодаря ПИИ (а в 2011 году – шестая позиция).

В последние два года иностранные инвестиции по различным отраслям экономики распределялись примерно так: большая часть инвестиций иностранных компаний в российские предприятия пришлась на компании, работающие в обрабатывающей сфере (речь идет о заводах, занимающихся сборкой различных автомобилей, при этом автомобильный рынок на территории нашей страны растет сегодня высокими темпами, при этом более 70% реализуемых машин собирается на территории РФ), далее по популярности среди иностранных инвесторов занимают оптовая и розничная торговля, а затем следуют транспорт и связь, операции с недвижимостью и различные виды финансовой деятельности. И, так на сегодня на обрабатывающую промышленность приходится \$58,6 млрд. (в основном в производство кокса и нефтепродуктов), оптовую и розничную торговлю – \$15,1 млрд., на финансовую деятельность – \$11,3 млрд. [14].

Следует признать, что Россия пока неохотно пускает иностранные инвестиции в добывающие отрасли. На сегодня есть случаи, когда многие инвесторы не выводят денежные средства за рубеж, а реинвестируют полученную прибыль в различные российские проекты. Можно сказать, что иностранные инвестиции в 2012 году не оказали существенного влияния на макроэкономические показатели в РФ, где по ныне наблюдается их умеренный рост. Однако их приток позволил создать, как отмечалось выше, дополнительные рабочие места в целом ряде регионов нашей страны, а также увеличить поступления как в региональные, так и в общероссийские бюджеты.

Накопленный иностранный капитал в экономике России составил на конец июня 2013 года 370,6 млрд. долл., что на 10,7% больше по сравнению с соответствующим периодом 2012 года. При этом доля в нем прочих инвестиций, осуществляемых на возвратной основе, составила – 66,9%, (на конец июня 2012 г. – 59,0%), доля прямых инвестиций – 31,2% (38,5%), а доля портфельных – 1,9% (2,5%) [10]. Следует отметить, что первая экономика мира (США) накопила в России капитала меньше, чем Ирландия (\$11,4 млрд. и \$18,6 млрд. соответственно). По объему накопленных иностранных инвестиций в экономике России лидерство занимают Нидерланды \$66,5 млрд., далее Кипр – \$64,6 млрд., а третье – Люксембург – \$47,9 млрд. Это обусловлено тем, что многие российские компании, в том числе «Газпром», имеют дочерние общества в этих странах [14]. Россия также инвестирует в иностранные государства. Так, в первом полугодии 2013 года из страны было направлено за рубеж \$126,4 млрд. инвестиций – это почти в два раза больше, чем за первое полугодие 2012 года. (Крупнейший получатель российских инвестиций – Британские Виргинские острова (BVI) – \$59,6 млрд.) [14].

Стоит уделить внимание такому важному аспекту как инновации, обеспечивающим стремительный экономический рывок вперед. Без инноваций страна будет плестись в конце мировой лестницы. Понятно,

что сама разработка, создание и реализация инновационных проектов требует инвестиционных вливаний. Поэтому вначале экономических реформ, рыночных преобразований инвестиции необходимы, прежде всего, для приобретения всего самого передового, что создано уже другими странами и успешно ими используется (имеется в виду такие инновации как технологические разработки, передовые производства, ноу-хау, уникальная техника). Это потребует гораздо меньших инвестиционных затрат странам в осуществлении технической инновации и реструктуризации производства путем их заимствования, копирования у передовых стран. Тому пример Китай, который вначале своего рыночного пути научился пользоваться всем передовым, что создано другими мировыми странами и достиг наивысших результатов, став второй экономикой мира.

К сожалению, в своем рыночном развитии наша страна шла, как выше отмечалось, своим путем, не следуя никому, в том числе и Китаю, успешно строящему социалистическое общество, на основе рыночных отношений. Как мы убедились, столь скромные позиции России на мировой арене в системе международных экономических отношений обусловлены созданием и внедрением собственной модели перехода к рыночному обществу, разработкой и реализацией своих реформ. Сегодня в продолжение реализации реформ России следует усилить позиции государства (правительства) в управлении процессом перехода к рынку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Спиридонов И.А.** Мировая экономика: Уч. пособие – М.: ИНФРА – М, 1999. – 256 с.
2. **Воронин В.П., Кандакова Г.В., Подмолодина И.М.** Мировая экономика: конспект лекций. – М.: Высшее образование, 2007. – 204 с.
3. Россия заняла 12 место в рейтинге крупнейших экспортеров мира – [Электронный ресурс] – <http://lenta.ru/news/2008/04/18/wto/>.

4. Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта – информация об исследовании мира – [Электронный ресурс] – <http://userdocs.ru/ekonomika/40004/index.html?page=2>.
5. Оценка номинального ВВП стран мира (2010–2012 года) от МВФ – [Электронный ресурс] – <http://rusfact.ru/node/5929>.
6. Рост ВВП в России по итогам первого полугодия составил 1,7% МВФ – [Электронный ресурс] – http://finansiko.ru/vvp_rossii_i_stran_mira_2013/.
7. Рейтинг стран по объему ВВП на душу населения МВФ – [Электронный ресурс] – http://ria.ru/research_rating/20110524/379150480.html.
8. **Абрамов В.Л.** Мировая Экономика: Учебное пособие. – М.: Изд. – торг. Корп. «Дагуков и Ко», 2007. – 312 с.
9. Поступление иностранных инвестиций по типам – [Электронный ресурс] – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/in_inv1.htm.
10. **Королева А.** Нефть и ритейл притянули инвесторов – [Электронный ресурс] – <http://expert.ru/2013/08/23/neft-i-ritejl-prityanuli-investorov/>.
11. Национальное рейтинговое агентство: Индексный рейтинг инвестиционной привлекательности стран – [Электронный ресурс] – <http://www.ra-national.ru/?page=index-raiting>.
12. Россия оказалась предпоследней в рейтинге инвестиционной привлекательности – [Электронный ресурс] – <http://lenta.ru/news/2013/04/24/eiu/>.
13. Инвестиционная привлекательность России, 2013 – [Электронный ресурс] – <http://www.ey.com/RU/ru/Issues/Business-environment/Russia-attractiveness-survey-2013>.
14. Офшоры, лучшие друзья России – [Электронный ресурс] – <http://www.gazeta.ru/business/2013/08/22/5602385.shtml>.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

УДК 327.56

К.А. Агафонов

НОТНЫЙ КРИЗИС 1961 Г. В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: АНАЛИЗ ПРИЧИН И ПОСЛЕДСТВИЙ

Скоротечность и неожиданно положительное для Финляндии разрешение кризиса в советско-финляндских отношениях 1961 г., несмотря на всю серьезность намерений, выдвинутых Советским Союзом требований в ноте от 30 октября, породили совершенно различные интерпретации причин кризиса в мировой историографии.

Ключом к пониманию глобальных причин кризиса является анализ международной ситуации в Европе в рамках напряженности вокруг Берлина и озабоченности СССР грядущими президентскими и парламентскими выборами в Финляндии.

Возведение Берлинской стены в августе 1961 г. стало апогеем открытой конфронтации Великих держав в расколотой Германии, позднее признанным одним из наиболее обостренных кризисов в Холодной войне. Истоки же этого кризиса следует искать в ультиматуме, выдвинутом Хрущевым в 1958 г. В ноябре 1958 г. Хрущев направил дипломатические ноты представительствам США, Великобритании, Франции и ФРГ, согласно которым послевоенные соглашения по Берлину считались нарушенными ввиду односторонних акций западных держав, выраженных в образовании ФРГ и включении последней в блок НАТО. В этих условиях единственным правильным решением, по мнению руководства СССР, стало бы обоюдное заключение мирных договоров с обоими Германскими государствами, что послужило бы не только разрядкой вокруг Берлина, но и окончательным разрешением германского

вопроса. На рассмотрение этой позиции Западу выделялось 6 месяцев. Если положительное решение было бы отклонено, СССР готов был заключить сепаратный договор с ГДР и передать последней право на контроль доступа к Западному Берлину, тем самым признав неправомерным присутствие сил Запада на территории города, оговоренное на Потсдамской конференции [8, с. 55–56]. Отрицательная реакция США и Франции последовала незамедлительно, тогда как в Великобритании были не готовы к войне за Западный Берлин. Хрущев, отказавшись от ультимативного заявления, в личной встрече с Эйзенхауэром добился возможности рассмотрения вопроса в рамках конференции, которая позднее в 1960 г. была сорвана из-за сбитого американского самолета-разведчика U-2 [8, с. 58].

Вопрос о статусе Западного Берлина оставался открытым, напряженность в отношениях Великих Держав не спадала. Так, в апреле 1961 г. Хрущев повторно в ультимативной форме заявил о готовности уже к концу года заключить договор с ГДР и передать последней всю полноту власти над Восточным Берлином. В последующие летние месяцы руководство США предприняло ряд мер по повышению боеспособности своего контингента войск в ФРГ. Тем не менее, несмотря на откровенные опасения развязывания ядерной войны, пик кризиса прошел к 28 октября 1961 г., после того как советские и американские силы были отозваны от КПП «Чарли» [6, с. 126].

Глобальный кризис не мог не затронуть Финляндию, имеющую чрезвычайно важное символическое значение для обоих блоков. Отправляя ноту финскому руководству 30 октября 1961 г., СССР произвели также испытание 50-мегатонной бомбы, создав тем самым напряжение перед дальнейшими переговорами. Нота не была средством давления лишь на одну Финляндию: большинство пунктов было адресовано ФРГ, Норвегии и Дании как странам-членам НАТО, и предостережение Швеции, составлявшей вместе с Финляндией

буферную зону нейтралитета в рамках скандинавского баланса сил. Тем не менее, 10 процентов информации ноты касались самого больного места Финляндии, искавшей признания политики нейтралитета, – статей 1 и 2 Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР 1948 г, предусматривающих двусторонние консультации в случае возникновения агрессии со стороны Германии. Риторика в обращении была сфабрикована как нельзя кстати, подчеркивалось, что Германия милитаризируется для реванша. В ФРГ же называли эти доводы абсурдными, обвиняя СССР в подготавливании почвы для экспансии на Севере Европы [2, с. 479].

Необходимо отметить, что осенью 1961 г. ФРГ в действительности увеличила свое влияние в западной части Балтийского моря, что, безусловно, стало объектом пристального внимания со стороны СССР. Ключевым моментом становилось усиление сотрудничества между ФРГ и Данией и Норвегией в рамках НАТО. Значительно увеличив численность своего флота, руководство ФРГ приняли решение о перемещении штабов из Вильгельмсхафена на Северном море во Фленсбург на Балтике для наблюдения за военно-морскими базами в Дании и Норвегии и проведения совместных учений. Гораздо более реальной угрозой являлся план по увеличению числа подлодок с ракетами Поларис, оснащенными ядерными боеголовками, обладающими максимальной дальностью до 2000 км. С созданием объединенного военного командования ФРГ и Дании осенью 1961 г., первой предоставлялась возможность сдерживания флота СССР в Балтийском море, отрезав последнему возможность использования датских проливов. Советским руководством это было воспринято как использование Западной Германией Дании и Норвегии в угоду опасной политики Бонна. Этот постулат стал также одним из ключевых тезисов ноты 30 октября 1961 г. [13, с. 74–78].

Был ли кризис вызван только лишь глобальными тенденциями Холодной Войны? Во многом такой шаг СССР может объясняться желанием обеспечить победу Урхо Кекконена на президентских выборах, означавшую гарантию проводимой Финляндией политики полной лояльности к Москве.

Разразившийся ранее кризис «ночных заморозков», вызванный блокированием Советским Союзом переговоров о Сайменском канале и взаимной торговле в ответ на формирование в Финляндии неугодного советскому руководству правительства прозападно настроенного социал-демократа Карла–Августа Фагерхольма, выступавшего за расторжение договора ДСВ-48. Новый парламент подвергся жесткой критике в советских СМИ и, в конечном итоге, президент Кекконен был вынужден распустить парламент. Хрущев, удовлетворенный таким стечением обстоятельств, разморозил соглашения и в приватной беседе подтвердил президенту Финляндии, что кризис миновал. Однако в самой Финляндии Кекконен подвергся критике со стороны оппозиции за антидемократические меры по отношению к правительству и позволении СССР вмешаться во внутренние дела Финляндии [5, с. 187–189].

К следующим президентским выборам 1962 г. Урхо Кекконену необходимо было заручиться поддержкой народных партий и коммунистов. Оппозиция же в лице социал-демократов, большинства буржуазных партий и Партии мелких земледельцев Финляндии своим кандидатом выдвинула бывшего канцлера юстиции Олави Хонка. Безусловно, в самом СССР такой состав «блока» был воспринят как антисоветский [1, с. 288].

В создавшихся условиях советское руководство было в высшей мере озабочено дальнейшим разрешением вопроса о будущей судьбе внешнеполитического курса Финляндии. Начались поиски возможных мер обеспечения переизбрания Урхо Кекконена на пост президента страны. Мог ли именно нотный кризис стать ключевой мерой? Такого

мнения в своих исследованиях придерживается Ханну Рауткаллио, сторонник конспиративной теории о сотрудничестве президента Кекконена с советскими спецслужбами. Анализируя материалы советских, американских и английских архивов, Рауткаллио приходит к выводу, что советское руководство активно помогало Кекконену в получении заветного поста, а нота 30 октября была частью плана [10].

Так, уже в марте 1961 г. состоялась встреча президента Кекконена и советского посла, на которой последний сообщил Кекконену инструкции о том, как следует реагировать на планируемую ноту. Окончательно же кризис был спланирован во время визита Брежнева в Финляндию в конце сентября 1961 г. Брежнев же в публичных высказываниях четко дал понять, что в СССР не готовы рассматривать никакую другую кандидатуру на пост президента Финляндии, кроме Урхо Кекконена [10, с. 132–134].

Схожего мнения придерживается бывший российский дипломат Юрий Дерябин, специализировавшийся на Финляндии и других стран Скандинавии и плотно работавший с дневниками президента Кекконена. В своем комментарии для газеты *Helsingin Sanomat* Юрий Дерябин приходит к выводу, что кризис был заказан непосредственно Кекконеном через его личные контакты в спецслужбах СССР. Конечной целью было «гарантированное его переизбрание на президентских выборах и создание имиджа беспрекословной лояльности СССР к будущему правительству и внешнеполитическому курсу Финляндии» [16].

В пользу этой теории говорит и тот факт, что нота была отправлена с опозданием: к 30-му октября пик напряжения вокруг Берлина уже миновал. Именно поэтому можно утверждать, что кризис нес в себе и другие причины, нежели только реакцию на события Холодной Войны.

На момент получения ноты финским правительством сам президент Кекконен находился в США на встречах в американском

руководством, где искал признания политики нейтралитета Финляндии [15]. В ответ на озабоченность правительства, президент Финляндии обыграл ноту как исключительно дипломатический кризис в противостоянии Великих Держав, который не угрожает лично Финляндии, и отказался от помощи, предложенной политическими кругами США [3, с. 199].

Стоит также отметить, что взволнованность правительства, получившего ноту в отсутствие президента, могла привести к куда более глобальным последствиям. Так, финский дипломат, позднее избранный на должность министра иностранных дел, Яакко Халлама, не поставив в известность президента, обратился к НАТО в лице посла США в Хельсинки за моральной поддержкой. В своей книге профессор Тимо Сойкканен называет это решение «неслыханным». Финляндия могла стать фронтом противостояния Великих Держав. К счастью, по приезду в Финляндию Урхо Кекконен на встрече с американским послом убедил последнего в том, что кризис является вопросом исключительно двусторонних отношений Финляндии и Советского Союза и его значимость в западной прессе сильно преувеличена [14].

Ханну Рауткаллио в своем исследовании утверждает, что Урхо Кекконен искусственно занизил значимость проблемы. Отказ же от поддержки США в этом вопросе так же был доказательством того, что кризис был заранее спланирован [10, с. 136]. Позволив Штатам оказать давление на СССР, Кекконен поставил бы СССР в неловкое положение и результаты могли оказаться непредсказуемыми.

Менее радикальных взглядов на причины конфликта придерживался Виктор Владимиров, служивший резидентом КГБ в Хельсинки в 1954–1984 гг. Владимиров схож во мнении с Рауткаллио о предназначении ноты с целью продвижения Кекконена на следующий президентский срок. В своем исследовании Владимиров отмечает неблагосклонность советского руководства к формирующемуся блоку

Олави Хонка, идейным вдохновителем которого был Вяйнё Таннер – один из самых заклятых врагов СССР. В этой связи еще в первой половине 1961 в СССР начался поиск мер обеспечения переизбрания Урхо Кекконена на следующий срок. По секретным каналам в советское представительство попала информация, что президент Кекконен намеревался распустить парламент сразу же после президентских выборов. Однако в СССР не были уверены, было ли это возможно в создавшейся в Финляндии политической ситуации. Нотный кризис был воспринят как единственный и безошибочный способ ослабить блок Хонка [12, с. 129–130].

Однако Владимиров не соглашается, что инициатива кризиса исходила непосредственно от Кекконена, определяя действия Кекконена как хладнокровную дипломатическую игру, оказавшую влияние на Хрущева, известного своей радикальной риторикой по вопросам стратегической безопасности СССР. Виктор Владимиров, однако, не опровергает тезиса, что президент Кекконен был заранее проинформирован об условиях ноты [12, с. 132]. В противном случае реакция Кекконена могла последовать с задержкой, что могло повлечь к внутривнутриполитическому кризису, или, что хуже, к неосторожной апелляции оппозиции к Западу. В этих условиях, как и переизбрание Урхо Кекконена, так и относительная оттепель в противостоянии Великих Держав могли оказаться под угрозой.

Невозможно обойти стороной и один из главных первоисточников, пусть и отчасти сомнительный, – дневники президента Кекконена, впервые собранные и отредактированные профессором Юхани Суоми. Однако принимать дневники за правду в последней инстанции тоже не представляется возможным, т. к. Юхани Суоми был одним из ключевых единомышленников президента Кекконена, нежели объективным историком. В своем исследовании Суоми утверждает, что в начале 1961 г. Хрущев находился под давлением ряда внутренних военных кругов, ратовавших за

ужесточение политики по отношению к приграничным странам. Испытание новой ядерной бомбы и нота 30 октября стали следствием этого давления (под давлением следует понимать речь маршала Малиновского на XXII съезде КПСС) [11, с. 480].

В подтверждение этих слов, Суоми пишет, что уже в январе 1961 г. посол Финляндии в СССР докладывал президенту Кекконену о напряженной внутривосточной ситуации в СССР и предостерегал о возможных дипломатических мерах по отношению к Финляндии с целью привлечь последнюю к военным переговорам [11, с. 481].

Также в СССР начало складываться впечатление, что политика Урхо Кекконена и он сам стали слишком дружны с Западным блоком. В своих записях сам президент Кекконен сетовал, что кризис практически свел на нет его работу с руководством США, признание которым нейтралитета Финляндии было чрезвычайно важным на всем протяжении политического курса линии Паасикиви-Кекконена. По мнению Суоми, именно этот факт стал причиной того, что президент Кекконен не сразу же покинул Штаты, когда в Финляндии разразился кризис. Автор отвергает вышеуказанный тезис о том, что Кекконен был заранее проинформирован Советами о грядущей кампании [11, с. 486–487].

Интересным и спорным моментом стала поездка министра иностранных дел Финляндии Ахти Карьялайнена в Москву для предварительных переговоров сразу после того, как стало известно, что за неделю до кризиса делегация финских коммунистов посетила Кремль и встретила с Хрущевым. Генсек СССР намекнул, что нота может оказать помощь в противостоянии блоку Хонка. Урхо Кекконен запретил Карьялайнену говорить о возможности роспуска парламента [11, с. 488]. Этот факт противоречит выводам Виктора Владимирова, о том, что информация о готовности Кекконена распустить парламент просочилась в СССР еще задолго до визита Карьялайнена.

Однако Андрей Громыко дал понять своему коллеге Ахти Карьялайнену, что ключевым камнем преткновения в разрешении кризиса является озабоченность СССР в успешном продолжении лояльного курса Паасикиви-Кекконена. Чтобы устранить эту озабоченность, президент Кекконен воспользовался своим правом и распустил парламент. Однако это не вывело Финляндию из кризиса: 6 ноября 1961 г. советское руководство напомнило финскому правительству, что ответ на первоначальный запрос получен не был и запросили финскую делегацию посетить Москву [5, с. 181–182].

В создавшихся условиях Урхо Кекконен предпочел нанести визит непосредственно Никите Хрущеву 23 ноября в Новосибирске. Кекконену удалось уговорить Хрущева отказаться от непосредственных консультаций, которые могли лишь баланс сил в Скандинавии. Хрущев же ограничился лишь пожеланием того, что Финляндия будет информировать СССР о своих шагах во внешней политике в Балтийском регионе. Кекконен же, в свою очередь, пообещал исполнять роль «сторожевого пса Хрущева на Севере Европы» [5, с. 184].

Рейтинг Урхо Кекконена, отведшего от Финляндии угрозу с Востока, взлетел до небывалых высот даже в глазах его порицателей и обеспечил У.К. Кекконену президентское кресло на долгие последующие годы.

До сих пор не понятно, почему Хрущев изначально прибегнул к столь жесткой риторике, на заре кризиса, но потом позволил так легко убедить себя в Новосибирске. Согласно записям самого президента Кекконена, Хрущеву удалось отразить давление наиболее радикально настроенных военных кругов испытанием Царь-бомбы и самим фактом представления ноты Скандинавским странам [11, с. 488].

Известный финский дипломат Макс Якобсон считает, что нота имела ряд причин. Безусловно, ключевой целью кризиса было стремление оказать влияние на исход президентских и парламентских

выборов в Финляндии. Подтверждением этому служат обсуждения ноты между финскими коммунистами и советским руководством [4, с. 317].

С другой стороны, Якобсон не исключает и ключевого влияния событий холодной войны на кризис в советско-финских отношениях. Именно поэтому Якобсон не соглашается, что информация о возможном роспуске парламента могла попасть к советскому правительству уже в апреле. Связывая нотный и Берлинский кризисы 1961 г. можно утверждать, что в апреле в Финляндии никак не могли предугадать ход кризиса вокруг Берлина осень того же года [4, с. 330].

Якобсон, уделявший особое внимание имиджу Финляндии на Западе, утверждает, что нотный кризис во многом помешал работе Кекконена в США, направленной на признание Штатами нейтральной позиции Финляндии между Великими Державами [4, с. 333]. Безусловно, для СССР усиление нейтрального положения Финляндии на геополитической карте Европы было серьезным вызовом. Такое положение дел, согласно комментариям Збигнева Бжезинского, было одним из ключевых пунктов политики сдерживания США, где важная роль отводилась поясу нейтральных государств в Европе, пользовавшихся свободой в своей внешней политике, не являясь при этом частью западного блока и врагом СССР [3, с. 200].

Исследования Макса Якобсона, занимавшего пост начальника политического департамента МИДа Финляндии в то время, представляют большой интерес для анализа ключевых тем во внешней политике Финляндии. Крупного политического деятеля, практически независимого от президента Кекконена, зачастую называют одним из ключевых архитекторов политики нейтралитета Финляндии в 1960-х гг.

Понимая запутанность проблемы Нотного кризиса, и анализируя различные подходы к определению причин кризиса ведущих историков и политиков, необходимо оценить масштаб противоречивых отзывов в СМИ в период развития кризиса,

представленный в работе Эрика Пакаринена [9], основывавшейся на анализе интерпретаций нотного кризиса в девяти газетах Скандинавии. Так, всего было обнаружено 517 толкований кризиса, 139 из которых поддерживали главенствующую роль внешнеполитических событий в причинах кризиса, 110 обращались исключительно к вопросам внутренней политики Финляндии, а остальные 268 поддерживали военно-стратегическую теорию. Большинство толкований (63%) затрагивали непосредственно внешнюю политику Финляндии, а точнее состоятельность политики нейтралитета. В области внутренней политики большинство авторов связывали нотный кризис с пошатнувшимся положением коммунистов в парламенте Финляндии и президентскими выборами. В военной сфере самое пристальное внимание уделялось возможным требованиям СССР на размещение на территории Финляндии советских военных баз, хотя многие полностью отрицали вероятность этого. В качестве основного вывода Эрик Пакаринен подчеркивает масштаб истерии вокруг кризиса и очевидную беспочвенность множества теорий, что, однако, ни в коей мере не упрощает понимания причин инцидента [9].

В попытке подвести все вышеперечисленные подходы к общему знаменателю, необходимо воспользоваться теорией баланса сил в Скандинавии, впервые введённой в обращение норвежским ученым Арне Олавом Брунтланном в 1966 г. Согласно его теории в годы Холодной войны на Севере сложился баланс сил, включавший три составные:

- Членство Дании и Норвегии в НАТО на «минимальных условиях» (т. е. с отказом от размещения на своей территории ядерного оружия и иностранного контингента войск в мирное время).
- Политика активного неприсоединения Швеции, опиравшейся во многом на собственные силы в обороне и вооружении.

- Политика нейтралитета Финляндии, ограниченная рамками Договора о дружбе, сотрудничестве и военной помощи 1948 г.

Ключевым принципом данной теории является автоматический коррекционный механизм: любая попытка одной из сторон изменить распределение сил в регионе неизбежно приведет к давлению противоположного блока с целью восстановить равновесие в системе [7, с. 249–251].

Отчасти умеренное влияние СССР на Финляндию и в целом на Скандинавию во многих вопросах, объясняется возможностью активизации НАТО на севере Европы, если давление на Финляндию переходит разумные пределы.

Железный занавес в Северной Европе был не настолько крепок, как в Центральной Европе, поэтому в Скандинавии оба блока могли проверить возможные контрмеры противника в случае возникновения конфликтов.

Для СССР Западная Германия всегда была основной угрозой в Европе, именно поэтому быстрорастущее сотрудничество ФРГ с Норвегией и Данией стало основной причиной нажима Советским Союзом на Финляндию, выразившегося в ноте 30 октября 1961 г. Также для советского руководства было крайне важным не только предостеречь, но и обеспечить «правильный» курс внешней политики Финляндии в долгосрочной перспективе. Именно поэтому внутренняя политика Финляндии также требовала вмешательства СССР, стремившегося переизбрать надежного президента Кекконена и максимально ослабить влияние неугодных социал-демократов.

Подводя итоги, можно смело утверждать, что нотный кризис, безусловно, сыграл на руку Урхо Кекконену, который не только упрочил свое положение на посту единственно возможного президента Финляндии и спасителя нации, но и позволил ему впредь полностью контролировать всю партийную игру и оказывать высшее влияние на формирование будущих кабинетов правительства.

Несмотря на то, что кризис так и не активировал условия договора ДСВ-48, некоторые исследователи и политики придерживаются мнения, что события октября – ноября 1961 г. стали препятствием для развития выбранного Финляндией курса нейтралитета во внешней политике. Показательным стало высказывание британского посла в Хельсинки: «Нота помогла Кекконену быть переизбранным, но и напомнила Финляндии о ее зависимости от СССР и подорвала финский нейтралитет» [4, с. 334].

В проведенном исследовании мы считаем, что нотный кризис 1961 г. не стал трагедией для политики нейтралитета Финляндии, громкие победы которой еще ожидали ее позднее в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, проведения договоров ОСВ и внешнеэкономической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.** Политическая история Финляндии 1809–2009 / Предисл. Ю.С. Дерябина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 472 с.
2. **Hentilä, Seppo.** Maintaining Neutrality between the Two German States: Finland and Divided Germany until 1973 // *Contemporary European History*. – 2006. – Vol. 15. Nr. 4. – P. 473–493.
3. **Hanhimäki, Jussi M.** Containing Coexistence: America, Russia, and the "Finnish Solution". – Kent; London: The Kent State University Press, 1997. – 279 p.
4. **Jakobson, Max.** 20. vuosisadan tilinpäätös.. – Otava, 2003, – 415 p.
5. **Kirby D.G.** Finland in the Twentieth Century: A History and an Interpretation. – UK: C Hurst & Co Publishers Ltd, 1979. – 253 p.
6. **Kähönen, Aappo.** The Soviet Union, Finland and the Cold War: the Finnish Card in Soviet Foreign Policy, 1956–1959. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2006. – 195 p.
7. **Loth, Wilfred.** Europe, Cold War and Coexistence, 1955–1965. – London: Routledge, 2004. – 320 p.
8. **Lunák, P.** Khrushchev and the Berlin Crisis: Soviet Brinkmanship Seen from Inside // *Cold War History*. – 2003. – Vol. 3. Nr. 2. – 53–82.

- 9. Pakarinen, Erik.** News Communication in Crisis: A Study of the News Coverage of Scandinavian Newspapers during the Russo-Finnish Note Crisis in the Autumn of 1961 // *Cooperation and Conflict*. – 1967. – Vol. 2. Nr. 3. – P. 224–228.
- 10. Rautkallio, Hannu.** *Agenda Suomi : Kekkonen, Sdp, NKP, 1956–66*. – Porvoo: WSOY, 1999, – 446 p.
- 11. Suomi, Juhani.** *Urho Kekkonen: 1956–1962, Kriisien aika*. – Kustannusosakeyhtiö Otavan, 1992, – 677 p.
- 12. Vladimirov, Viktor.** *Näin se oli ...: muistelmia ja havaintoja kulussientakaisesta diplomaattitoiminnasta Suomessa 1954–1984*. – Kustannusosakeyhtiö Otavan, 1993, – 416 p.
- 13. Väyrynen, Raimo.** *Stability and change in Finnish foreign policy*. – Helsinki: Helsingin Yliopiston, 1986. – 159 p.
- 14. Unto Hämäläinen.** *Finnish Foreign Ministry history: top official sought NATO help during Note Crisis with Soviet Union // Helsingin Sanomat. International Edition*. 26.08.2003. URL: <http://www2.hs.fi/english/archive/news.asp?id=20030826IE14> (дата обращения 27.10.2013).
- 15.** *Finnish-Soviet “Note Crisis” 50 years on // Helsingin Sanomat. International Edition*. 01.11.2011. URL: <http://www.hs.fi/english/article/Finnish-Soviet+%E2%80%9CNote+Crisis%E2%80%9D+50+years+on/1135269789424> (дата обращения 27.10.2013).
- 16.** *Former Soviet Ambassador Deryabin: Kekkonen probably knew about 1961 note in advance // Helsingin Sanomat. International Edition*. 28.11.2011. URL: <http://www.hs.fi/english/article/Former+Soviet+Ambassador+Deryabin+Kekkonen+probably+knew+about+1961+note+in+advance/1135269939820> (дата обращения 28.10.2013).

УДК 327.7

В.А. Ачкасов

ИЗОБРЕТЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стремление к единству Европы можно проследить уже в раннем Средневековье, при этом оно выражалось либо в попытках объединения народов континента посредством силы (формирование империи Карла Великого (ок. 800), Священная римская империя Оттона I, наполеоновские войны, Третий рейх), либо путем убеждения власть имущих, особенно перед лицом внешней угрозы (формирование вариантов «европейской идеи»)*. Поэтому в целом европейскую историю после 800 г., можно рассматривать как последовательную эволюцию стремления к объединению европейцев, которое проявляется как в активной внешней политике, в становлении, например, Священной Римской империи и христианского универсализма, так и в трудах философов, юристов и деятелей культуры. Опору для объединения Европы искали в двух направлениях, как в создании разного рода общих **институтов**, так и путём конструирования **идеологий**.

Таким образом, современный европейский интеграционный процесс – это не только реакция на системный крах европейского миропорядка предшествующих десятилетий XX века, но и достаточно успешная попытка практического воплощения в жизнь идей и проектов, веками владевших умами сотен мыслителей и политиков Европы. Как утверждал Эдгар Морен «Мыслить о Европе является

* В свою очередь, А.Г. Браницкий и ряд других исследователей усматривают проявления этого стремления еще раньше, в рамках так называемой «римской идеи» – идеи создания всемирной империи [1, с.7].

давним занятием», поэтому Европа, как понятие длительного геополитического действия, является «изобретенной традицией» в том смысле, какой вкладывает в него британский исследователь Эрик Хобсбаум – это «совокупность общественных практик ритуального и символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или не явно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» [2, р. 43]. Процесс изобретения традиций всегда связан с ритуализацией и формализацией, при этом новая традиция всегда связывается с прошлым, несмотря на то, что связь эта по большей части оказывается фиктивной. Причины, по которым традиции конструируются, различны. Исходя из этого критерия, Э. Хобсбаум разбивает «изобретенные традиции» на три группы: первые символизируют и выражают социальную близость, идентичность сообществ и наций; вторые легитимизируют их статус, институты и авторитеты; третьи социализируют определенные ценности, нормы, правила поведения [2, р. 9].

Государства ЕС и наднациональные институты сегодня, как и все государства мира, проводят политику идентичности, направленную на интеграцию европейского сообщества, формирование определенного представления о «Нас», опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры. Но поскольку «традиции складываются не сами по себе; их создают, отвергают или изменяют люди» [3, р. 14–15], постольку столь различна значимость тех или иных элементов прошлого на разных этапах исторического развития общности и для разных социальных групп каждого данного сообщества, как и различна интерпретация этого прошлого.

Энтони Пэгден определяет формирующуюся сегодня европейскую идентичность как конструкцию, созданную из совокупности «историй, образов, коллективных воспоминаний, изобретенных и тщательно оберегаемых традиций» [4, р. 33]. Поэтому, с одной стороны понятие «Европа» служило и служит опорой сложившейся самобытности и идентичности, с другой –

беспреданно меняется в зависимости от особенностей исторического момента. Благодаря распространившимся усилиями историков представлениям, европейцев сегодня объединяет «общность судьбы», «цивилизации» или «общеевропейский культурный рынок». И они на протяжении всей истории Европы прослеживают следы существования этой искомой общности. Как отмечал К. Рид, «...историк находит в прошлом то, что ищет. Он отбирает, излагает и подчеркивает факты в соответствии с той концепцией, которая социально желательна и востребована, и рассказывает об эволюции общества, постоянно имея в виду это обстоятельство» [5, р. 285]. В силу сказанного ретроспективный взгляд на процесс формирования традиции европейского единения и ее различных исторических вариаций становится актуальным, особенно после «бархатных» и не очень революций 1989 г. в коммунистических странах, когда Западная Европа утратила монополию на использование наименования «Европа». Если в эпоху формирования первого Европейского сообщества в 1950-е годы Жан Монне мог сказать, что границы сообщества были установлены другими, теми, кто считал своим долгом не быть его частью, то отныне скорее получила перевес противоположная ситуация, поскольку от Киева до Анкары и от Белграда до Кишинева каждая нация желает стать членом европейского клуба и, по их мнению, чем раньше, тем лучше. Все это сделало вновь актуальным и вопрос о границах Европы, временно закрытых в годы холодной войны, и побудило к размышлениям об основах, следовательно, о критериях геополитической реорганизации континента.

Современный успех европейской интеграции был не возможен без уникального сочетания множества факторов, которые обеспечили устойчивость интеграционных импульсов на протяжении второй половины XX века. Одним из таких долгосрочных факторов и является европейская идея/традиция. Именно она из столетия в столетие побуждала обитателей континента предпринимать все новые попытки для того, чтобы прекратить раздиравшие Европу распри и осмыслить – что есть Европа. При этом «изобретение Европы»

представляет собой сумму последовательных истолкований этой идеи и проектов, призванных воплотить европейскую идею в жизнь, которые можно попытаться восстановить. Причем, любая версия европейской идеи неизбежно содержит ответ на два ключевых вопроса:

1) что такое Европа и где ее границы?

2) На какой системе ценностей и символов должна основываться европейская общность?

«То, что проходит красной нитью через историю, по крайней мере, на протяжении последних пяти веков, – отмечает М. Фуше, – это власть имени «Европа», и стремление закрепить за собой право на номинацию этим именем. Другие топонимы имеют такую же силу, особенно название «Америка», незаконно присвоенное одними Соединенными Штатами Америки, которые в течение долгого времени доминируют на дискурсивной сцене мира и представляют себя в качестве антитезы Европе, «континенту прошлого», который обречен на вечное противостояние новаторскому государству «фронтيرا», олицетворяющему сегодня Запад. Но топоним «Америка» существует не столь долго, как топоним «Европа» [6, с. 26–27].

Каждая эпоха создавала свое собственное понятие Европы ее истории, и ее границ в зависимости от особого совпадения внутренних и внешних политических факторов и по-своему отвечала на возникшие вопросы о границах континента и о принадлежности к Европе. В связи с этим можно привести следующий яркий пример: Еще в конце XVII века в 1682–1686 гг. в изданной в России «Космографии», как и во многих русских азбуковниках границей между Европой и Азией, как и во времена античности обозначался Дон. И только в следующем столетии выдающийся русский историк и географ В.Н. Татищев в статье «Европа» включенной в «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» писал о границе по Уральскому хребту. Восточная граница Европы проводилась в XVIII в. по Уралу и шведским

путешественником Страленбергом [7, с. 7]. Но эта граница не является общепризнанной даже сегодня, особенно в Западной Европе.

Приведем еще один исторический пример: идея, заключающаяся в том, что один из истоков политической Европы лежит в прецеденте ограниченной демократии античных Афин, является сегодня для всех очевидностью. Однако это довольно новая идея, занявшая видное место в европейском дискурсе только в середине XIX в., когда молодые демократы, борющиеся за национальное освобождение, были захвачены работами Джорджа Грота, британского банкира, парламентария радикальной ориентации, автора истории Греции, публикуемой начиная с 1846 г. Именно Грот сформулировал идею, согласно которой корни европейской цивилизации уходят не в христианство, а на пять веков глубже, в демократический опыт афинян. Таким образом, он предоставил оружие демократам, воодушевленным борьбой греков за независимость против оттоманского угнетения и для оказания противодействия консервативному порядку Священного союза, и против исключительно христианского прочтения европейской идеи [6]. Известно, что одним из аргументов, выдвигаемых политическими лидерами Греции после свержения диктатуры полковников в конце 1970 годов нашего века, был тот, что нельзя оставить в стороне от Европейского сообщества страну, являющуюся колыбелью Демократии и породившую тирийский и критский мифы о Европе. Этот довод, несомненно, показался убедительным и стал важным аргументом в пользу присоединения Греции к европейскому клубу. «Прошлое имеет смысл, только исходя из его применения в современных условиях. Оно таит в себе неисчерпаемый источник представлений и аргументов, которые могут быть мобилизованы или, наоборот, вовремя забыты. Отголосок замечания Эрнеста Ренана относительно нации, понятие которой вмещает в себя как памятные события, так и бремя забвений эпизодов общей истории» [6, с. 12].

Из первоначальных мифов о Европе сегодня постоянно используются, по крайней мере, два факта. *Первый факт* фиксирует

средиземноморское происхождение этого понятия. Так, согласно одному из классических мифов античности, Европа была матерью Миноса, царя Крита, известного моряка, который, владея огромным флотом, господствовал на Средиземном море. Римский поэт Овидий в своих «Метаморфозах» привел другую версию этого мифа: дочь финикийского царя Европа была похищена, переправлена на Крит и соблазнена Зевсом, отцом Богов. Эта легенда была изображена на греческих вазах, стенах Помпеи и полотнах Тициана, Веронезе и Серова. Для историка Геродота похищение дочери царя Тира было лишь мстью за похищение тирийцами дочери царя Аргоса – Ио. Так история и мифы переплетаются и свидетельствуют об обмене ценностями и опытом, осуществлявшимся в ту пору между Египтом фараонов, в состав которого входил Тир, и колониями Древней Греции. Согласно мифу, именно брат Европы – Кадмос передал греческому миру искусство письма. В результате Европа (это слово этимологи толкуют как земли на Западе, земли заката, в противоположность Востоку) стала для античной Греции обозначением ее новых земель на запад от Эгейского моря в отличие от ее более старых колоний в Малой Азии. Таким образом, идея Европы, как, впрочем, и христианство, родилась на восточных берегах Средиземноморья.

В ту историческую эпоху слово «Европа» было политически нейтральным географическим понятием. Но в результате конфронтации между античной Грецией и Персией по поводу греческих колоний на островах Ионического моря, которые из-за угрозы натиска со стороны Персидской империи обращались с просьбой обеспечить их безопасность к своей метрополии, понятие «Европа» приобрело и политический смысл. Отличие Европы той эпохи от «Других» было описано не только путем выявления отличий языка (отличия языка эллинов от языков варваров, которые маловразумительно выговаривали слова, отсюда «варвар») обычаев, но также с точки зрения отличий политического устройства: путем противопоставления афинской демократии, конечно весьма

ограниченной, персидском абсолютизму. Так великий врач Гиппократ (вторая половина 5 в. до н. э.) в своем труде «О воздухах, водах и местностях» проводит отчетливый водораздел между «свободной и трудолюбивой» Европой и «деспотичной и погрязшей в удовольствиях» Азией [1, с. 17–18]. Здесь можно отметить поразительную преемственность представлений, поскольку внешняя угроза играла значительную роль в формировании европейского сознания и идентичности во все времена: персов в этой структуре антагонизма сменяют сначала носители ислама – арабы, затем оттоманы – турки, а за ними Россия и русские.

В результате, становится очевидным *второй факт*, присущий применению слова «Европа» во всей его многозначности и во все времена, а именно, самоопределение через противопоставление *«значимым Другим»*. С одной стороны, народы Европы, стремящиеся к свободе, демократии и прогрессу, с другой – существующие в разные исторические эпохи сопредельные деспотические империи. Противопоставление особенно актуализировалось в годы Великой французской революции, затем в эпоху Наполеоновских войн и, разумеется, в период между 1945 и 1989 гг., в годы «холодной войны», когда Западная Европа выступала как «бастион свободы и демократии» против «советского коммунистического деспотизма». Иначе говоря, осознание существования внешней угрозы («варвара у ворот») и структурирующего противоречия между независимыми народами континента и не имеющими к нему отношения экспансионистскими евразийскими империями формировало различные версии Европы, которые можно было использовать в зависимости от преследуемых целей и исторических обстоятельств.

Однако следует особо отметить, что ни одно из политических образований эллинского мира не имело намерений отождествлять себя с Европой как неким целым. Не нуждалось в использовании этого понятия и Римская империя, хотя именно в ее рамках начинает оформляться политическое единство европейского региона. На смену разрозненному множеству городов-государств, царств и варварских

племенных союзов приходит единообразная административно-правовая система, охватившая в годы расцвета империи большую часть европейского субконтинента. Именно на римской почве формируется имперский политический проект, включающий как особую политико-правовую традицию, так и имперскую идею, ключевыми компонентами которой являются претензия на универсализм и мессианство.

Европа как континент христианства – «истинной веры»

Как уже отмечено, первые ростки европейской идеи появляются на обломках Западной Римской империи в IX–X вв. Именно в это время возникает империя Карла Великого, включавшая большую часть территорий Западной Римской империи. «Влить молодое варварское вино в старые римские мехи – таков был замысел Карла Великого и его советников, желавших вернуть имперский венец из Византии на Запад континента», поэтому франкские короли воспринимались современниками как наследники римских императоров Запада, восстановившие Imperium Romanum. И хотя империя Карла распалась в 843 году, ее германские владения стали в X веке ядром созданной Оттоном I общеевропейской политики – Священной Римской империи германской нации (которая де-юре существовала до 1806 года). Важно особо отметить, что именно в империи Каролингов христианство впервые выходит на первый план как один из наиболее существенных критериев европейской идентичности. Можно также вспомнить, что зародившееся в Средиземноморье христианство, распространялось по Европе, постепенно сливаясь с ее географическими рамками и под давлением воинствующего ислама. Отныне, и на долгие столетия, конфессиональный фактор становится важнейшим фактором формирования европейской идеи. Поэтому до XIV века на континенте говорили скорее о Западе и единстве «во Христе», а не о Европе. Именно благодаря христианству народы Европы обрели чувство духовного и территориального единства, но это не привело к выработке

общей геополитической концепции Европы по причине раскола христианских церквей 1054 г., который надолго разделил христианские народы континента; следы этого раскола сохраняются и в XX столетии (разделение Европы пресловутым «железным занавесом» – от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике в основном совпадает с каноническими границами католицизма и православия). Действительно, после Никейского собора 1054 года, на котором главы двух христианских конфессий предали друг друга анафеме, а затем, после разграбления Константинополя во время четвертого крестового похода, представления о христианском мире как об эталоне ограничились только его западной, латинской частью. Таким образом, сформировавшееся в результате двойного столкновения, с Византией и исламом, понятие Европы оставалось подчиненным понятию латинского христианства – католицизма. В то же время, папский престол в борьбе за доминирование в Европе находился в постоянном соперничестве со Священной Римской империей германской нации.

В формировании чувства единства европейских народов римская католическая церковь сыграла очень большую роль: ее литургия, ее высшая власть (папство), несмотря на постоянные конфликты пап с императором и королями; ее неизменная иерархическая, территориальная организация в рамках епископств; общий язык духовных лиц (латынь), являющийся основой ученого пространства Европы; пространство относительно долгих перемирий, несмотря на все новые войны между христианскими монархами – эти факторы вносили важный вклад в формирование европейского социокультурного пространства, которое в то же время оставалось расчлененным на более чем пятьсот политических единиц.

Более поздний термин «европейцы» историки приписывают гуманисту Энею Сильвио Пикколомини, ставшему в конце своей жизни папой Пием II (1458–1464). После падения Византии (1453), он первым назвал христиан европейцами и призвал христианских монархов к совместной защите «*Respublica christiana*» от натиска Османской империи. Идея Пия II заключалась в следующем: только

единая и преодолевшая внутренние распри Европа может отразить натиск воинственных иноверцев. Именно Пий II первым ввел в оборот определение «нашей христианской Европы» как «общего дома», «общего очага и отечества» всех населяющих ее христианских народов. Поэтому он включал в эту республику Грецию, все Балканы и Византию, делая попытку объединения всех христиан. Греки, изгнанные из Византии и нашедшие прибежище на Западе, приняли участие в создании новых форм идентификации, подготавливая тем самым замену термина «Христианский мир» термином «Европа». Заметим, что «это единство было недвусмысленно направлено против исламского военного противника, которым являлся «Турок-осман» [8, с. 77]. Пий II даже попытался – впервые истории – созвать съезд всех христианских государей Европы в Мантуе, но потерпел неудачу.

Почти одновременно с попыткой Пия II, чешский король Йиржи Подебрада (1420–1471) предложил свой проект – «Договор о союзе и конфедерации между королем Людовиком XI, королем Богемии Йиржи и Советом господ Венеции для противостояния туркам», содержащий не только обоснование этой инициативы, но и схему организации политического союза. «При этом установление мира в Европе проект Подебрада прямо связывал с объединением европейских государств и народов в «союзе наций». Фактически речь шла – в отличие от универсалистских идей католицизма – об организации жизни европейских народов на федералистских началах», – отмечает А. Чубарьян [7, с. 8].

Гуманистическая идея «единства Европы» и мира как высшей ценности впервые нашла отчетливое выражение у Данте Алигьери (начало XIV в.). В трактате «Монархия» и письмах Данте ратует за сильную империю, которая являлась бы гарантом мира в Европе. При этом особые надежды он возлагал на французского короля и на императора Священной римской империи.

Для Данте европейский мир являлся миром христианским и именно поэтому христианские добродетели должны были стать основой внутриевропейского примирения. Европейские гуманисты

(Э. Роттердамский и др.) принявшие эстафету у Данте, также призывали к братству всех европейцев во Христе. В трактате «Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного» (1517) автор обращается к европейцам: «... река Рейн разделила француза и германца, но она не может отделить христианина от христианина. Пиренейские горы разделили испанца от француза, но они не в состоянии разорвать невидимые связи, которые соединяют того и другого в церковной общине. Небольшой кусок моря разделяет англичанина и француза, но ... он не может разъединить их как людей, обоюдно приверженных христианской религии» [Цит. по: 9, р. 86]. Характерно то, что в трудах мыслителей гуманистов понятия «Европа» и «христианский мир» выступают как синонимы. В свою очередь, знаменитый художник итальянского Возрождения Боккаччо предложил новое имя прилагательное в языке Данте «europеісо», что означает «европейский».

Однако «европейские правители не считали, что ради распространения христианства следует жертвовать своими собственными политическими интересами; с точки зрения широкой публики эта цель также не была достаточным поводом для общеевропейских призывов к оружию, как это было раньше в эпоху крестовых походов», – отмечает Родинсон [Цит. по: 8, с. 79]. Тем не менее, европейская идентичность постепенно становится достаточно устойчивым политическим проектом и вступает в соперничество с христианской идентичностью, чтобы позже оттеснить ее на второй план.

Другим вкладом средневекового периода, который вносит новации в мифы о происхождении Европы, является понятие Европы как центра. Интеллектуалы позднего Средневековья сформулировали исторический принцип, заключающийся в том, что цивилизация распространялась с востока на запад, от Греции к западным странам. Они обосновали «*translatio imperii*» от Константинополя и Византии к Священной Римской империи германской нации и «*translatio studii*» от Афинской академии к Риму, а затем Парижскому университету – Сорбонне. Это понятие двойного центра, объединенное вкладом

христианства, было важнейшим этапом в формировании понятия Европы. Великие географические открытия усилили этот образ центра, поместив образ Европы в центр системы освоенного мира. Благодаря работам просвещенных людей «*Respublica litteraria*», которых XIX веке назовут гуманистами, Европа стала центральным объектом системы понятий, выражающих специфические высшие культурные ценности. «Именно идеей переноса власти и цивилизации с востока на запад – «*translatio imperii*» и «*translatio studii*» – подчеркивается перенос власти от Византийской империи к Империи германской, а также перенос знаний из Афин и Рима в Париж. Это продвижение цивилизации на запад, несомненно, способствовало упрочению идеи превосходства западноевропейской культуры в умах многих европейцев последующих веков», – отмечает Жорж Корм [10, с. 76].

Формирование представления о Европе как центре мира хорошо иллюстрируют и географические карты, создаваемые в XVI–XVII вв. Все они помещают Европу в центр проекций на домысленных картах расширяющегося мира.

Европа в мирском представлении

Как отмечает датский исследователь Бо Строт, начиная со Средних веков, образ европейского сообщества создавался при помощи отмежевания от внешнего мира, от «других», а христианство являлось наиболее мощным интегрирующим фактором. Однако Реформация и религиозные войны привели к подрыву этого единства изнутри [11, р. 387–401]. Реформационные и контрреформационные войны XVI–XVII столетий, расколовшие Европу по религиозному принципу, переросли в катастрофу Тридцатилетней войны. Ее ужасы вызвали к жизни новую волну проектов единения Европы, наиболее известными из которых являются проекты богослова и университетского профессора Яна Амоса Коменского (1592–1670) и парижского монаха Эмерика Крюсе (ок. 1590–1648). Коменский, видимо первым, подчеркнул роль культурного (коммуникационного) фактора для общеевропейского примирения. Народы Европы смогут,

по его мнению, жить в мире друг с другом, если будут говорить на одном языке. В свою очередь, Э. Крюсе первым поднял вопрос об экономической основе европейского единения. В своем трактате «Новый Киней» он не только призывал христианских монархов, включая московского царя, создать межгосударственную ассамблею, которая находилась бы в Венеции, и допустить к участию в ней нехристианские государства, но и развивать свободную торговлю и ремесла как залог общеевропейского мира. Исходя из этого, он призывал правителей содействовать развитию земледелия, ремесел, торговли, образования, введению единых весов и мер.

Идея Европы, будучи наделенной атрибутами высшей цивилизации в новом мире, постепенно приобретает автономные черты не только благодаря реформации в католической церкви и появлению протестантских христианских церквей, но и благодаря возникновению тенденции к секуляризации. Реформация и религиозные войны пробили брешь в понятии христианского единства Европы. Но одновременно эти войны показали, насколько взаимосвязаны судьбы европейских народов и государств. Предпосылки для распада христианского проекта европейского единства были теоретически подготовлены Н. Макиавелли, автором понятия «равновесия сил» между современными государствами: речь у него уже шла о политической, а не о религиозной концепции, применимой к Европе, начиная с борьбы итальянских городов против Венеции. В 1454 году Франческо Сфорца, герцог Милана, у которого служил Макиавелли, обратился к Лоренцо Медичи, правителю Флоренции, с предложением союза между двумя государствами. Он хотел объединиться против Венеции, прежде чем она станет слишком сильной. Медичи согласился, но настаивал на том, что они не должны разрушать Венецию, поскольку может наступить день, когда ее сила понадобится, чтобы остановить Рим. В его ответе была одна историческая фраза: «В делах Италии необходимо сохранять баланс». Считается, что именно он первым ясно высказался по поводу

«баланса сил», ставшем одним из главных принципов европейского порядка на последующие 500 лет.

Понятие получило развитие во времена борьбы Франции и Габсбургов в годы «Тридцатилетней войны» и несколько позже было переработано кардиналом Ришелье, изобретателем понятия «государственный интерес». Вспомним, что в Тридцатилетнюю войну в 1635 году, на стороне протестантских государств, вовлек католическую Францию – «старшую дочь Церкви» именно кардинал Ришелье. Так, уже на рубеже XVI–XVII вв. появляется первый проект объединения, основанный на идее европейского равновесия. Предположительно в 1638 г., герцог Максимилиен де Бетюн? Сюлли (1559–1641) предложил королю Франции Генриху IV Наваррскому «Великий замысел о Европе», который предусматривал ее раздел на 15 государств, примерно равного значения, имеющих и общие государственные структуры, как например, «Весьма христианский совет», из 40 представителей 15 государств, Совет менял бы свой состав каждые три года и опирался бы на шесть региональных советов. Главной задачей и правом Совета был арбитраж в спорах между государствами Европы. Для придания решениям Совета обязательного характера предполагалось создать также единую армию. Таким образом, Европа должна была превратиться в конфедеративный союз. При этом Сюлли видел в конфедерации не только гаранта мира в Европе, но и крепость против внешних врагов, к которым он причислял турок, московитов и татар.

«Великий план Сюлли был весьма противоречив. Нацеленный на создание объединенной мирной Европы, он в то же время предполагал предварительную перекройку границ большинства государств и даже их заморских владений, причем главной мишенью герцога были Габсбурги, которые должны были сохранить власть лишь в Испании, лишившись всех владений в Германии, Италии и Нидерландах. Гуманизм автора приходил в противоречие с целями, продиктованными политическим прагматизмом», – отмечает Ю.А. Борко [12, с. 22].

Позже понятия «государственный интерес» и «равновесие сил» применялось в протестантских странах в контексте борьбы между Вильгельмом Оранским (с 1688 г. – королем Англии) и Людовиком XIV, проходившей под знаменем противостояния между «свободами Европы» и христианством (т. е. католицизмом). В результате, можно сделать вывод о том, что религиозная Реформация для Европы была одновременно: разъединением универсального христианского порядка, строительством национальных церквей и религиозно-идеологической формой выработки национального самосознания, выражающей независимость народов от иностранного духовного и политического господства. Реформация также способствовала установлению светского понятия Европы, которое постепенно утвердилось после заключения Вестфальского мира в 1648 году.

«Система (баланса сил) основывалась на механистической идее, согласно которой межгосударственные союзы должны уравнивать влияние различных государств с тем, чтобы ни одно из них не могло доминировать на континенте.

Европейское изобретение малых национальных государств и системы, не дающей ни одному из них подчинить себе другие, чтобы создать империю, имеют свои плюсы и минусы. Ожесточенная конкуренция между ними побуждала их разрабатывать самые передовые в мире технологии и позволила континенту, пребывавшему до этого в состоянии сонного болота, обогнать империи Востока и добиться мирового господства. Однако логика паритета сил означала также непрерывные войны: тридцатилетняя война, наполеоновские войны, австро-прусская, франко-прусская, крымская, Первая мировая, Вторая мировая – все велись с целью не дать ни одной стране возвыситься и добиться господства» [13, с. 44]. Так, короткий исторический период, между победой над Наполеоном и Крымской войной, Россия как сильнейшая в военном отношении держава играла даже роль гегемона в Европе. Однако итог этой гегемонии оказался достаточно печальным: формирование устойчивого (до предрассудка) мнения, что Россия – это «тюрьма народов» и «жандарм Европы».

«Европейские лидеры использовали русские войска для подавления национально-освободительных движений, а когда в этом отпал смысл, нанесли ей поражение, опираясь, прежде всего, на свое технологическое превосходство» [14, с. 32].

Таким образом, начиная с Ришелье, поиск равновесия/баланса сил между государями и нациями прочно объединяется с понятием Европы как политической концепции. В XVIII в. ее изучение связано с изучением договоров, которые аббат Мабли – французский дипломат, рассматривал как архивы европейских наций («Публичное право, основанное на договорах», 1773 г.).

Этому реализму «баланса сил» противостояли контрпроекты Европы пацифистской ориентации. Квакер Вильям Пенн, основатель Пенсильвании, после возвращения в Англию в «Эссе о настоящем и будущем Европы» (1693 г.) предложил свой план создания европейского сообщества государств для поддержания мира и стабильности – учреждение Европейской лиги, для чего необходимо создать Сейм, принимающий решения большинством голосов и обладающий собственной армией, который объединял бы представителей европейских государств, с целью прекращения войн их раздирающих. В этот конфедеративный союз, по мысли Пена, могли бы войти также «турки и московиты», однако если они откажутся от своей веры. В своем проекте У. Пенн затрагивал вопрос формирования в Европейской лиге многоуровневой системы принятия решений, взяв в качестве образца нидерландские Генеральные Штаты, он выделял три уровня: наднациональный (аналог Генеральных Штатов), государственный (аналог нидерландских провинций) и местный (города). Предложенная Пенном структура, была для своего времени новаторской. Ныне его идея успешно воплощена в институциональной системе ЕС.

В 1712 году появляется «Проект вечного мира» аббата Шарля де Сен-Пьера, предполагающий, что для установления длительного мира необходимо создать «Европейский сенат», обладающий законодательными и судебными полномочиями и принимающий

решения обязательные для всех государств Европы. Основой «вечного мира» должно стать «европейское равновесие на базе «статус-кво». Сен-Пьер, пожалуй, первым выделил предпосылки сближения европейских народов и установления «вечного мира» в Европе:

1) наличие политического опыта времен Римской империи, т. е. традиция политической консолидации обширной и мультиэтничной территории, а также местного самоуправления;

2) сохранение во многих европейских государствах римского права;

3) общее культурное и религиозное наследие христианства;

4) predetermined географией компактность территории и удобство коммуникаций;

5) «общность наук и знаний», которая обеспечивается системой монастырей и университетов, а также латинским языком в качестве средства общения.

В XVIII столетии (столетии европейского Просвещения) появляется целая череда проектов «вечного мира»: от Ж.-Ж. Руссо («Проект о вечном мире» 1756 и 1762 гг.; «Суждение о вечном мире», 1756 г.) до И. Бенгтама («План для универсального и вечного мира», написан между 1786 и 1789 гг., опубликован только в 1843 г.) и И. Канта, глашатая «космополитики» («К вечному миру». 1795 г.). Идея общественного договора переносилась ими на уровень договора наций Европы. В свою очередь, все они являлись преемниками Г. Гроция («О праве войны и мира», 1625 г.), основу учения которого составляло стремление для поддержания мира создать систему международного права. Гроций видел необходимость упорядочивания системы международных отношений и, не исключая естественности состояния войны между государствами, предложил проект законов, которые бы ограничивали ущерб и негативные последствия войн.

И. Кант ввел важное новшество, подчеркнув, что мир будет возможен только в условиях заключения конфедеративного договора республиканских государств, без права его денонсации. Фактически шла речь о создании договорной конфедерации европейских государств, подчиняющихся общим законам и базирующихся на

согласии граждан, особенно в вопросах, касающихся войны и мира. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант выдвинул идею сообщества наций. По его словам, природа побуждает, «в конце концов, после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без печального опыта, а именно выйти из незнающего законов состояния диких и вступить союз народов» [15, с. 15]. Именно его проект «европейской идеи», опоры Европы на свободную волю и этические принципы, стал, по мнению К.Е. Петрова, предтечей современной идеологии объединения ЕС [16]. Немецкий философ также утверждал, что движение к конфедерации должно начаться как следствие трагического опыта мировых войн: последние были предсказаны Кантом более 200 лет назад.

Просвещение XVIII века провозгласило господство разума, свободное от всяческих религиозных догматов и выдвинуло новые рациональные критерии мышления. Разум призывал религию и теологию к ответу – и нет ничего удивительного в том, что религия все в большей степени стала рассматриваться как частное дело, к тому же основанное на сомнительном и иррациональном выборе. Христианство, как казалось, переставало быть базовым основанием европейской культуры. Приватизация религии постепенно привела к выходу политики и экономики из-под теологического контроля. Секуляризация и развитие плюрализма объясняют дальнейшее свертывание христианства и его уход в частную сферу. «Это было выдающееся свершение: огромный творческий потенциал, ранее нацеливаемый на достижение Царства Небесного, оказался перенаправленным на возделывание и совершенствование Града земного. Отделение религии от политики, состоявшееся в Европе, подтолкнуло развитие демократии и появление такой политической системы, в которой власть контролируется народом» [17, с. 166].

Так, для Ш. Монтескье Европа является действительно светской идеей, связанной со свободой, прежде всего, свободой от деспотизма. В свою очередь, просвещенная и интеллектуальная

европейская республика Вольтера объединяет искусства и науки, что закладывают фундамент доминирующего положения культуры Европы в мире. Идея Европы этой эпохи – это культурная модель. Однако «Век Просвещения» был также веком колониальной экспансии Европы и значительной роли рабства в развитии мировой экономики. Тем не менее, именно деятели европейского Просвещения способствовали полному разделению идеи Европы и христианства и установили новую полярность, полюса которой различаются своим отношением к прогрессу и цивилизации. Как отмечает А. Миллер, игры с цивилизационной картой Европы и разными принципами ее раздела по степени возрастания цивилизации или варварства по оси Север–Юг начались еще во времена Римской империи и получили развитие в эпоху Просвещения, когда политики, философы и историки стали проводить разграничение по оси Запад – Восток [18, с. 7–8]. Именно философы эпохи Просвещения закрепили только за Западной Европой статус колыбели цивилизации и ввели понятие «Восточной Европы» как другой ее половины. «Такое концептуальное изменение карты Европы перенесло варварские отсталые земли с севера на восток. Налицо была двусмысленность, – отмечает датский исследователь Бо Строт, – парадоксальным образом Восточная Европа и включалась в континент, и выносилась за его рамки» [11]. Но в конце века Европа как «центр цивилизации», как «Республика учености и искусств» рискует исчезнуть под ударами революций, национальных движений и стремления европейских народов к обретению национального суверенитета.

Европа как исторический объект

В эру революций конца XVIII века американская революция 1776 г., которая привела к созданию Соединенных Штатов Америки, поставила под вопрос концепцию, единства Запада. В то же время, Великую французскую революцию 1789 г. можно считать воплощением идеи Европы государств-наций, поскольку в результате решительного разрыва со «старым режимом» Франция заняла место

образцовой европейской нации. Революция 1789 г., действительно, имела огромное значение для Европы.

Во-первых, она породила универсальные европейские идеалы: права человека, политическое равенство, гражданство, которые, в конце концов, обусловили поражение наполеоновской империалистической попытки политического объединения Европы силой оружия.

Во-вторых, Французская революция провозгласила и законодательно закрепила важный принцип в международных отношениях: невмешательство в дела других народов и осуждение завоевательных войн.

В-третьих, она дала толчок рождению концепта «национального интереса», который не тождественен государственному, однако «в национальном государстве – государство начинает играть инструментальную роль по отношению к «нации» и в этом смысле является одним из важнейших каналов выражения «национального интереса» в международных отношениях» [19, с. 97].

Новшества в международном праве вместе с радикальными внешне и внутривнутриполитическими преобразованиями способствовали появлению и развитию национальных движений в Европе, основной целью которых стало создание своих суверенных национальных государств. В этих условиях революционная Франция взяла на себя мессианскую роль – со всеми ее правами и обязанностями – вестника и носителя свободы и прогресса для всех народов Европы. Однако эта миссия никак не уместилась в национальных границах, именно тогда и возникает новый дух национализма, неся с собой жажду власти и славы во имя национального государства, который, в конечном счете, заглушил демократическое начало революции. «Французский патриотизм, – пишет Мадлен Роберью, – готов был оказать поддержку, в частности военную, борьбе против тирании. Начинается война. Республиканские генералы получают мандат на отмену привилегий на оккупированных территориях и даже на их присоединение к Франции путем более или менее формального плебисцита, а чуть позже – и на их разграбление, которое они назовут

контрибуцией. Так, за какие-нибудь несколько лет происходит переход от предоставления свободы – к ее навязыванию, от провозглашения всеобщих прав – к рассуждениям о великой нации, от свободного союза стран – к национализму, чуждому патриотизму, во Франции и в тех странах, которые в большинстве, но не единогласно восприняли действия Франции как политику агрессии. «Народы – говорил М. Робеспьер, – не любят миссионеров в кованых сапогах» [20, с. 77].

Именно потому, что проект универсальной европейской республики плохо скрывал амбиции Франции, претендующей на доминирование на континенте, на протяжении XIX в. идея единой Европы в правящих кругах Лондона, Берлина или Вены, продолжала ассоциироваться с экспансией Франции, что, во многом, обусловило ее неудачу. Уже после своего краха Наполеон вспоминал, что в его планы входило создание «обширной федеративной европейской системы, которая ... соответствовала бы духу столетия и служила бы прогрессу цивилизации». Достигнуть этой «цивилизаторской» цели, по его замыслу можно было только силой оружия [7, с. 10].

Однако в ходе реализации наполеоновского проекта была проведена радикальная модернизация политического пространства Европы: были укрупнены германские государства, упразднена «Священная римская империя» (1806 г.), начата унификация правовых и политических режимов западноевропейских стран по французскому образцу. Так, в частности, в ряде стран в законодательство был инкорпорирован французский Гражданский кодекс 1804 г. («Кодекс Наполеона»).

Но одним из наиболее важных результатов революции является то, что Европа стала понятием, подверженным множественным политическим интерпретациям, менявшимся в интеллектуальных дебатах и политических столкновениях. По-новому стали рассматриваться природа и происхождение Европы, в том числе заново открытые более ранние интерпретации этих вопросов. «Многие из идей и установлений революции (в том числе и те, которые были

зафиксированы в «Декларации прав человека и гражданина») послужили отправной точкой и основой для многих, нередко противоположных по социальной направленности европейстских концепций XIX и XX вв.», – утверждает А. Чубарьян [7, с. 9]. В целом же, XIX век знал, по меньшей мере, четыре версии Европейской идеи.

Прежде всего, это возрождение христианского и ностальгического видения Европы посредством возведения в культ памяти о прошлом христианском единстве континента, возрождения интереса к историческим местам, напоминавшим о временах существования в Европе римско-католической автократии (Ф.Р. Шатобриан – «Гений христианства» (1802) или Новалис «Европа или христианство» (1799); или идеи Ж. де Мэстра о спасении Европы путем восстановления европейского единства в рамках Священной римской империи под верховенством Папы римского).

Затем, это континент Священного союза – детища Клеменса Меттерниха – канцлера Австрии в 1812–1848 гг., стремящегося к восстановлению старого внутриевропейского порядка путем применения современной стратегии взаимозависимости и баланса государств – «европейского концерта», скрепленного системой Венского Конгресса. На этой основе объединились интересы русской, австрийской, британской, прусской и французской монархий. Участники Венского конгресса 1815 г. не только фиксировали совпадение целей и принципов, но и пытались выработать механизм для совместных действий против всяких революционных выступлений на континенте. Что, в частности, позволило подтолкнуть Россию взять на себя роль «жандарма Европы» и противовеса в Европейском согласии (до конца 1840-х гг.).

Этому реализованному проекту противостояли, часто очень жестко, две новые версии Европейской идеи.

Первая – это версия либералов, воплощением которой был французский историк и глава французского правительства накануне революции 1848 г. – Франсуа Гизо, настаивавший на разнообразии европейской цивилизации, множественности политических режимов

(либерализм против монархии), и сформулировавший цель для либеральных режимов континента – борьба не только с альянсом трона и алтаря, но и с радикальной популистской демократией. Гизо был сделан набросок политической географии континента, различающей две зоны общественного сосуществования между либеральными представительными монархиями Европы, моделью которых была Великобритания, и Европой консервативных монархий. В то же время Гизо не признавал суверенитета народа, как, впрочем, и суверенитет монарха. Суверенитет, по мнению Гизо, принадлежит одному лишь разуму. Конкретным выражением суверенитета разума является распространение избирательного права лишь на «состоятельные и культурные массы» [21, с. 61]. Таким образом, для Гизо быть либералом означало отказаться от принадлежности к демократам. В Европе XIX века либерализм и демократия скорее разделены, чем состоят в союзе. Гизо писал в конце своей жизни в «Мемуарах»: «...Европа – это сообщество народов и государств. Одновременно различных и схожих, разобщенных, но не чуждых друг другу, не только соседей, но и родственников, объединенных моральными и материальными узами, которые они не в силах порвать – смешением рас, общностью религии, близостью идей и нравов, многочисленными и постоянными вложениями в промышленность, торговлю, политику, литературу, успехами цивилизации, в разных местах неодинаковыми и неравными, но стремящимися к единой цели» [22, с. 68].

Со своей стороны, социалист-утопист и демократ граф Анри де Сен-Симон в обращении «к парламентам Франции и Англии» также призывал к «реорганизации европейского общества» путем образования общего парламента двух стран, как начальной стадии формирования «европейского парламента». Вместе с тем в его проекте предусматривается не только избрание общеевропейского парламента, но и избрание его депутатами короля всей Европы, призванного выступать в качестве регулирующей власти на континенте. Это обращение было составлено его секретарем Огюстеном Тьерри в начале работы Венского конгресса летом 1815 г. с подзаголовком «О

необходимости объединения народов Европы в единый политический корпус при сохранении за каждым его национальности». Однако демократы, певцы национального освобождения европейских народов от имперского гнета – Дж. Мадзини, Луи Блан, Дж. Гарибальди, Л. Кошут, трудились во имя Европы, основанной не на равновесии монархических сил, а на идее федерации свободных наций. Они опирались на борьбу за независимость греков, чтобы переосмыслить, как это было отмечено выше, основу и истоки идеи Европы: отныне это не христианская религия, а античная греческая демократия. В середине XIX века заметным элементом европейской действительности становится и пацифистское движение. В 1842 г. в Лондоне состоялся Первый Конгресс мира, собравший под свои знамена сторонников мира и европейского единства.

Однако после революций 1848 г. происходит утверждение на континенте проекта государства-нации, ставшего доминирующим, и идея Европы отходит на второй план. Даже Дж. Мадзини, несмотря на все усилия, не удалось связать национальные стремления итальянцев с идеалом европейского федеративного единства. С одной стороны, Мадзини (1805–1872) называет итальянский народ «душою мира» и даже «божьем словом в среде наций». Вослед Италии цезарей и пап он возлагает надежды на формирование третьего, демократического Рима. С другой – он основатель и лидер «Молодой Европы» (1834) – интернационального революционного тайного общества (в состав которого входили «Молодая Италия», «Молодая Польша» и «Молодая Германия»), задача которого борьба за национальное освобождение и создание федерации европейских народов, основанной, как говорилось в принятом в 1834 г. «Акте братства», «на принципах национальной независимости и свободы каждого во внутренних делах, но единодушную в общей вере и в действительном братстве». «Молодая Европа», по утверждению создателей организации, представляет собой прообраз Европы будущего, в которой интересы каждой страны будут сочетаться с интересами человечества.

Однако идея европейского единства не умирает и в период доминирования проекта «нации-государства». Ко второй половине XIX века относится начало пропаганды европейских федералистских идей, нашедших, в частности, выражение в лозунге «Соединенных Штатов Европы», который с момента своего появления стал предметом острой политической и идейной борьбы [7, с. 13]. Так, «отец европейского анархизма» Жозеф Прудон в работе «Федеративный принцип» (1863) предлагал федеративную организации для Европы. В социальном плане человек, согласно Прудону, может быть счастлив только в условиях окружающей среды, которая благоприятствует распространению принципов федерации на Европу. Драматург и поэт В. Гюго в речи, произнесенной на открытии «Третьего Конгресса друзей мира и свободы» в 1849 г. пророчествовал: «Настанет день, когда ты, Франция, ты, Россия, ты, Италия, ты, Англия, ты, Германия, все вы, нации континента, не утрачивая своих отличительных качеств и вашего великолепного своеобразия, все неразрывно сольетесь в некоем высшем единстве и образуете европейское братство ... Настанет день, когда бомбы будут заменены Почтенным судом Великого суверенного Сената, который будет для Европы тем, что представляет Законодательная ассамблея для Франции. Настанет день, когда мы воочию увидим два гигантских союза – Соединенные Штаты Америки и Соединенные Штаты Европы, которые став лицом друг к другу и скрепив дружбу рукопожатием через океан, ... совершенствуют все созданное ими и ради всеобщего благоденствия сочетают две необъятные силы – братство людей и могущество бога», – однако эти призывы не были услышаны современниками. Тем не менее, если исключить, суждения этих, стоящих особняком, фигур (Джузеппе Мадзини, Фридрих Ницше, Виктор Гюго, Жозеф Прудон), апеллировавших к идее Соединенных Штатов Европы, то идея Европы ограничивается в эту эпоху утверждением в отношениях между государствами континента норм международного права. Романтизм окончательно уступает место политическому реализму.

Кроме того, понятие принадлежности к Европе было подорвано в последней трети XIX века соперничеством между двумя крупнейшими европейскими нациями-государствами (Францией и Германией), что дало основание О. фон Бисмарку сказать: «Тот, кто говорит о Европе, тот ошибается». В целом, провозглашение 18 января 1871 года в Версале, под стенами осажденного Парижа, создания Германской империи стало настоящей геополитической катастрофой XIX столетия. «Был существенно нарушен сложившийся баланс сил: в самом центре Европы возникло мощное централизованное государство, для которого не было предусмотрено места ни в региональной системе безопасности, ни в системе колониальных владений. При этом по экономической и военной мощи Германия превосходила любое из государств континентальной Европы» [23, с. 34]. Уже это подталкивало новую империю к проведению экспансионистской внешней политики. Однако самой большой проблемой стал подрыв всей существующей системы стратегической стабильности, поскольку создание Германской империи разрушило «концерт европейских держав».

В то же время, этот период с 1848 г. по 1914 г. парадоксальным образом может быть определен как период подъема роли Европы в мире, в целом отождествляемый с кажущимся неограниченным прогрессом человечества. В эту эпоху европейского империализма, интеллектуалы создают целый ряд концепций, обосновывающих культурное и расовое превосходство народов Европы, особенно в сопоставлении с Востоком (см. Эдвард Сайд «Ориентализм»). Именно на идейной базе расизма («миссия белого человека») развивался во внешней политике восходящий английский, французский, бельгийский и др. империализмы, обоснованием которых занимались лорд Солсбери, Ч. Дилк, С. Родс, П. Леруа-Болье, Г. Аното и др. «Народ-колонизатор – это народ, закладывающий основы своего будущего величия и силы», – заявлял, в частности, французский публицист Леруа-Болье. «Для того чтобы оставаться великой нацией и достигнуть национального единства, народ должен быть колонизатором» [Цит.

по: 24, с. 207–208]. В Великобритании сам факт владения империей, «в которой не заходит солнце», формировал имперское сознание, которое постепенно стало овладевать британцами, приобретая иногда оттенок веры в биологическое превосходство британской расы – откуда и вырос английский шовинизм (джингоизм), одним из «отцов» которого считается Р. Киплинг. «Нация, которая не занимается колонизацией, бесповоротно обречена на социализм, войну богатства и бедности. Завоевание страны низшей расы высшей, которая там устраивается, чтобы ею управлять, не содержит ничего оскорбительного. Англия практикует этот вид колонизации в Индии с большой пользой для Индии, для человечества в целом и с пользой для себя. Как должны быть осуждены завоевания среди равных рас, так и возрождение низших или вырождающихся рас высшими расами есть порядок, ниспосланный человечеству провидением. “Regere imperio populos”, вот наше призвание» [Цит. по: 25, с. 118], – писал во второй половине XIX века Э. Ренан, обосновывая право европейских наций на независимость и суверенитет и одновременно – право государств Европы на завоевание и колониальное господство на других континентах.

«Молодой Германский рейх не мог остаться в стороне от этого процесса; как экономически процветающая страна он должен был отнестись к колониальной гонке как к вызову, – отмечает О. Данн. «Нам следует понять, что объединение Германии оказалось просто ребяческой шалостью немецкой нации, которую она совершила на старости лет, и ей лучше не стоило затевать этого дорогостоящего дела, если его завершение не послужит началом выхода на арену мировой политики в качестве великой державы». Это часто цитируемое высказывание взято из вступительной лекции Макса Вебера в 1895 году, оно может служить иллюстрацией того, как ...империалистическое мышление завладело тогда умами молодой, современно мыслящей интеллигенции, увлечение этими идеями проникло даже в ряды социал-демократов» [24, с. 208].

Сформировалась и доктрина социал-дарвинизма, представлявшая историю человечества как последовательность побед

биологически более сильных и поражений более слабых рас. Политическая жизнь представлялась как процесс борьбы за существования, в котором выживают самые приспособленные (В. Лапож, О. Аммон, Э. Геккель и др.).

Во многих случаях и противоречия, возникающие между национальными государствами, облакаются теперь в понятия, заимствованные из социал-дарвинизма, и интерпретируются как борьба народов за «место под солнцем», а так называемый «*sacro egoismo*» возводится в ранг принципа международной политики.

Все доктрины такого рода утверждают универсальность европейских ценностей и отождествляют Европу не только с центром мира, но и с современностью. Разрабатываются системы символов и понятий, в отношении которых другие народы и цивилизации должны определить свою тождественность. Унифицированная идентичность Европы получает явно имперский облик. В эту эпоху европейского могущества понятия «интернациональный» и «европейский» легко смешивались, ибо в Европе действительно решалась участь мира. В культурном плане идея господства европейской культуры с ее псевдо-религией научного прогресса была столь укоренена, что отрицала возможность различных путей социального развития, основанных на иных культурных ценностях. Практически все всемирные выставки и международные организации находились в Европе «центре мира». Впрочем, наличие солидарности в области культуры не смогло воспрепятствовать проявлению гипертрофированных национальных чувств: в 1914–1918 годах те же самые артисты, писатели и интеллектуалы отправились сражаться друг против друга. Только сама война с ее жестокостью и ужасами побудила писателей-сюрреалистов, художников-экспрессионистов к мятежу против сложившихся умонастроений; возникла другая солидарность, пацифистского толка, далекая, однако, от собственно европейского сознания.

Хотя в политическом плане противоборство между двумя союзами (Антантой – (1904–1907) и Тройственный союзом (1882) – будущими воюющими сторонами в первой мировой не оставляло

места для создания общеевропейской политической системы, в экономическом и социокультурном планах дело обстояло иначе. Межъевропейская солидарность существовала среди аристократий и крупной буржуазии – «общества на водах», встречавшегося в знаменитых городах-курортах Виши, Баден-Баден, Мариенбад (Карловы-Вары) и т. д. Оно разделяло одни и те же привычки, образ жизни и воззрения, хотя и не стремилось распространять их в массы. Космополитичными были и династии Европы, национализация которых началась лишь в конце XIX века, когда, по словам Б. Андерсона, «Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы...» [26, с. 107]. Французский маршал Лиотэ не случайно назвал войну 1914–1918 годов «европейской гражданской войной». Исторические исследования экономических и финансовых отношений свидетельствуют о существовании широких и устойчивых связей между европейскими банкирами и промышленниками, о появлении своего рода, «интернационала деловых кругов». Эта солидарность, опиравшаяся на объективную тенденцию к интернационализации экономической жизни, создавала хорошие условия для развития транснациональных отношений. Не случайно сегодня многие исследователи считают период с 1870 по 1914 первым этапом глобализации. Хотя сами по себе эти процессы, конечно, не означали формирования «европейского сознания» и практической реализации европейской идеи.

Столкновение национальных интересов в 1914–1918 гг. в достаточной мере подтверждало замечание Жана-Баптиста Дюраселя: «Между 1914 и 1918 гг. нет больше Европы». «С тех пор как впервые в войну вступила первая современная нация – Франция 1792 года, – пишет немец О. Данн, – национальная идеология всегда играла большую роль в легитимации войн; но степень национализации этой войны по своему масштабу превзошла все, что было раньше. В Англии и Франции, как и в Германии, эту войну представляли как великую битву не только армий, но целых народов, не только

государств, но и принципиально различных систем государственного устройства и мировоззрений» [24, с. 219]. Националистическая мобилизация в воюющих странах была поистине тотальной, захватив все политические силы, в том числе и левые. В войне участвовали не только армии и политики, но и ученые, художники, литераторы и духовенство. Причем по своей разрушительности «война идей» не уступала «войне армий», разрушив и появившиеся ранее социально-экономические предпосылки европейской интеграции и сознание общности европейских ценностей, в то же время, породив проекты радикального передела Европы и мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Браницкий А.Г.** Erit una Europa: история объединения Европы: противоречия, проекты, перспективы, Н. Новгород, 2006.
2. The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbaum, R. Terence / Cambridge, 1983.
3. **Shils E.** Tradition. Chicago, 1981.
4. **Pagden A.** Europe: Conceptualizing a Continent // The Idea of Europe. From Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Cambridge University Press, 2002.
5. **Read C.** The Social Responsibilities of the Historian // The American Historical Review 1950. Vol. 55. № 2.
6. **Фуше М.** Европейская республика. Исторические и географические контуры. М., 1999.
7. **Чубарьян А.** Исторические судьбы европейской идеи // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1990.
8. **Нойманн И.** Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004, с. 77.
9. **Rougemont D.** The Idea of the Europe. – N.-Y. – L., 1966.
10. **Корм Ж.** Религиозный вопрос с XXI века. Геополитика и кризис постмодерна. М., 2012.
11. **Strath B.** A European identity / To the historical limits of a concept // European journal of social theory. – L., 2002. – Vol. 5. № 4. P. 387-401.
12. Заглядывая в XXI век: Европейский союз и Содружество независимых государств / Отв. ред. Ю.А. Борко. М., 1998.
13. **Марк Леонард.** XXI век – век Европы, М., 2006, с. 44.

14. **Егоров А.Б.** Россия и Запад (Некоторые исторические параллели) // Россия и Запад. Сб. статей. СПб., 1996.
15. **Кант И.** Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собрание сочинений в 6 томах. Т.: М., 1966.
16. **Петров К.Е.** Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // Полис (Политические исследования). – 2004. – №3. – С. 140-153.
17. **Захаров А.** «Не всякая стрела попадет в цель»: технология и Абсолют на Востоке и на Западе // Неприкосновенный запас. –2013. – № 4(90).
18. **Миллер А.** Восток Европы или к востоку от Европы // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 2.
19. **Кара-Мурза А.А.** Между «империей» и «смутой» // Полис, 1995, № 1.
20. 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю.Афанасьева и М. Ферро. – М., 1989.
21. **Капланов Р.** Франсуа Гизо: у истоков либерального европеизма // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1990.
22. **Гизо Ф.** История цивилизации в Европе (фрагменты) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1990.
23. **Мирзаян Г.** Прагматик и мечтатель // Эксперт. Специальный выпуск. –2014. – № 31–33 (910) // <http://expert.ru/expert/2014/33/pragmatik-i-mechtatel/>.
24. **Данн О.** Нации и национализм в Германии 1770–1990. СПб., 2003.
25. **Арон Р.** Избранное: Измерения исторического сознания. М., 2004.
26. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

УДК 93

И.И. Климин

О НЕКОТОРЫХ ОЦЕНКАХ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Л. Н. ГУМИЛЕВЫМ

В трудах Л.Н. Гумилева достойное место занимает история государства Российского и прежде всего его раннего, древнего периода, оценки которого, по словам Д.С. Лихачева, для читателя являются неожиданными [1, с. 9], поскольку зачастую они расходятся с общепринятыми в отечественной литературе. К сформулированным автором некоторым выводам по отдельным, в том числе и спорным, проблемам Древней Руси у нас отношение неоднозначное. С одними трактовками ряда исторических событий можно согласиться, со вторыми – поспорить, а третьи – просто наводят на размышление, на переосмысление и нуждаются в дополнительном изучении.

По оценке академика Д.С. Лихачева, Л.Н. Гумилев в своей книге «Древняя Русь и Великая степь» предложил «своим читателям увлекательный... опыт реконструкции русской истории IX–XIV вв.», «где многое раскрывается благодаря воображению ученого. Такой опыт реконструкции, даже не будучи во всем достоверен, имеет все права на существование». Причем в основе концепции Л.Н. Гумилева лежит важная сторона: «Она смягчает то противопоставление народов Востока и Руси, которое имеет место до сих пор» [1, с. 7–8], ибо к евразийским народам он испытывал большую «любовь и симпатию». «Лично мне, – говорил Л.Н. Гумилев, – тесные контакты с казаками, татарами, узбеками показали, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев. Ведь сами они свой стиль поведения никому

не навязывают». В 1967 г. на титуле одной из своих книг он напишет: «Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским и монгольским народам Советского Союза» [2].

Опираясь на свою исходную посылку, Л.Н. Гумилев, например, формулирует собственную оценку татаро-монгольскому нашествию на Русь в 1237–1240 годы, давая ему отчасти, мы бы сказали, «гуманистическую» направленность, к изложению которой мы и перейдем. При этом автор общеизвестные хрестоматийные факты, связанные с взятием русских городов татаро-монгольскими войсками во главе с ханом Батыем, излагает в хронологическом порядке, мало чем отличающиеся уже не раз отмеченных в отечественной литературе, в том числе и учебной. Однако результаты, последствия иноземного вторжения на Русь Гумилев подает в ином свете, некоторые оценки которого не вписываются в общую концепцию отечественной историографии. Армия Батыя, пишет Л.Н. Гумилев, имевшая цель «нападения на половцев с тыла», осенью 1237 г. подошла к границам Рязанского княжества, «начав поход на Русь», описанный «неоднократно с разных точек зрения». Батый разбил войско Рязанского княжества, в Великом княжестве Владимирском 14 городов взял и разгромил на реке Сити воинов князя Юрия, «затем после двухнедельной осады взял 5 марта 1238 г. Торжок». После чего татары повернули на юг и 7 недель осаждали Козельск, жителям которого не пришли на помощь соседние русские князья, хотя у них были войска. Летом 1238 г. татары ушли в степь, соединились с южной армией, но в результате половодья стали отходить в Венгрию. В 1239 г. монголы взяли Чернигов, а в 1240 г. – Киев.

При этом Л.Н. Гумилев усматривает причины поражения русского воинства и разгрома русских городов Чернигова, Владимира, Киева, не в феодальной раздробленности, а в тупости «правителей и их советников-бояр, не умевших и не стремившихся организовать оборону, также как и в поведении простого народа. По его мнению, он не проявил «стойкости в борьбе с иноплеменниками»,

в том числе и жители богатых приволжских городов, входивших в составе Владимирского княжества: Ярославля, Ростова, Углича, Твери и других, вступивших в переговоры с монголами и избежавших поражения, разгрома [3, с. 506–519].

Согласно монгольским правилам, пишет Гумилев, если города подчинялись добровольно, то они получали название добрый город, с них брали «умеренную контрибуцию лошадьми для ремонта кавалерии и съестными припасами для ратников. Но и другие города, не успевшие вовремя сдаться, страдали недолго. Так как монголы нигде не оставляли гарнизонов, то «подчинение» носило чисто символический характер: после ухода монгольского войска жители возвращались домой и все шло по-старому».

По оценке Гумилева, «несчастный Торжок пострадал» только потому, что его население вовремя не успело капитулировать, ожидая помощи из Новгорода, «но по монгольскому закону, после того как была выпущена первая стрела, переговоры прекращались и город считался обреченным» [3, с. 508–510], то есть его разрушали, а жителей истребляли. Особенно пострадали Рязанское, Черниговское княжества и город Козельск – «злой город», взятый в 1238 г., население которого было убито.

Автор полагает, что в древних источниках, да и в литературе, преувеличены масштабы разрушений, причиненные монголами, хотя и признает, что «войны без убийств и пожаров не бывает, но размеры бедствий бывают различные». Поэтому он не разделяет и мнение историков о «запустении» Киевской Руси в результате нашествия татар, которое началось еще во второй половине XII в., задолго до их вторжения. «Отнюдь не все русские города погибли во время Батыева набега, как «принято считать», принято потому, что «в этом сказалось господствующее представление историков о судьбах края», т. е. предвзятое мнение, самая жестокая язва науки».

В подкрепление данного вывода Гумилев рассуждает: «Зачем было утомленной армии Батыя, имевшей целью нападение на половцев

с тыла, терять время и людей на разрушение хорошо укрепленных замков. Нет, если бы даже монголы стремились к поголовному истреблению русских, это было бы им не по силам» [3, с. 510, 518]. И автор приводит аргументы: у них отсутствовали «средства, армия, чтобы разрушить большую страну. Древние летописи, склонные к преувеличениям, определяют численность монгольской армии в 300–400 тыс. бойцов. Это значительно больше, чем было мужчин в Монголии в XIII в.». По оценке Гумилева, вторгшаяся армия Батыя на Русь насчитывала реально 30–40 тыс. воинов, а произведенные ею разрушения по масштабам сравнимы с последствиями междоусобной войны, «обычной для того беспокойного времени» [3, с. 517–519; 4, с. 116].

В рамках сформулированной концепции Л.Н. Гумилев отрицает, по сути, завоевание татарами Руси и установление над ее жителями ига, считая, что поход Батыя «был типичным набегом кочевников, хотя и грандиозного масштаба», который «правильнее было бы назвать великим «кавалерийским рейдом». Аргументируя свою точку зрения, он пишет: «Ни о каком монгольском завоевании Руси не было и речи. Гарнизонов монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать. С окончанием похода Батый ушел на Волгу, где основал свою ставку – город Сарай. Фактически хан ограничился разрушением тех городов, которые, находясь на пути войска, отказывались замирииться с монголами и начали вооруженное сопротивление. Исключением можно считать лишь Козельск». Причем, в первые 20 лет после похода Батыя «с северных русских княжеств никакой дани, податей, налогов монголы вообще не взымали». Более того, русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность. «Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной Союзной великому хану, выплачивавшей некоторый налог на содержание войска, которое ей самой было нужно» [4, с. 120–121, 130–132].

Конечно, сформулированная концепция Л.Н. Гумилевым имеет полное право на существование. На наш взгляд, с некоторыми ее положениями можно согласиться. Так, вторгшиеся на Русь монголы не разрушили все города, в том числе Новгород, Смоленск, и не ставили задачу истребить все ее население. Думается, отчасти автор прав и в том, что некоторые летописцы преувеличивали, возможно, масштабы разрушений, причиненных татарами, также как и численный состав их «походной» армии на Русь. Спору нет, действительно, монголы не включили русские земли в состав своего государства Золотой Орды, княжества сохранили самостоятельность, князья не потеряли права наследования, а их зависимость от хана выражалась в основном уплатой дани. Татары не создали на занятых русских землях постоянной администрации и не вмешивались в духовную жизнь населения и не посягали на их православную веру. И, тем не менее, с некоторыми выдвинутыми Л.Н. Гумилевым тезисами, как нам представляется, вряд ли можно согласиться.

Думается, он преуменьшает масштабы социально-политических трагических последствий татаро-монгольского нашествия на Русь. В этой связи приведем некоторые оценки и факты отечественных историков как досоветского периода, так и современных авторов, в трудах которых подробно рассматривается данная проблема, «кавалерийский рейд», «набег кочевников-монголов» на Русь. Так, известный историк С.М. Соловьев, опираясь в основном на материалы летописей, писал, что в 1236 г. 300 000 татар под начальством Батыя вступили на землю «Болгарскую, сожгли славный город Великий, истребили всех жителей, опустошили всю землю». В следующем году монголы вошли в пределы Рязанского княжества, поскольку его князь отказался от капитуляции, то они 16 декабря 1237 г. осадили г. Рязань, а 21 числа «взяли приступом и сожгли, истребивши жителей». После опустошения Рязанского княжества монголы направились к Коломне и в ходе «крепкой сечи» русские потерпели поражение, в числе

убитых оказались князь Роман и воевода Еремей. Затем татары пошли дальше, «взяли Москву, где убили воеводу Филиппа Няньку, захватили князя Владимира Юрьевича и отправились с ним ко Владимиру». 3 февраля 1238 г. «толпы татарские, бесчисленные как саранча», подступили к этому городу, но потом от него отошли и двинулись к Суздалью, который сожгли. Затем монголы вернулись к г. Владимиру, 7 февраля его окружили, взяли новый город и «запалили его», после чего много жителей укрылись в старой части города, в Богородичной церкви. Иноземцы «отбили ее двери», – ограбили, потом наложили лесу и ее зажгли, находившиеся там жители «задохнулись от дыма, или сгорели, или были убиты».

Из Владимира монголы пошли дальше, разделившись на несколько отрядов. Одни отправились к Ростову и Ярославлю, другие – на Волгу и на Городец и «попленили» всю страну поволжскую до самого Галича Мерского, третьи – пошли к Переславлю, взяли города Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь, где «убили сына Ярославова». До г. Торжка «не осталось ни одного места», где бы монголы не воевали. 23 марта они захватили Торжок и «истребили всех жителей». От этого города они «пошли Селигерским путем, посекая людей, как траву» [5, с. 137–139].

По данным отечественных исследователей, историков, татаро-монгольское вторжение нанесло огромный материальный и экономический ущерб Руси. Например, были разорены 49 городов, из которых 15 стали селами, а 14 из них так и «не восстали из пепла» [6, с. 58]. Однако разрушались иноземцами не только города, но и деревни, села и погосты, в том числе в Бежецком крае, входившем тогда в состав Новгородской земли. Так, согласно народному преданию, в период монгольского нашествия в этом крае мимо Нового села проходил военный отряд татар под командованием Абазы. Расположившись в этом селении, татары разграбили его жителей, часть из них убили, другие, спасая свою жизнь, сбежали в лес, там укрылись, найдя пристанище. После ухода татар из Нового

села, его бывшие жители вернулись в родные места и восстановили разрушенное селение. Однако, чтобы не забыть о монгольском вторжении во главе с командиром Абазой, население решило назвать село Алабузином [7, с. 168–169.]. Конечно, данное приращение нуждается еще в дополнительном подтверждении.

Известный российский археолог, крупный специалист по истории Древней Руси В.Л. Янин, оценивая последствия татаро-монгольского нашествия, писал: «Нет в истории средневековой Руси эпохи страшнее, чем трагическое XIII столетие. Кривой татарской саблей надвое рассечено наше прошлое и уже для современников монгольского нашествия ужасы кровавого разорения Руси стали исходной точкой отсчета времени. Уже тогда, как и сейчас, упоминая то или иное событие, говорили: это случилось до монгольского нашествия или после него.

Археологи видят в земле страшный след, оставленный завоевателями. Порой он предстает перед ними черной угольной прослойкой пожарища. И нередко такая прослойка оказывается последней в ряду напластований, выше нее – сосновый лес или пашня, а в ней самой бесчисленные останки мертвецов, которых уже некому было убрать» [8, с. 138].

Татаро-монгольское нашествие разрушило материальные, духовные, культурные ценности Древней Руси, сосредоточенные в городах, а их разорение привело и к упадку многих видов ремесел. Следствием вторжения иноземцев явилось и заметное сокращение населения, многие жители были убиты, в том числе князья, дружинники. По оценке В.О. Ключевского, «татарский разгром надолго, на весь XIII в., поверг народное хозяйство Северной Руси в страшный хаос» [9, с. 14].

Татаро-монгольское завоевание Руси способствовало застою, консервировало ее политическое развитие, содействовало усилению междоусобной борьбы между князьями, которую ханы, золотоордынцы поощряли, не заинтересованные в объединении

русских земель. Вот что писал по этому поводу другой известный историк С.Ф. Платонов: «Удельные князья неизменно враждовали с утвержденным татарами великим князем и старались, в одиночку или все сообща, ослабить его. Александр Невский враждовал с великим князем Ярославом Тверским, Дмитрий Александрович – с великим князем Василием Костромским, Андрей Александрович – с великим князем Дмитрием Александровичем и т. п. Татары видели все эти свары и усобицы и не думали, что их существование подрывает на Руси значение татарской власти; напротив, не следуя никакому определенному принципу в этом деле, они смотрели на споры князей как на лишней источник дохода и цинично говорили князю: будешь великим, «оже ты даси выход (т. е. дань), больше», т. е. если будешь платить больше соперника. По оценке Платонова, татары редко появлялись «массами в покоренной стране», «исключительно для сбора дани», а их господство «над русской землей» содействовало окончательному разделению Руси «на две половины, на северо-восточную и юго-западную» [10, с. 136–138.]. При этом Платонов, как и другие отечественные историки, считает, что в результате татаро-монгольского нашествия Русь была завоевана, покорена и на ее землях почти на 2,5 века утвердилось золотоордынское иго, хотя и с некоторыми особенностями. Ибо зависимость русских княжеств от Золотой Орды сводилась в основном к уплате ими дани.

С позиций евразийской концепции оценивает Л.Н. Гумилев и эпоху Петра I (1689–1725), отношение к преобразованиям которого у него отрицательное. При их освещении он высказывает также «неожиданную» точку зрения, совершенно противоположную той, которая утвердилась в отечественной историографии. «При Екатерине» родилась петровская легенда – легенда, – пишет Гумилев, – о мудром царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем Россию влиянию единственно ценной западной культуры и цивилизации. К сожалению, ставшая официальной в конце XVIII в. легендарная версия не была опровергнута ни в XIX, ни

в XX столетиях. Пропагандистский вымысел русской царицы немецкого происхождения, узурпировавшей трон, подавляющее большинство людей по сию пору принимает за историческую действительность. На самом же деле все обстояло не совсем так, а вернее, совсем не так» [4, с. 281].

Гумилев, представляя Петра I «безоглядным принципиальным западником», ставившим цель – преобразовать Россию по западноевропейской модели, механически ее перенося на самобытную российскую почву, скачком, без учета ее истории, традиций, обычаев, считал, что наша страна совершенно была не подготовлена к таким революционным реформам. В российском государстве, по Гумилеву, в отличие от европейских стран, существовала к тому же масса социально-экономических проблем в конце второй половины XVII в., включая многочисленные конфликты, «всевозможные безобразия: неблагоприятную жизнь простых людей, стрельческие расправы», ожесточенные споры о вере, дворцовые интриги. Но на молодого Петра, пишет автор, пренебрегающего особенностями исторического развития России, находящегося в Европе в составе «Великого посольства» (1697–1698), произвела глубокое впечатление «комфортная жизнь» Голландии, этой маленькой страны. И он «был захвачен великими планами сделать из России такую же цивилизованную державу, построить такой же морской флот и развить коммерцию».

Однако в российских условиях, полагает Гумилев, осуществить на практике «голландскую сказку» было невозможно. «Стремление Петра в России конца XVII – начала XVIII в. подражать голландцам напоминает поступок, – пишет он, – пятилетней девочки, надевающей мамину шляпку и красящей губы, чтобы быть похожей на свою любимую маму. Но как шляпка и помада не делают ребенка взрослой женщиной, так и заимствование европейских нравов не могло сменить фазы русского этногенеза» [4, с. 279].

Отрицая принятую «версию» в отечественной исторической литературе о сути реформ Петра I и аргументируя собственную

позицию о них, Гумилев полагает, что он, вернувшись из заграничной поездки в 1698 г. в страну, стал проводить «декоративные новшества», в том числе «бритье, курение табака, ношение немецкого платья». Однако «никто из современников не воспринимал его как нарушителя традиций». Поскольку они нарушались и до него на Руси, начиная с правления Ивана III, которые «в своей политике также привносили значительные новшества» [4, с. 281].

В этой связи Л.Н. Гумилев, как бы противореча своей оценке пытается рассматривать деятельность Петра I как реформатора, продолжателя внутренней и внешней политики своих предшественников. Такая точка зрения отчасти созвучна и с оценкой историка С.Ф. Платонова, не считающего петровские реформы общественным переворотом [10, с. 540–543].

Прослеживая преемственность политики Петра с предшествующим периодом, Гумилев пишет, что контакты России с Западной Европой с эпохи Ивана III, со второй половины XV века, «никогда не прерывались». «Привлечение Петром на службу иностранных специалистов русскими людьми вообще воспринималось как нечто вполне привычное. Знающих иностранцев заманивали на русскую службу еще в XIV в. – тогда ими были татары. А в XV столетии нанимали уже и немцев, и притом немало. Но как в XV–XVII вв., так и при Петре, все ключевые должности в государстве занимали русские люди».

Оценивая ход петровских реформ, Гумилев делает вывод, что они были, по существу, логическим продолжением реформаторской деятельности его предшественников: Алексея Михайловича и Ордина-Нащокина, Софьи и Василия Голицына, – да и проблемы он решал те же самые. Тем не менее, указывая на петровскую деятельность как продолжение «политики западничества в России», начатой предшественниками, Гумилев признает все же более значимое и глубокое их влияние на русское общество по сравнению с прошлым периодом.

При этом масштабы проводимых реформ Петром I, их ускоренные темпы осуществления, Гумилев, на наш взгляд, правильно выводит из его внешней политики, из Северной войны (1700–1721), которую Россия вела со Швецией за выход к Балтийскому морю. Ведь для победы над сильным противником нужна была боеспособная регулярная армия. Поэтому «основная реформа Петра, – констатирует Гумилев, – военная – носила вынужденный характер» [4, с. 281–282]. По его данным, численность постоянного войска в России выросла с 60 до 200 тыс. человек за счет регулярных наборов. «У дворян забирали крестьян и холопов в солдаты на 25 лет, то есть практически навечно. Обучали рекрутов жестко, скорее даже жестоко, руководствуясь принципом «семерых забей, одного выучи». Конечно, профессиональные солдаты были весьма боеспособны, крепки в бою». Для снабжения их новейшим оружием открывались заводы, в том числе около Тулы, на Урале по производству пушек, «не хуже шведских», к которым были приписаны крестьяне целых деревень для работы на них.

В ходе реформ Петра к управлению страной пришли «новые люди», они «были карьеристами и казнокрадами. Взятки, коррупция достигли при «преобразователе» такого распространения, какого в XVII в. бояре и представить себе не могли». И с данным выводом Гумилева трудно не согласиться. Для его обоснования он упоминает и поведение «любимца» Петра Александра Меншикова, который при строительстве новой столицы – Санкт-Петербурга, решил «на месте правительственного здания выстроить себе дворец», а деньги для этого «изымались из казны».

Но коррупция и расходы на содержание армии и флота, по оценке Гумилева, «вызывали постоянный дефицит государственного бюджета». В целях его ликвидации «в 1714 г. реформаторы ввели страшный закон о подушной подати: обложили всех людей, живших в России, налогом за то, что они существуют. Но собрать этот налог не представлялось никакой возможности. Люди отказывались платить

под самыми различными предлогами. Тогда Петр не остановился и перед введением круговой поруки».

Критикуя этот метод реализации реформ Петра, Гумилев, тем не менее, признает, что он оставил своим наследникам «финансовые дела в очень приличном состоянии – без копейки государственного долга». За такую бездефицитную финансовую политику, по мнению Гумилева, «русское население, особенно его бедная сельская часть», дорого заплатила. «Казалось бы, уж с кого-кого, а с помещичьих крестьян брать подушную подать не стоило, – рассуждает Гумилев. – Ведь крестьяне обслуживали помещиков-дворян, а дворяне в эпоху Петра служили в армии ни много ни мало – 40 лет. Но и помещиков объявили ответственными за поступление налога с крестьян. В ответ на многочисленные жалобы помещиков о невозможности собирать налоги одновременно с несением службы, «передовое» петровское правительство посоветовало им привлечь к делу родственников и не особенно стесняться в выборе средств при выколачивании денег с несчастных мужиков. Из Указа о подушной подати и родилась та гнусная, омерзительная форма крепостного права, которая была упразднена только в 1861 г. Как видим, «окно в Европу» имело две стороны» [4, с. 283–285], – делает обобщающий вывод Л.Н. Гумилев, с которым мы солидаризируемся.

В то же время в его оценках на эпоху Петра I, на наш взгляд, просматривается некоторая противоречивость. С одной стороны, он как бы отрицает преобразующую деятельность Петра, а с другой, – признает необходимость реформирования России, но эволюционным путем, постепенно, с учетом ее особенностей исторического, культурного, экономического, самобытного развития. Но он отвергал механическое заимствование западной модели преобразования с помощью скачка насильственно-принудительных методов, использованных Петром, в условиях военного времени, за что русский народ заплатил неимоверно высокую цену, понес большие жертвы в

ходе петровских преобразований, положивших начало российской модернизации.

В заключение отметим, из рассмотренных нами оценок Л.Н. Гумилевым исторических событий, происходящих в государстве Российском, отношение у нас к ним неоднозначное. С некоторыми из них, как упоминалось, можно согласиться, вторые – не принять, с третьими – поспорить, которые требуют дальнейшего изучения. В целом же наследие Л.Н. Гумилева вносит заметный вклад в исследование истории России, особенно его древнего периода, в нем звучит новаторский подход по ряду спорных, дискуссионных проблем, которые нуждаются в осмыслении и дальнейшем изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лихачев Д.С.** Предисловие // Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
2. **Лавров С.Б.** Завещание великого евразийца // Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. М., 2005. С. 301.
3. **Гумилев Л.Н.** Древняя Русь и Великая степь. М., 2008.
4. **Гумилев Л.Н.** От Руси до России. М., 2007. С. 116.
5. **Соловьев С.М.** Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М., 1988. С. 137–139.
6. Отечественная история / Под ред. Р.В. Дегтяревой и С.Н. Полторака. Изд. 2. М., 2005. С. 58.
7. **Климин И.И.** Очерки по истории Бежецкого уезда Тверской губернии. Ч. 2. СПб., 2002. С. 168—169.
8. **Заичкин И.А., Почкаев И.Н.** Русская история. Популярный очерк. М., 1992. С. 138.
9. **Ключевский В.О.** Курс русской истории. Ч. 2. М., 1988. С. 14.
10. **Платонов С.Ф.** Лекции по русской истории. М., 1993. С. 136–138.

УДК 929 (092)

В.И. Мусаев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Изменение внешнеполитической ситуации в результате развязывания мировой войны неизбежно влекло за собой также и корректировку политического курса российского правительства на окраинах империи, в том числе в Великом княжестве Финляндском.

Ужесточение «финляндской политики» имперского центра имело место уже на протяжении нескольких предвоенных лет. Во второй половине 1900-х гг., после нескольких лет относительного либерализма в позиции центральных властей, вновь наметился переход к более жесткому политическому курсу. Премьер-министр П. А. Столыпин проводил политику усиления контроля центральной власти на окраинах. Знаковым в этом отношении стало назначение на пост финляндского генерал-губернатора генерал-майора Франца Альберта (Франца Александровича) Зейна. Несмотря на своё немецко-лютеранское происхождение, генерал Зейн к тому времени приобрёл стойкую репутацию ревностного защитника русско-православных интересов на окраинах России, ближайшего сподвижника Н. И. Бобрикова.

Вскоре последовали решения центральной власти, нацеленные на более тесную интеграцию Финляндии в состав империи. 17 июня 1910 г. был издан закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Этим законом к общегосударственным делам были отнесены: участие

Финляндии в общегосударственных расходах, вопросы о правах русских в Финляндии, государственном языке, деятельности имперских учреждений в крае, порядке приведения в исполнение решений судебных и иных учреждений империи на территории Финляндии, наблюдении за школьными программами, правилах о союзах и обществах, законодательства о печати, денежной системе и др. (ст. 2). Право законодательной инициативы принадлежало императору (ст. 4). Законопроекты, затрагивавшие интересы Финляндии, могли рассматриваться, минуя финляндский Сенат, если последний не выскажет своего мнения в указанный ему срок (ст. 5). Государственная дума и Государственный совет наделялись правом издавать законы и для Финляндии. Это нарушало действовавший принцип разграничения законодательства России и Финляндии. Закон нанес чувствительный удар по правовым нормам, обеспечивавшим финляндскую политическую автономию. Фактически это была программа, приводившая административно-правовую систему в Финляндии в единство с общероссийскими нормами. В 1911 г., уже после смерти П. А. Столыпина, был принят закон о порядке отбывания гражданами Великого княжества Финляндского воинской повинности. Помимо мер общеимперского характера в 1911–1913 гг. издавались отдельные нормативные акты, также направленные на сужение внутренней автономии Финляндии: постановление о порядке административной ответственности финляндских чиновников; бюджетные правила, ограничившие возможности сейма распоряжаться финляндскими бюджетными фондами имперского подчинения. Наконец, в 1912 г. был издан так называемый закон о равноправии, согласно которому российским подданным в Финляндии предоставлялись такие же права, как и финляндским гражданам [1, с. 96, 97].

Все эти меры были восприняты общественностью в Финляндии как новое наступление на финляндские свободы. Период финляндской истории с 1909–1910 гг. до начала мировой войны в

местной историографической традиции получил характеристику как «второй период угнетения» (“toinen sortokausi”)*. Напряжённость в отношениях между центром и окраиной вновь начала возрастать. Реакцией на усиление давления со стороны центральной власти был новый всплеск недовольства внутри Финляндии и рост местного сепаратизма. Общественно-политическая обстановка, сложившаяся в Великом княжестве в 1909–1910 гг., таким образом, во многом напоминала «бобриковские» времена.

Приближение мировой войны требовало дальнейшего усиления контроля центра на финляндской окраине, как в военном, так и в политическом отношении. В феврале 1913 г. военный министр В.А. Сухомлинов направил в Совет Министров записку, в которой, в частности, обосновывал необходимость принятия мер к усилению российского военного присутствия в Финляндии. Ссылаясь на мнение генерал-губернатора Ф. А. Зейна, министр заявлял, что занятие войсками важнейших населенных пунктов на территории Великого княжества «крайне необходимо как в смысле укрепления в умах местных жителей сознания мощи русской власти, так и в целях быстрого, в случае возникновения беспорядков, подавления таковых». Предложенные меры были одобрены Советом Министров тогда же в феврале 1913 г., однако осуществлены они были лишь частично [2, с. 19].

В военном отношении рассматривались три потенциальные угрозы для финляндской территории: немецкий десант в Финляндии,

* «Первым периодом угнетения» (“ensimmäinen sortokausi”) именовался период 1899–1904 гг., последовавший за опубликованием императорского манифеста от 4 (16) февраля 1899 г., устанавливавшего право великого князя, т. е. императора, издавать обязательные к исполнению на территории Финляндии законы без согласования с сенатом и парламентом Великого княжества. За этим манифестом последовали другие законодательные меры, ограничивавшие финляндскую автономию. Пост финляндского генерал-губернатора в названные годы занимал генерал Н. И. Бобриков, последовательно проводивший жесткую правительственную линию в отношении Финляндии и ставший в глазах многих финляндцев одиозной фигурой. В 1905 г. большинство ограничений финляндской автономии были отменены.

присоединение Швеции к Германии в войне против России и восстание в Финляндии. Соединение всех этих трех угроз было бы для России наихудшим вариантом. В связи с вероятностью немецкого десанта было решено возвести дополнительные укрепления на побережье Финского залива, однако работы на линии Экенес (Таммисаари) – Порккала, начатые в 1912 г., к началу войны не были еще завершены. Генерал Е.Н. Данилов, ставший во время войны начальником штаба Северного фронта, весной 1914 г. выражал беспокойство по поводу того, что малочисленность русских сил и антирусские настроения среди населения Финляндии могут способствовать успеху немецкой десантной операции. Комендант Свеаборгской крепости полковник Бауэр, впрочем, считал высадку неприятельского десанта на побережье Финского залива маловероятной [2, с. 19, 20]. В первые дни августа стали распространяться слухи о возможной германской высадке, и в Гельсингфорсе возникла некоторая паника, однако неприятель так и не появился. Вскоре выяснилось, что у немцев на Балтике не было серьезных военно-морских сил, лишь несколько броненосцев и крейсеров старого образца, которые охраняли подступы к Зундским проливам от англичан. Командующий Балтийским флотом вице-адмирал Н. О. фон Эссен пытался спровоцировать немцев на морское сражение в районе минных полей в Финском заливе. Этот план, однако, не сработал, так как немецкий флот остался в Северном море [3, р. 271–272].

С начала войны в Финляндии повсеместно начались оборонительные работы. Было осуществлено минирование акватории Финского залива и подступов к портам. На территории Великого княжества была проведена приписка и мобилизация российских подданных, подлежащих призыву. Войска, расположенные в Финляндии, входили в состав 6-й отдельной армии, основной задачей которой была оборона Петрограда. Ее основную силу составлял 22-й армейский корпус. Согласно разработанным ранее планам, части корпуса были сконцентрированы в Южной Финляндии, имея задачей

отражение возможной немецкой высадки: одна бригада располагалась в западной части губернии Уусимаа (Нюланд), другая – в районе Хамина (Фредриксхамн) – Выборг и еще две на Карельском перешейке. К концу августа 1914 г., когда стало ясно, что немецкого вторжения с моря не предвидится, корпус был переброшен на юго-западный театр военных действий, взамен в Финляндию начали прибывать приблизительно равные по численности второочередные части. Их численность поддерживалась на уровне около 35000 человек. Войска размещались в основном в южных прибрежных районах [3, р. 277–278].

В 1915 г. начался второй этап военных мероприятий в Финляндии, в ходе которого их центр переместился с южного побережья на запад, в район побережья Ботнического залива. Это было связано в первую очередь с недоверием к шведскому нейтралитету: приходилось принимать во внимание возможность выступления Швеции на стороне Германии. Был сформирован 10-й корпус государственного ополчения в составе трех бригад, с приданными ему дополнительными кавалерийскими, артиллерийскими и саперными частями. По мере развития австро-германского наступления на основном театре военных действий потенциальные угрозы для Финляндии снова стали считаться более реальными. Дружины ополчения были переформированы в батальоны регулярных войск, сводимые в полки и дивизии. Был сформирован 42-й корпус в составе двух дивизий и казачьего полка. Вместе с 43-м корпусом, дислоцированным в Прибалтике, 42-й корпус подчинялся штабу 6-й армии в Петрограде. 42-му корпусу подчинялся гарнизон Выборгской крепости, тогда как крепость Свеаборг и Або-Аландская шхерная позиция находились в подчинении командования Балтийского флота (фортификационные работы на Аландских островах были начаты летом 1915 г.; вместе с островными фортами Абоского (Туркуского) архипелага новые укрепления составили Або-Аландскую шхерную позицию в составе системы укреплений Морской

крепости Петра Великого). В дополнение к системе финляндского таможенного ведомства была учреждена Финляндская пограничная охрана, подчинявшаяся 6-й армии и имевшая статус корпуса. К ее функциям, наряду с дозорной службой, относились обязанности по таможенному досмотру, в том числе и на предмет недопущения провоза нелегальной литературы. В течение 1915 г. оборонные работы были частично перенесены вглубь княжества, где было начато строительство укреплений по линии Тампере (Таммерфорс) – Весилахти – Урьяла – Форсса. Штаб войск, расположенных в Финляндии, был перенесен в Тампере [3, р. 291–296; 2, с. 20–21].

Весной 1916 г. штаб 6-й армии пересмотрел положение в зоне своей ответственности. Основной акцент военных мероприятий был вновь перемещен, на этот раз в направлении укрепления боеспособности флота и укрепления прибрежных городов артиллерией. Основной возможный удар противника ожидался на участке побережья между Турку и Лаппохья, или в районе Раума – Пори (Бьёрнеборг). Было решено усилить глубину оборонительных линий. Еще раньше начались работы на основной линии Хельсинки – Тампере – Кеуруу – Саариярви – Нурмес. Были даны указания по строительству тыловой укрепленной позиции от Сяккиярви до Лаппеенранты (Вильманстранда) и далее до городов Савонлинна (Нюслотт) и Йозенсуу. Ботническое побережье охранялось еще более старательно, чем ранее. Были усилены войска пограничной охраны. В Финляндию перебрасывались новые дружины ополчения [3, р. 298–301].

Были составлены планы мероприятий на случай неприятельского вторжения в Финляндию. В частности, предполагалось перевезти учреждения, банковскую наличность и общественные архивы из прибрежных городов вглубь страны. Выборгская крепость должна была подготовиться к приему казны Финляндского банка. Все склады подлежали перемещению во внутренние области, были составлены планы по уничтожению телефонной сети и всего того, чем мог бы воспользоваться противник;

соответствующие указания были даны губернаторам в феврале 1915 г. Составлялись планы по эвакуации населения. Эвакуируемые должны были своим ходом двигаться в Восточную Финляндию, так как транспорт выделялся только для военных перевозок. Эвакуация не должна была иметь принудительного характера, однако оставлять припасы для тех, кто решил бы остаться, не предполагалось: всё должно было увозиться или уничтожаться [3, р. 306].

Наряду с сугубо военными мероприятиями, осуществлялось приспособление всего строя внутренней жизни Великого княжества к условиям военного времени. 27 июня (10 июля) 1914 г. генерал-губернатор Ф. А. Зейн получил предписание о подготовке Финляндии к войне. В его задачу входило обеспечение готовности гражданских служащих к мобилизации, передача функций паспортного контроля военным органам, установление надзора над работой железных и прочих дорог, обеспечение общественной безопасности и спокойствия. Особое внимание уделялось контролю над общественными настроениями [4, д. 35, л. 15] Финляндия была объявлена на военном положении 17 (30) июля 1914 г. На территории Великого княжества была установлена военная цензура, вводились ограничения по перемещению по стране, проведение митингов было запрещено. Каких-либо массовых арестов оппозиционных деятелей не проводилось, однако несколько наиболее непокорных лидеров оппозиции всё же были задержаны. В их числе оказался председатель парламента П. Э. Свинхувуд, будущий глава финляндского правительства, который был выслан в Сибирь [3, р. 277].

24 ноября (7 декабря) финляндским генерал-губернатором было подписано «Обязательное постановление о некоторых мероприятиях, вызванных военным временем». Первая статья постановления гласила: «Впредь до особого распоряжения, воспрещается, без разрешения генерал-губернатора: 1) платеж, выдача, пересылка или перевод каких бы то ни было денежных сумм, ценных бумаг, серебра, золота, платины и всякого рода драгоценных

202

камней, а равно изделий из упомянутых металлов и камней, находящихся вне пределов России, как австрийским, венгерским, германским и турецким учреждениям, обществам и товариществам, так и подданным Австрии, Венгрии, Германии и Турции, непосредственно или через посредство других лиц и учреждений, где бы таковые ни находились и в каких бы правовых отношениях к ним не состояли; 2) вывоз за границу денег и ценных бумаг, серебра, золота и платины всего на сумму более пятисот рублей, или 1300 финских марок на каждое лицо, с исчислением при том стоимости означенных бумаг по нарицательной их цене, а равно серебряных, золотых и иных драгоценных вещей в количестве, свыше указанного в примечании к сей статье, и 3) допуск к нанятым в кредитных установлениях безопасным ящикам по доверенностям от поименованных в пункте 1 сей статьи учреждений, обществ, товариществ и лиц, находящихся вне пределов России» [5, д. 558, л. 206–206 об.].

В правительственных кругах поднимался вопрос о доле участия Финляндии в расходах на оборону. Министр финансов П.Л. Барк в письме премьер-министру И.Л. Горемыкину от 23 августа 1914 г. обращал внимание на то, что, в соответствии с законом, разработанным в 1911 г. и высочайше утвержденным 10 января 1912 г., было решено, взамен привлечения финляндских граждан к отбыванию воинской повинности, установить производство из средств финляндской казны ежегодных денежных взносов в государственное казначейство. На 1911 год этот взнос был определен в размере 12 миллионов финских марок, с дальнейшим ежегодным увеличением размера взноса до 1919 г. на миллион марок. В 1914 г., таким образом, финляндская казна уплачивала государственному казначейству 15 миллионов марок, или 5 625 000 рублей, что, по мнению министра, было явно неадекватным по сравнению с участием остальных частей империи в военных усилиях [5, д. 558, л. 21 об.].

В том же месяце вопрос о недостаточности взноса Финляндии был поднят в Совете Министров. Была названа сумма в 200

миллионов финских марок, которая подлежала предоставлению в виде займов сверх установленных ранее прямых платежей. Совет Министров принял решение, что с Финляндии следует получить взнос из расчета пропорции населения Великого княжества к населению империи (1,8 %). Однако финляндский сенат отреагировал на это решение отрицательно, хотя и не оспаривал обязанность Финляндии участвовать в общегосударственных военных расходах. В качестве аргумента указывалось на неблагоприятные климатические условия и бедность края. Приводилась также юридическая отговорка: по мнению сената, вопрос об установлении новых платежей и взносов подлежит рассмотрению в порядке общеимперского законодательства, при участии финляндских сената и парламента, а это было едва ли осуществимо на практике [2, с. 34].

Вопрос о платежах затягивался финляндской стороной до 1916 г. помимо прямых выплат, на финансовую систему Великого княжества легло косвенное, но при этом довольно весомое бремя потерь от обесценивания рубля, в которых осуществлялись расчеты по военным поставкам. Финляндская казна также участвовала в мероприятиях по поддержанию курса рубля на мировом валютном рынке. Всего общий вклад Финляндии в российские военные расходы составил более 200 миллионов марок сверх 194 миллионов, выплаченных обычным порядком в 1902–1916 гг. [7, s. 172].

Реакция финляндского общественного мнения на военные события была неоднозначной. С одной стороны, проявления оппозиционности сохранялись, на что обращала внимание, в частности, «Финляндская газета», выходившая при канцелярии генерал-губернатора, в обзоре положения в Финляндии за 1914 год: «Известная часть местного населения, проникнутая духом политиканства, не только не стремится к сближению с Россией, а, наоборот, прилагает все усилия, чтобы путем сопротивления, порой доходящего до активного, обособиться от Империи. Эти прискорбные факты, являясь продуктом деятельности политиканствующей группы,

нарушают серьезное течение местной жизни и бесспорно наносят жестокий вред в большинстве случаев далеким от политиканства широким слоям мирного местного населения. Явления эти тем прискорбнее, что в их водоворот вовлекается все больший и больший круг людей, ослепленных, захваченных стадным чувством подражания или не имеющих силы воли и разума противостоят властной кучке, воздействующей всеми доступными средствами на колеблющиеся, беспочвенные умы» [8].

С другой стороны, в первые месяцы войны для финляндского общественного мнения характерным было проявление лояльности по отношению к России. Даже многие бывшие лидеры пассивного сопротивления демонстративно выражали дружеское отношение к русским официальным лицам и обещали забыть прежние разногласия. Никаких волнений, забастовок, актов саботажа на железных дорогах, телефоне или телеграфе, которых опасались генерал-губернатор Ф.А. Зейн и военные власти, не наблюдалось. Жители Гельсингфорса приветствовали проходившие по улицам города части новобранцев. Командование 22-го корпуса выразило благодарность Финляндским железным дорогам за помощь в ускоренном проведении мобилизации. Велись дискуссии о восстановлении финляндских войск, которые могли бы принять участие в обороне империи. Они не имели какого-либо результата, однако около 500 финляндцев поступили добровольцами в ряды русской армии. Начался сбор пожертвований в фонд Красного креста, на средства, собранные финляндскими промышленниками, был оборудован полевой госпиталь. В финляндских больницах было выделено несколько сот коек для раненых [9, p. 237–238].

Подъем верноподданнических чувств в Финляндии, помимо прочего, был связан с распространившимися по стране с августа 1914 г. слухами о том, что в Петрограде якобы готовится издание манифеста, касавшегося судьбы Великого княжества. 5 (18) августа 1914 г. в газете "Uusi Suometar" была помещена статья, в которой, со

ссылкой на «Биржевые Ведомости», сообщалось о том, что в течение ближайших дней ожидалось опубликование «весьма важного акта, касающегося русско-польских отношений», и, как стало известно газете от «компетентных лиц, принадлежащих к высшим кругам», одновременно следовало ждать и манифест о правах и преимуществах подвластных скипетру российского императора народностей, в том числе и о форме правления Финляндии [10]. Газета "Laatokka" писала, что финляндцы, в силу своих автономных прав, находятся в исключительном положении и просят лишь, чтобы преимущества были «сохранены в нерушимости»; если бы предполагаемый манифест «рассеял всё то, что в течение последних лет затемняло отношения между нами и империей, то этого было бы для нас достаточно» [11].

Надежды на либерализацию правительственной политики в Финляндии, однако, едва ли были оправданны. Более того, введение военного положения служило поводом для введения ограничений и на обычные формы общественно-политической жизни. Свобода собраний была сведена до минимума. Ряд газет подвергся штрафу, выпуск восьми газет к концу 1914 г. вообще был приостановлен [12, s. 117]. Ограничительные мероприятия коснулись в первую очередь созыва финляндского парламента (сейма), очередная сессия которого должна была состояться в 1915 г. Финляндский генерал-губернатор Ф. А. Зейн в письме премьеру И. Л. Горемыкину от 24 ноября 1914 г. просил «внести этот вопрос в Совет Министров и затем испросить по нему Высочайшего указания». Совет Министров, обсудив вопрос в заседании 2 декабря, принял во внимание соображения Ф. А. Зейна о том, что «созыв сейма в разгар войны, когда Финляндия, а также ее прибрежный водный район, объявлены на военном положении и когда для нее не исключена опасность неприятельского нападения, представляется едва ли соответственным». В итоге, «руководствуясь приведенными соображениями, Совет Министров положил: срок созыва очередного финляндского сейма 1915 года отложить, впредь до воследования

особых по сему предмету указаний». Это решение было утверждено императором 10 января 1915 г. [5, д. 558, л. 376].

Вопрос о созыве сессии финляндского парламента обсуждался на заеданиях Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского 27–28 сентября 1915 г. Мнения участников заседания разделились. В частности, сенатор Э. Н. Берендтс высказал мнение, что отменять созыв парламента не следует. «Положение вещей в Финляндии и настроение умов в ней, смею утверждать, лучше, чем у нас думают, а отказ от созыва сейма может навести на мысль, что оно хуже, чем в действительности. И это обстоятельство будет учтено врагами России, которые скажут, что положение дел в Финляндии настолько ненадежно, что правительство предпочитает неисполнение ст. 17 основного закона – риску услышать что-либо зловердное и не желает вызвать силу, которая может грозить опасностью великой державе. Не лучше ли рискнуть выслушать неуместные неприятности, но давно уже известные упреки, речи и дебаты, но показать врагам, что их расчеты на поколебание мощи России речами маленького окраинного сейма неосновательны, что Россия настолько сильна, что речами ее не испугаешь и не поколеблешь», говорил, в частности, сенатор [5, д. 558, л. 390 об.]. Некоторые из членов совещания соглашались с ним, однако большинство всё же придерживались иной точки зрения: они считали, что «очередной сейм 1915 года, в случае его созыва, остался бы, несомненно, глух к велениям русской государственной власти, и стал бы оспаривать силу и законность её актов, требовать от нее уступок и повторять свои многократно отклоненные домогательства, одним из коих являлось и ходатайство о восстановлении финских войск. Таким образом, сейм явился бы тем опасным средоточием политического брожения, которое только вывело бы местную жизнь из понемногу налаживающегося спокойного состояния, столь необходимого в переживаемый момент тяжелой борьбы с внешними врагами» [5, д. 558, л. 435].

Мнение членов Особого совещания было передано в Совет Министров. В особом журнале Совета Министров от 24 ноября 1915 г. по вопросу о созыве финляндского парламента было записано следующее: «Очевидно, что открытие заседаний Сейма неизбежно сопряжено с оживлением политической агитации, обострением политической борьбы и созданием повышенного настроения местных общественных кругов. По убеждению Совета, возможность перечисленных проявлений общественной жизни не может укладываться в тесные рамки военной обстановки, где все действия и помыслы как военных сил, так и гражданских властей должны быть всецело заняты лишь одной задачей – борьбой с врагом. Всякое отвлечение гражданских властей края от сотрудничества с военным начальством может привести к ущербу для упомянутой основной и единственно важной в переживаемое время задачи, а не оправдываемое действительной нуждой отклонение общественной жизни от спокойного ее течения несовместимо с требованиями военной обстановки. В силу этих соображений, Совет Министров пришел к выводу, что созыв Финляндского Сейма при настоящих условиях не может считаться целесообразным и должен быть отсрочен, если не до окончания войны, то впредь до минования чрезвычайных обстоятельств военного времени. Остановливаясь, в частности, на способе оповещения о таковой мере населения Великого Княжества, Совет находил едва ли удобным, чтобы подобное распоряжение, которое сводится, в сущности, к вызываемому силой обстоятельств временному приостановлению в крае нормального политического порядка, исходило от власти военного начальства, хотя бы столь значительного, как Главнокомандующий армиями фронта, и признавал, что соответственное распоряжение может последовать лишь в виде особого Высочайшего Манифеста по Великому княжеству Финляндскому» [13, с. 551–552]. Проект об отсрочке созыва финляндского парламента был представлен на утверждение императору, которое вскоре и последовало. Императорский манифест гласил: «Ныне, в виду продолжающихся

чрезвычайных обстоятельств военного времени, не признавая возможным созвать Сейм Великого Княжества Финляндского, сим Манифестом Нашим повелеваем: отложить созыв Сейма впредь до минования означенных обстоятельств» [5, д. 558, л. 438]. Правительство, тем не менее, дало в начале 1916 г. разрешение провести в Финляндии парламентские выборы.

В 1916 г., в соответствии с парламентским уставом, в Финляндии были проведены выборы, на которых, в условиях весьма низкой активности избирателей (проголосовали лишь 55,5% имевших право голоса) социал-демократы получили большинство – 103 места из 200. Все буржуазные партии, кроме Аграрного союза, потеряли в среднем по 4-6 депутатских мест. Победив на выборах 1916 г., финляндские социал-демократы, не имея четкой программы действий, не сумели немедленно воспользоваться плодами своей победы. Сделать это они смогли только после Февральской революции 1917 г., когда парламент вновь получил возможность собраться. В результате выборов 1916 г. Генерал-губернатора Зейна насторожила не столько возможность социального переворота в Финляндии, сколько то, что как следствие победы социал-демократов сепаратизм парламента мог бы усилиться [1, с. 99]. В памятной записке «О местном населении Финляндии», датированной 6 сентября 1916 г., автором которой был генерал-адъютант Иванов, о финляндских социал-демократах говорилось следующее: «Партия эта влиятельна и свое значения проявила весьма существенно во время последних выборов в сейм, она, несомненно, находится в связи с нашими социалистами, особенно Швеции, а частью с нашей конституционно-демократической партией. Партия эта, видя с начала войны лишь одни материальные для своей страны выгоды, враждебности нам не проявляла, но в случае выступления Швеции, а особенно при содействии германской пропаганды, сулящей весьма много Финляндии, положение дела может весьма сильно измениться в невыгодную для нас сторону, причем, по мнению местной власти, во главе могут стать и

представители буржуазии. Хотя социалисты и не дружат с не симпатизирующими нам другими партиями, однако, сомнительно, чтобы все эти партии не соединились в том случае, если обстановка повернется для нас неблагоприятно, и для Финляндии откроются виды на еще большую ее самостоятельность» [5, д. 51, л. 158].

В начале 1916 г. в Финляндии начали распространяться слухи о том, что из-за острой нехватки личного состава в русской армии правительство планировало начать призыв жителей Великого княжества на военную службу. Штаб Северного фронта предложил обнародовать заявление о том, что эти слухи неосновательны, так как, по мнению военного командования, именно боязнь быть мобилизованными в армию побуждала финляндскую молодежь покидать страну. Ф. А. Зейн предлагал воздержаться от опубликования подобной декларации и ограничиться ужесточением контроля над эмиграцией. Распоряжением главнокомандующего армиями Северного фронта был запрещен выезд из Финляндии за границу молодых людей в возрасте от 19 до 35 лет [9, р. 259].

Вопрос о призыве финляндцев в армию был вновь поднят военным министром Д. С. Шуваевым в октябре 1916 г. Он предложил произвести приписку к призывным участкам в Финляндии мужчин в возрасте от 18 до 43 лет и призвать их либо в действующую армию, либо в трудовые формирования. Министр обращал внимание на то, что призыв к тому времени был распространен уже на коренные народы Степи, Сибири и Туркестана, Финляндия же оставалась единственной частью империи, свободной от призыва [9, р. 259–260]. В подобном духе была выдержана статья, опубликованная несколько ранее, в одном из сентябрьских номеров «Нового времени» [14]. Генерал-губернатор Ф. А. Зейн высказал по этому поводу свои возражения. Он аргументировал свою точку зрения тем, что принудительный призыв финляндцев на военную службу может лишь усилить в Великом княжестве оппозиционные настроения и сепаратизм. Провести мобилизацию в порядке местного

законодательства было невозможно в принципе, а на решения, принятые в его обход, финляндцы ответили бы кампанией неповиновения, как это уже было в начале 1900-х гг. Принудительный призыв усилил бы местный сепаратизм, снова активизировалась бы нелегальная эмиграция, а в рядах русской армии появились бы ненадежные элементы и даже явные германские шпионы и саботажники. Этим могли бы воспользоваться немецкие и шведские активисты для усиления в Финляндии антирусской пропаганды. В итоге проведение призыва в Финляндии не только не усилило бы русскую армию, но, напротив, подорвало бы её мощь, так как на обеспечение спокойствия и безопасности в Финляндии пришлось бы выделить дополнительные силы [9, р. 260–261].

Ф.А. Зейн неодобрительно отзывался и о замыслах организовать наборы финляндцев на принудительные работы. Надо заметить, впрочем, что немало жителей Финляндии в те годы перебирались за линию административной границы в поисках работы по своей воле. Убыль рабочих рук в результате призывов в действующую армию создавал спрос на рабочую силу в соседних российских губерниях, и финляндцы пользовались этой возможностью для заработков. В частности, выходцы из Финляндии вербовались на строительство Мурманской железной дороги, которая в срочном порядке строилась в годы войны. По косвенным данным, число финляндцев, занятых на строительстве дороги, приближалось к тысяче человек (По данным на 1913 г., в Архангельской губернии проживали 1894 финна, в 1915 же году число финнов на территории губернии составляло 2793 человека [15, л. 69 об.–70; 16, с. 12]. В эти же годы около 2000 человек завербовались через Финляндский союз работников лесопильной промышленности на лесные работы в Петроградской губернии (многие, правда, вскоре вернулись, так как предприятие было организовано неудовлетворительно, на более длительный срок осталось не более 300 человек). Имеются сведения о поступлении небольших групп и отдельных лиц из числа финляндских

подданных на различные промышленные предприятия и строительные объекты в различных российских регионах, в частности, на Украине, на Кавказе, в Поволжье, на Урале [17, s. 67–71]. В Финляндской паспортной экспедиции в Петербурге/ Петрограде в 1912–1917 гг. вид на жительство получили 1754 уроженца Великого княжества, приехавшие в Россию в поисках работы (из них 512 человек в 1912–1913 гг., 250 – в 1914 г., 507 – в 1915–1916 гг. и 485 – в 1917 г.) [18]. В то же время, имело место и движение через административную границу в обратном направлении. Вернуться в Финляндию стремились в первую очередь те лица, труд которых в России в условиях войны пользовался меньшим спросом, чем ранее, в частности, специалисты по обработке благородных металлов. Более массовый отток финляндских подданных из России начался в следующем году, после провозглашения независимости Финляндии.

Ф.А. Зейн предлагал не только воздержаться от шагов, способных вызвать нарушение общественного спокойствия, но, напротив, изыскать возможности для увеличения поставок продовольствия из России. Продовольственный вопрос также занимал не последнее место в финляндской политике в годы войны, и военно-политические обстоятельства имели немалое значение при его решении. Финляндское сельское хозяйство специализировалось на молочном животноводстве, и хлеб и прочие зерновые товары в основном ввозились в Финляндию. До войны хлеб импортировался преимущественно из-за границы. Почти полное прекращение товарообмена с иностранными государствами вследствие войны поставило Финляндию в зависимость от поставок зерновых и ряда других продовольственных товаров из России. В России, однако, стали возникать подозрения, что финляндцы могут перепродавать русское зерно через нейтральную Швецию в Германию [19].

В этой связи «Торгово-промышленная газета» писала: «Факт ввоза в Финляндию из России действительно бил в глаза своими размерами и, конечно, давал повод к различного рода догадкам. Так,

напр., странным кажется огромный ввоз зерна, масла, мяса (соленой свинины) и сахара. Однако, этот прирост ввоза русских продуктов в Финляндию, являясь фактом неоспоримым, сам по себе не дает еще повода говорить о переотправке их в Германию. Имеются весьма серьезные указания на то, что с прекращением ввоза в Финляндию германской ржи, ввоза оттуда же и из Америки муки и ввоза сахара, поступавшего через Данциг, последняя вынуждена была пополнять недостающие количества этих продуктов за счет своей метрополии. Затем прекращение водного сообщения с русскими портами вызвало усиленное передвижение товаров по железным дорогам. Наконец, нельзя упускать из вида и плохой урожай в Финляндии, понизивший выход масла и кормовых продуктов» [21].

По поводу подобных подозрений высказывалась и финляндская пресса. В частности, в статье в шведоязычной гельсингфорсской газете "Huvfudstadsbladet", перевод которой был перепечатан в «Финляндской газете», говорилось: «Мы должны категорически опровергнуть бросаемые то там, то тут намеки, что закупки в России финляндскими торговцами муки и других жизненных припасов делается с целью отправить товар в Германию. Журналистам русской печати не безызвестно, что наша страна не производит потребного для края количества зернового хлеба, и что поэтому приходится недостаток его пополнять ввозом. Покупка в настоящее время финляндскими купцами в России такого необыкновенно большого количества муки происходит от того, что при обыкновенных обстоятельствах дополнительное количество муки покупалось в России, Германии и Америке, тогда как теперь потребность будет удовлетворяться только Империей; поэтому закупленные там партии муки должны во много раз превышать прежние». Газета "Uusi Suometar" даже утверждала, что подвоз съестных припасов в Финляндию стал ниже потребности местного населения [20].

В другом номере «Торгово-промышленной газеты» были приведены сравнительные количественные данные по ввозу

продовольственных товаров из России в Финляндию в 1913 и 1914 гг., из которых явствовало, что одних товаров в 1914 г. было ввезено больше, чем в предшествовавшем году (пшеничной муки, ржи, овса), других – меньше (ржаной муки, масла, мяса, яиц, рыбы, сахара). Вывоз же продовольственных товаров из Финляндии, за исключением рыбы, сократился, а вывоз ржи прекратился совсем (пшеничная мука и сахар из Финляндии ни в 1913, ни в 1914 г. не вывозились) [22]. Наконец, в еще одном номере «Торгово-промышленной газеты», в статье, посвященной вопросу о товарообмене пищевыми и кормовыми продуктами между Финляндией и Швецией, указывалось, что в Швеции в 1914 г. был недород хлеба, вследствие чего Швеция была вынуждена закупать хлеб за границей. Ввиду закрытия германского экспортного рынка, откуда хлеб преимущественно получался до войны, шведы стали покупать хлеб в России. Вывоз же хлеба и кормовых продуктов из Швеции за границу был запрещен [23].

Было также обращено внимание на складирование продовольствия на территории Финляндии вблизи границ. Одним из первых на это обратил внимание командующий 6-й армией генерал Чурин. В письме министру торговли и промышленности от 10 сентября 1915 г. он писал: «По имеющимся у меня сведениям, в течение последних месяцев наблюдается значительное увеличение ввоза в Финляндию из внутренних губерний России грузов хлебных злаков в зерне и муке и сосредоточение таких грузов в некоторых преимущественно пограничных пунктах в количестве, явно превышающем потребности местного населения» [24, л. 1]. Высказывались предположения, что склады с продовольствием вблизи границ могли быть специально устроены для того, чтобы снабдить им неприятельские войска в случае их вторжения в Финляндию. В таком духе высказывался командующий армиями Северного фронта, генерал от кавалерии П. А. Плеве. В послании И. Л. Горемыкину от 7 января 1916 г. он писал: «Находя, что при таких обстоятельствах дальнейшее снабжение Финляндии вывозимыми из Империи пищевыми

продуктами, создавая благоприятные условия для восстания, послужит лишь ко вреду России и ее армии, прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать обсудить этот вопрос, не будет ли своевременно теперь же воспретить ввоз в Финляндию всякого рода продуктов, тем более, что, судя по количеству уже ввезенных, она имеет их даже в избытке» [4, д. 35, л. 6].

Иное мнение выразил по этому вопросу морской министр адмирал И. К. Григорович. Когда И. Л. Горемыкин 11 января сообщил ему о соображениях П. А. Плеве, он 13 января направил ему ответное послание, в котором ставил под сомнение опасения командующего войсками Северного фронта относительно возможной немецкой операции в Финляндии и намерений Швеции отказаться от своего нейтралитета. Соответственно он возражал против предложения прекратить поставки продовольствия в Финляндию: «Мера прекращения подвоза продуктов в Финляндию, неосторожно принятая, может, по моему мнению, только возбудить неудовольствие населения, а если в продуктах будет ощущаться недостаток и вследствие этого возникнет дороговизна жизни, то таким путем создастся благодатная почва для пропаганды германских эмиссаров и для восстания населения». При этом морской министр оговаривался, что «признавая, таким образом, предлагаемую меру совершенно нецелесообразной, я считал бы все же необходимым усилить надзор за состоянием умов в Финляндии, предупреждая возможность возникновения в ней складов оружия и других подготовительных к восстанию действий, а также следить, не возникают ли там склады продовольствия, появление которых нельзя объяснить иначе как приготовлениями к приему неприятельской армии на финляндскую территорию, и не принимается ли там других каких-либо мер для подготовки восстания» [4, д. 35, л. 9–9 об.]. Схожие мысли высказывал военный министр, генерал от инфантерии А. А. Поливанов. В послании А. Л. Горемыкину от 15 января он, обосновав необходимость принятия мер для предупреждения

возможного восстания или каких-либо других антирусских акций на территории Финляндии, добавлял: «Вместе с тем нельзя не признать, что упомянутые предупредительные меры нежелательно соединять с какими-либо ограничениями снабжения местного населения необходимыми для него пищевыми продуктами, каковые ограничения не только крайне неблагоприятно отразились бы на настроении лояльной части населения названной области, но и, не достигнув цели, могли бы вызвать самые отрицательные последствия как в Финляндии, так и в сопредельной с ней Швеции и несомненно повлекли бы за собой усиление агитации против России» [4, д. 35, л. 10 об.].

Ф.А. Зейн на основе статистики, предоставленной губернаторами, показал, что в Финляндии нет никаких складов зерна, и что зерно, поставляемое в Великое княжество, потребляется практически сразу. 24 января 1916 г. Зейн доносил новому председателю Совета Министров Б. В. Штюрмеру о проведенном в прибрежной полосе Або-Бьёрнеборгской, Вазаской и Улеоборгской губерний расследовании, которое показало, «что никакого искусственного сосредоточения запасов не было, но что они соответствовали действительным потребностям населения и торговли» [4, д. 35, л. 17]. Совет Министров поддержал Зейна. Эти мнения и сообщения повлияли на позицию Ставки, которая, в конечном итоге, также посчитала опасения относительно возможности использования продовольствия в Финляндии с враждебными для России целями необоснованными [9, р. 256–257].

Таким образом, почти все проблемы, связанные с Финляндией, рассматривались в центре через призму политики. Это не было случайным. Политическое положение в Финляндии действительно оставалось источником головной боли для российского политического и военного руководства. Выше говорилось о некотором подъеме пророссийских настроений в Великом княестве в начале войны. С другой стороны, однако, деятели «активного сопротивления» и финляндские сепаратисты в целом с возникновением войны увидели

свой шанс в том, чтобы добиться целей достижения национальной независимости Финляндии при поддержке противников России. Германское руководство, со своей стороны, также проявляло заинтересованность к сотрудничеству с оппозиционными силами внутри государств враждебного военного блока.

Первые контакты немецких представителей с эмигрантами из Финляндии завязались уже через несколько дней после начала войны. Уже в первую неделю войны германский посланник в Стокгольме Ф. фон Райхенау получил из Берлина телеграмму с предписанием поддерживать любые начинания, направленные на возникновение восстания в Финляндии. 6 августа 1914 г. Ф. фон Райхенау встретился с проживавшим в шведской столице известным деятелем финляндской эмиграции К. Цилиакусом. В ходе беседы было принято решение силами финских эмигрантов организовать прогерманскую пропаганду в Швеции и наладить разведывательную работу в Финляндии [24, s. 64]. Осенью того же года немцы установили контакт с еще одним видным деятелем финской эмиграции в Стокгольме, Х. Гуммерусом. Последний прибыл в Берлин, где встретился с лидером партии католического центра М. Эрцбергером. После проведенных переговоров Эрцбергер приступил к организации в Берлине «Комитета поддержки Финляндии». Х. Гуммерус также имел беседу в Берлине с сотрудником германского МИДа О. Вебером, которого уверял, что для финнов крайне важна победа Германии в войне, и что многие в Финляндии готовы работать ради содействия этому. Финляндские эмигранты Ф. Веттерхоф и Й. Сундвалль организовали 27 ноября 1914 г. другой самостоятельный финский комитет, который был позднее преобразован в Финляндскую канцелярию. Задачами этого органа были поддержание связей с Финляндией, организация кампаний в пользу Финляндии в германской прессе, организация и поддержка соотечественников на территории Германии. К. Цилиакус, Х. Гуммерус и Ф. Веттерхоф начали снабжать немцев важной информацией о Финляндии, на

основании которой немцы строили свои замыслы революционизирования этой окраины Российской империи [25, s. 40].

В первые месяцы войны лидеры финских сепаратистов основной расчет делали на шведскую помощь. Сторонники «скандинавского направления» в финском активизме магистр И. Альфтан и юрист Г. Грипенберг обратились к шведским властям с просьбой организовать обучение финских добровольцев в Швеции. В качестве компенсации за помощь предлагалось рассмотреть вопрос об уступке Швеции Аландских островов и части Улеоборгской губернии, а также о возможном государственном союзе Швеции и Финляндии в случае отделения Великого княжества от России [12, s. 131]. Подобный проект мог найти поддержку среди шведских активистов. Ответ на это со стороны правительственных кругов, однако, последовал отрицательный. Шведское руководство твердо придерживалось нейтралитета в войне и не желало его нарушать поддержкой финляндского сепаратизма. Министр иностранных дел Швеции К. Валленберг даже заявил: «Если бы нам на подносе преподнесли Финляндию, я бы поспешил отказаться от подобного подарка, и громадное большинство шведов мыслит так же» [26, с. 311]. И К. Валленберг, и премьер-министр Швеции Я. Хаммаршёльд решительно противостояли попыткам втянуть Швецию в войну на стороне Германии и её союзников. При переговорах с немецким банкиром М. Варбургом в июле 1915 г. Валленберг говорил о неготовности шведской армии к войне и о том, что в случае вступления Швеции в войну на стороне противников Антанты Англия перекроет Швеции все связи с заграницей. Министр высказался о незаинтересованности Швеции в Аландах и выразил мнение, что Финляндии лучше оставаться автономной частью России [24, s. 213].

Неудача на скандинавском направлении вынуждала искать более надежного союзника. Ставка была сделана на Германию как на основного противника России. Тем более что лидеры финских сепаратистов в большинстве придерживались германофильских

убеждений. В ноябре 1914 г. в Финляндии появились немецкие прокламации «К финскому народу». В них население Великого княжества призывалось к «свержению со своей шеи русского ига при помощи Германии, которая твердо решила вернуть Финляндии политическую свободу и самостоятельность». В конце 1914 г. немецкая дипломатия и военные круги приступили к прямой подготовке вооруженных беспорядков в Финляндии. После переговоров О. Вебера с представителями Военного министерства в Швецию был командирован капитан Г. Фестенберг, получивший приказ закупить оружие и снаряжение «для возбуждения восстания в Финляндии». На средства немецкого Военного министерства планировалось приобрести оружие и боеприпасы. В декабре 1914 г. Вебер и Фестенберг закупили у частных шведских компаний 10 тысяч винтовок с боеприпасами. В январе 1915 г. Вебер сообщал о закупке 70 тысяч винтовок и сабель. Оружие размещалось в различных местах шведского побережья, чтобы при необходимости можно было его быстро перебросить в Финляндию [26, s. 103].

Масштабы сепаратистских и вообще антирусских настроений в Финляндии были, однако, не так велики, как бы этого хотелось эмигрантским лидерам и их германским покровителям. Большинство населения сохраняло лояльность по отношению к империи. Ф. А. Зейн в упоминавшемся донесении Б. В. Штюрмеру от 24 января 1916 г. сообщал: «Так как, однако, в Финляндии все же существует, как уже сказано, недовольство, сепаратизм и германофильство, хотя ныне и притаившееся, но все же пустившие достаточно глубокие корни в некоторых общественных в Финляндии кругах, Германия не упустила случая попытаться использовать эти обстоятельства в свою пользу в борьбе против России. Уже вскоре после начала войны были получены сведения, что Германия стремится возбудить в Финляндии смуту через своих эмиссаров и путем распространения воззваний, в коих финскому народу обещалось освобождение при помощи германцев от русской власти. Эти стремления Германии были,

однако, парализованы в самом их начале установлением строгого надзора за приезжающими из-за границы и за провозом контрабанды, а также введением просмотра почтовой и телеграфной корреспонденции со стороны органов военной цензуры. По донесениям всех губернаторов, ни агитации германских эмиссаров, ни широкого распространения германских воззваний в крае не наблюдалось. Были случаи, когда эти воззвания получались отдельными лицами, и эти последние их уничтожали, или представляли властям» [4, д. 35, л. 14–14 об.].

В донесении начальника штаба Верховного Главнокомандующего Б. В. Штюрмеру от 15 июля 1916 г. настроение и поведение финляндских политических кругов изображались следующим образом: «В течение первого года войны внутреннее настроение в Финляндии, казалось бы, не оставляло сомнений в полной политической лояльности этой страны по отношению к России. Однако сдержанное поведение Финляндии, остававшейся лишь молчаливой свидетельницей напряженной борьбы России с Австро-Германией, не внушало доверия. Скорее можно было предполагать, что руководящие партийные центры в Финляндии решили принять выжидательное положение и ограничиться наблюдением за текущими событиями, воздерживаясь от каких бы то ни было резких и необдуманных шагов, дабы не навлечь на себя подозрение правительства и в то же время иметь возможность своевременно повернуть общество и народ в ту или иную сторону, в зависимости от успеха русского оружия, политического положения в Швеции и настроения внутри Империи» [4, д. 1810, л. 17 об.]. По сведениям, которыми располагал Ф. фон Райхенау, большим разочарованием для финских сепаратистов был отказ немцев от проведения активных операций военно-морских сил против русского Балтийского флота и гаваней в Финском заливе [24, s. 66].

В создавшихся условиях финляндские сепаратистские прогерманские круги пришли к мысли о том, что для начала

восстания в Финляндии нужен толчок извне. В конце 1914 г. представители тайного студенческого комитета в Гельсингфорсе (который был образован в ноябре 1914 г. и ставил своей целью полное отделение Финляндии от России) Б. Паулиг и В. Хорн передали в Стокгольме через Х. Гуммеруса в германское представительство послание, в котором содержалась просьба к германскому военному руководству организовать военную подготовку для двухсот финских добровольцев и оказать помощь оружием. Замыслы организации военного обучения для молодых финнов в Германии развивал и Ф. Веттерхоф; он предполагал, что такие подготовленные кадры могли бы стать в дальнейшем основой офицерского корпуса для будущей финской армии. 26 января 1915 г. в Берлине состоялось совещание представителей Военного министерства, Генерального штаба, Адмиралтейства и МИДа, на котором было принято решение организовать близ Гамбурга, в местечке Локштедт, четырехнедельные курсы военной подготовки для двухсот финляндцев [24, s, 124–126]. Так было положено начало т. н. егерскому движению. Ф. А. Зейн сообщал об этом Б. В. Штюрмеру следующее: «Потерпев неудачу в своих попытках возбудить смуту среди массы населения Финляндии, Германия все же нашла у него слабое место, на котором сосредоточила свои коварные усилия. Она, независимо от использования некоторых финляндцев в качестве шпионов, занялась вербовкой, через своих агентов и финляндских эмигрантов, финской молодежи в германские войска, в надежде, научив военному делу употребить их, в качестве офицеров или унтер-офицеров, на случай вторжения в Финляндию. Эти молодые финляндцы могли бы тогда послужить не только прекрасно знающими край осведомителями германской армии, но и тем ядром, около которого, при успехе вторжения, явилась бы возможность сосредоточить других финнов в целях поднятия в крае вооруженного восстания. Первые слухи о вербовке финляндской молодежи в германские войска дошли до меня весной 1915 года» [4, д. 35, л. 15].

25 февраля 1915 г. в Локштедтском лагере близ Гамбурга майор германской армии М. Байер, назначенный руководителем курсов и днем ранее прибывший в лагерь, принял первые 35 финляндцев. Вскоре число курсантов выросло до 185 человек. Предполагалось затем увеличить их количество до тысячи человек [27, s. 125–126]. Программа курсов первоначально была рассчитана на четыре недели, затем была продлена. В нее входили общая пехотная подготовка, инженерное и саперное дело, с уклоном на подрывные действия, методы ведения партизанской войны. Первые рекруты набирались в лагерях для военнопленных и среди моряков финляндских судов, захваченных в Германии в начале войны. Вскоре началась вербовка непосредственно в Финляндии. Стокгольм стал основным перевалочным пунктом для отправки финляндских добровольцев в Германию. Вскоре началась вербовка непосредственно в Финляндии. Стокгольм стал основным перевалочным пунктом для отправки финляндских добровольцев в Германию [128, s. 220–230]. 26 августа 1915 г. германское Военное министерство отдало распоряжение о формировании «Учебной группы Локштедт» («Ausbildungstruppe Lockstedt»), в состав которой должны были войти егерский батальон, пулеметная и пионерская роты. В группу принимались иностранцы, которые добровольно выражали желание в неё поступить. Они не становились германскими подданными. Финляндцы обязывались «служить Германской империи всеми силами и повсюду». Военная подготовка велась по германскому образцу, командным языком был немецкий, курсанты получали форму немецких егерей. Численность формирования продолжала увеличиваться: к концу 1915 г. она составляла 886 человек, к 1 февраля 1916 г. – 1092, из которых около 400 могли считаться достаточно подготовленными, а к концу марта того же года – 1502 [27, s. 128–129, 132].

Некоторое время, благодаря конспирации, удавалось сохранять мероприятия по вербовке и переправке молодых финляндцев в Германию в тайне от русских властей. Как явствует из цитированного

выше доклада Ф. А. Зейна Б. В. Штюрмеру, о подобных фактах ему стало впервые известно весной 1915 г. В августе того же года к военным и гражданским властям начали поступать отрывочные сведения, главным образом, от органов заграничной агентуры в Скандинавских странах, о небольших группах финляндцев, проезжавших из Финляндии в Германию. Наблюдение пограничной охраны и жандармских властей в Финляндии на протяжении осенних месяцев 1915 года дали неоспоримые доказательства усилившейся эмиграции финляндцев в Германию. За этот же период времени заграничные агентурные органы уже более подробно и настойчиво указывали на наличие в пределах Финляндии вербовки финляндской молодежи для выезда в Германию, с целью поступления в германские войска и в особые финляндские части, формируемые в Германии, и на организацию в Стокгольме особых бюро для вербовки. Военными властями были приняты меры по усилению охраны финляндских границ и ограничению эмиграции из Великого княжества, а в декабре 1915 г. были вообще запрещены выдача паспортов и выезд за границу финляндцам в возрасте от 17 до 35 лет. После этого переход границы совершался нелегально, хотя он был затруднен ввиду принимаемых военными и жандармскими властями мер по усилению пограничного контроля [4, д. 1810, л. 17 об. – 18].

15 июля 1916 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего препроводил Б. В. Штюрмеру полученную от главнокомандующего армиями Северного фронта «Сводку сведений о преступном сообществе в Финляндии и о финляндском егерском батальоне, находящемся ныне в составе германских войск, действующих против Северного фронта», составленную на основе сведений, предоставленных несколькими перебежчиками (сводку составил и. о. начальника штаба главкома Северного фронта генерал-майор Сиверс). Как явствовало из этой сводки, батальон, получивший наименование 27-го егерского резервного, состоял из четырех рот, пулеметной роты, пионерской роты и артиллерийского взвода, общей численностью около 1500 человек, при 8-10 пулеметах и двух

гаубицах. Упоминалось о роли в формировании батальона Ф. Веттерхофа, который в Берлине «открыл свое бюро, руководящее повстанческой агитацией в Финляндии, и на адрес коего шлют из Финляндии через Швецию письма для финляндцев – членов сформированного батальона». Делом вербовки в Финляндии руководил комитет, который находился в Стокгольме и в работе которого участвовали, в частности, К. Циллиакус, Х. Гуммерус, коммерсант и банковский деятель С. Сарии, младофинны Й. Кастрен, Й. В. Снелльман. С целью формирования новых батальонов решено усилить летом 1916 г. вербовку в пределах Финляндии, для переправы же завербованных в Швецию организовать моторно-лодочное сообщение через самую узкую часть Ботнического залива около городов Николайстад (Вааса) и Якобстад (Пиетарсаари) [4, д. 1810, л. 18 об.–20].

Далее в сводке сообщалось: «Первоначальное назначение батальона... состояло в том, что финляндский батальон должен был вместе с германскими, а в случае выступления Швеции и со шведскими войсками вторгнуться в Финляндию с целью ее освобождения от России, поднять в Финляндии восстание и приступить к формированию финляндских войск, офицерским кадром для которого и послужат люди егерского батальона. Позднее – перед отправлением на Рижский фронт, было объявлено батальону – прорваться к Ревелю, захватить его при содействии германского флота и, переправившись вслед за тем в Финляндию, поднять там вооруженное восстание для отторжения ее от России. В случае же ожидаемого германцами выступлении Швеции против России, финляндский егерский батальон с Рижского фронта якобы будет переброшен через Германию в Швецию, для совместного с ней вторжения в Финляндию. А пока на Рижском фронте финляндцы должны приучаться – по выражению немцев – бить русских» [4, д. 1810, л. 20–20 об.]. 24 мая 1916 года 27-й егерский резервный батальон выступил из Локштедтского лагеря в Гамбург, где был погружен на поезд и, следуя через Любек и Кёнигсберг, 3 июня высадился в Митаве

224

(Елгаве), на территории оккупированной немцами части Латвии. Численность батальона на тот момент составляла 39 офицеров и 1410 солдат [27, s. 140]. «В Митаве батальон простоял несколько дней, представляясь на смотрах нескольким немецким начальникам. Из Митавы батальон выступил походным порядком и, сменив на фронте немецкую кавалерию, занял участок позиции за рекой Нисса от деревни Бирзоль к западу, длиной 3 версты» [4, д. 1810, л. 21–21 об.].

23 августа 1916 г. последовал приказ о переводе батальона в район побережья Рижского залива к северу от г. Туккум (Тукумс). В период с конца августа до начала декабря батальон участвовал в боях местного значения. В частности, довольно интенсивным характером отличались бои 25–26 ноября, когда бойцам батальона пришлось отражать попытку наступления русских [27, s. 145–146, 151–152]. Вскоре, однако, среди бойцов батальона стали учащаться случаи недовольства и неповиновения немецким офицерам. Многие были недовольны тем, что в борьбе за независимость Финляндии, вопреки тому, что ранее декларировалось, батальон никак не участвовал. В то же время, в Берлине наметилось охлаждение к егерскому вопросу. Ф. Веттерхоф лишился доверия германских властей. В середине декабря 1916 г. егерский батальон был отведен с фронта и 15 числа прибыл в Либаву (Лиепая), где и был расквартирован. Командование предполагало использовать часть батальона для действий в русском тылу, однако в самом батальоне эта идея понимания не вызвала. В итоге было решено отвести батальон в тыл и в дальнейшем использовать его для несения караульной и хозяйственной службы [28, s. 228–230]. Официально 27-й королевский прусский егерский батальон как соединение германской армии был распущен 13 февраля 1918 г. [27, s. 171]. Тогда уже полным ходом шла подготовка к переброске егерей в Финляндию, где они затем сыграли важную роль в ходе гражданской войны.

Говоря об антирусской деятельности финляндских эмигрантов-сепаратистов, следует также упомянуть об их участии в акциях

основанной в годы войны под германским покровительством «Лиге инородцев России» („Die Liga der Fremdvölker Russlands“), в рамках которых устанавливались связи с сепаратистскими кругами других национальных меньшинств империи. В частности, Ф. Веттерхоф в июне 1915 г. заключил соглашение с грузинским представителем Г. Мачабелли о сотрудничестве в деле освободительной борьбы обоих народов. Веттерхоф также имел связи с рядом балтийских немцев и с украинским националистом Д. И. Донцовым, основателем «Союза освобождения Украины». На основании собранных сведений Веттерхоф составил и передал в германский МИД план ослабления России посредством поддержки сепаратистского движения на окраинах империи [25, s. 46]. Финляндские представители принимали участие в Лозаннской конференции национальных меньшинств 27–30 июня 1916 г. От стокгольмского эмигрантского комитета на конференцию были делегированы К. Циллиакус, Х. Гуммерус и С. Сарио. Финские участники конференции наиболее определенно высказывались с антирусских позиций. К. Циллиакус в своей речи отмечал, что Финляндия стремилась лишь к восстановлению своей автономии. Однако Россия поправа договор, который она сама подписала сто лет назад. Так что теперь у Финляндии не осталось никаких обязательств перед имперским центром, и теперь цель звучит как «прочь от России, свобода для Финляндии» [25, s. 124].

В последующем деятельность Лиги свелась к пропагандистской работе в нейтральных странах и в странах Антанты с целью формирования негативного образа России. Кампания в прессе и издание на немецкие деньги специальных брошюр должны были показать миру, что «Россия – страна варваров, лжецов и несправедливости, что она представляет величайшую угрозу культуре и свободе других народов» [25, s. 168]. Члены стокгольмское бюро Лиги, руководимого Х. Гуммерусом, занимались публикацией в Швеции статей и книг о несправедливом положении национальных меньшинств в России, осуществляли подборку русских и шведских статей и готовили их

переводы для немецких дипломатов, вербовали новых членов организации, особенно среди финнов и прибалтийцев. После Февральской революции в России в рядах «Лиги инородцев России» усилились противоречия. Стокгольмское отделение Лиги пыталось продолжать пропагандистскую деятельность. В Швеции, однако, нападки финских сепаратистов на Россию и на Антанту в целом начали приедаться. Сотрудничавшие с Россией шведские предприниматели требовали от правительства обуздать антирусскую пропаганду в прессе, которая, как они считали, негативно сказывалась на российско-шведском экономическом сотрудничестве. После февраля 1917 г. Лига не провела ни одной крупной акции, хотя её финансирование продолжалось немецкой стороной вплоть до середины ноября 1918 г. [26, с. 326–329].

Февральская революция 1917 г. открыла новую стадию в истории и России в целом, и отдельных её частей, в том числе Финляндии. 7 (20) марта Временное правительство издало манифест, который отменял все ограничения финляндской автономии, установленные начиная с 1899 г. 13 (26) марта было сформировано новое финляндское правительство, признанное правительством России. В начале апреля также смог возобновить свою деятельность финляндский парламент [29, с. 26–27]. Эти события стали этапом на пути движения Финляндии к полной политической независимости, ставшей фактом в декабре 1917 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998.
2. Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992.
3. Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland, 1808–1918. Helsinki, 1997.
4. РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 35, 1810.
5. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 51, 558.
6. РГИА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 5.

7. **Luntinen P.** Sotilasmiljoonat. Helsinki, 1984.
8. Финляндская газета. 1915. 1 (14) января.
9. **Luntinen P.** F. A. Seyn, 1862–1918: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Helsinki, 1985.
10. Uusi Suometar. 1914. 18. elokuuta.
11. Laatokka. 1914. 18. elokuuta.
12. Finlands firihetskrig år 1918. Bd. 1. Helsingfors, 1921.
13. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1915 год. М., 2008.
14. Новое время. 1916. 3 сентября.
15. ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 4. Д. 8.
16. **Такала И. Р.** Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002.
17. **Nevalainen P.** Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisten paot ja paluumutot idästä 1917–1939. Helsinki, 2002.
18. Luettelo Venäjälle työnhakuun saapuneista 1907–1917 // Kansallisarkisto. Suomen Passivirasto Pietarissa. Baj. 14–17.
19. Финляндская газета. 1915. 14 (27) февраля.
20. Финляндская газета. 1915. 18 февраля (3 марта).
21. Торгово-промышленная газета. 1915. 13 февраля.
22. Торгово-промышленная газета. 1915. 17 февраля.
23. Торгово-промышленная газета. 1915. 22 февраля.
24. **Apunen O.** Suomi keisarillisen Saksan politiikassa 1914-1915. Helsinki, 1968.
25. **Zetterberg S.** Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916-1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978.
26. **Новикова И. Н.** «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы первой мировой войны. СПб., 2006.
27. **Coler U. von.** Jägarbataljonen // Finlands frihetskrig skildrat av deltagare. I. Förberedelser och förhistoria. Helsingfors, 1921.
28. **Lauerma M.** Jääkäriiike // Historian aitta. 14. Porvoo–Helsinki, 1960.
29. **Polvinen T.** Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. I. Porvoo – Helsinki, 1967.

УДК 94 (470)

О.К. Павлова

ПЕТЕРБУРГ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Санкт-Петербург формировался по замыслу его основателя царя Петра I не только как столичный европейский город, но и как центр торговли и промышленности. Не случайно царь приглашал в строящийся город специалистов-иностранцев для открытия на берегах Невы новых мануфактур, комбинатов, заводов. Сюда из Архангельска переселялись купцы для организации торгового дела. Здесь была открыта первая в России биржа. Постепенно город становился торгово-промышленным и культурным центром Российской империи. А в XIX веке город стал и финансовой столицей государства.

Девятнадцатый век и особенно его вторая половина характеризовались активным развитием государственной финансовой системы и частного банкирского промысла. Меткую характеристику XIX веку дал Александр Блок в поэме «Возмездие»:

«Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Век акций, рент и облигаций».
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций» [1].

Поэт отмечал активизацию деятельности банков и роли ценных бумаг.

В пореформенный период Петербург являлся крупным денежным рынком страны и центром капиталистической кредитной системы. В конце XIX века потребности промышленности привели к широкому развитию банковской государственной и частной системы. К государственным учреждениям относились Государственный банк, государственная сберкасса, государственный дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, ссудная казна (ломбард).

Государственные сберегательные кассы были учреждены в 1841 году. Первая сберегательная касса была открыта при Санкт-Петербургской Сохранной Казне. Сеть сберегательных касс постоянно увеличивалась. В 1889 году было положено начало открытию почтово-телеграфных касс. Одновременно с этим Государственный банк получил право открывать отделения касс при заводах и фабриках. С 1894 года сберегательные кассы стали открываться при таможнях. Санкт-Петербургская сберегательная касса не только являлось первой по времени открытия, но и первой по объему оборотов [2].

Значительно шире были представлены акционерные, частные финансовые учреждения. Это были коммерческие банки с отделениями, конторами, агентствами и комиссионерствами. Кроме этого частный коммерческий кредит представляли Общества взаимного кредита, Акционерные земельные банки, Сословные и Взаимные (земельные) банки, городские кредитные общества, акционерные ломбарды, банки на особых основаниях, городские общественные банки, ломбарды, сберегательные кассы, сельские общественные банки, ссудные кассы промышленников и другие учреждения.

Жители Петербурга и гости столицы второй половины XIX – начала XX веков могли убедиться в том, что Петербург был центром

финансового мира страны, для этого достаточно было побывать на Невском проспекте. Только на Невском проспекте находились конторы многих национальных, частных, иностранных кредитных учреждений и их правления. Накануне первой мировой войны на Невском проспекте их было более пятнадцати. Учредительство акционерных коммерческих банков началось с 1864 году открытием Петербургского частного коммерческого банка. Инициатором его создания был председатель столичного Биржевого комитета Е.Е. Брандт [3]. Важная роль в банке принадлежала Г.П. Елисееву, в 1875 году он был избран председателем правления банка. Учредители банка, обосновывая цель его создания, писали в своем прошении о необходимости «при здешней бирже частного банка, как в видах пользы для биржи, так и вообще для поддержки и развития торговли всего государства» [4]. Определяя роль Е.Е. Брандта и Елисеевых в банке, чиновник, известный публицист и общественный деятель К.А. Скальковский писал, что Петербургский частный банк походил «в руках г. Брандта скорее на контору братьев Елисеевых» [5]. Петербургский частный коммерческий банк являлся родоначальником всех акционерных банков в России, его устав стал основой всех других акционерных банков, число которых быстро росло с середины 60-х годов XIX века. В 80-х годах XIX века этот банк возглавил К. Сименс и использовал его для организации в 1886 году Общества электрического освещения. В 90-х годах банк участвовал в учреждении новых предприятий и увеличении капиталов уже существовавших фирм. В 1894 году представитель Частного банка был впервые введен в правление Северного стекольно-промышленного общества. В это время во главе правления банка стоял крупный биржевик, председатель Петербургского биржевого комитета А.Я. Прохоров. При нем наиболее активно проявилась учредительная функция банка, в 1895 году было

создано Русское паровозостроительное и механическое общество, а в 1896 году акционирована нефтяная фирма Г.М. Лианозова [6]. Таким образом, активно шел процесс слияния финансового и промышленного капитала.

Часть наиболее крупных банков, находившихся в Петербурге, были связаны с иностранным капиталом. К ним относился Русско-Азиатский банк, основанный в 1910 году путем слияния Русско-Китайского и Северного банков. К 1917 году банк занимал ведущее место среди коммерческих банков России. Он имел 102 филиала. Большая часть капиталов банка (79%) принадлежала иностранному капиталу, прежде всего Франции и Англии [7]. Банк контролировал 22% нефтяной добычи России, распространял свое влияние на большинство предприятий военно-промышленного комплекса, контролировал работу 163 предприятий страны, капитал которых оценивался в 956 млн. рублей золотом, а перед войной банк скупил все крупнейшие табачные фабрики России [8]. Руководил деятельностью банка А.И. Путилов. Русско-Азиатский банк совместно с французскими военными фирмами и при участии Международного банка с 1913 года финансировал крупнейшее предприятие Петербурга – общество Путиловских заводов [9].

Германии принадлежало 40% капиталов Санкт-Петербургского международного коммерческого банка, одного из крупнейших коммерческих банков России начала XX века. Банк был учрежден для развития торгово-промышленных связей России с иностранными рынками, для облегчения расчетов коммерческого кредита. Банк контролировал работу золотодобывающих и золотообрабатывающих предприятий, а также являлся держателем пакета акций основных судостроительных заводов России. Учредителями банка были крупные дома, занимавшиеся экспортной торговлей и частные

банкиры. Среди учредителей банка были Ф. Родоканаки – представитель Торгового дома «Ф.П. Родоканаки и К^о», Э. Брандт – представитель Торгового дома «Э.Г. Брандт», Леон Розенталь – представитель Торгового дома «Леон Розенталь» в Петербурге и др. В учреждении Международного банка участвовала группа иностранных банкиров [10]. При создании банка важная роль принадлежала варшавскому банкирскому дому С.А. Френкеля. Одним из председателей Совета банка был видный предприниматель Н.Н. Суцов (1897–1908), возглавивший правление промышленной фирмы «Северное общество трубопрокатных и механических заводов», основанной в 1898 году. Среди крупнейших акционеров банка – известные предприниматели К.Д. и Н.Д. Бенардаки, Строгановы и др. Руководил банком А.И. Вышнеградский, сын бывшего министра финансов И.А. Вышнеградского. В Петербурге располагался Русско-Английский банк, 80% акций которого принадлежали Англии. Таким образом, иностранный капитал активно влиял на финансовую систему и промышленное производство России.

В 1901 году Министерством финансов был утвержден Устав Северного банка, правление которого находилось в Петербурге. В том же году учреждено новое акционерное общество «Северный банк». Банк имел многочисленные отделения в различных городах империи – Баку, Воронеже, Твери и др. Отделение банка имелось на Калашниковской бирже в Петербурге. Среди учредителей были частные лица – российские и иностранные подданные: горные инженеры Н.С. Авдаков и В.В. Жуковский, коммерции советник А.А. Верт, французский гражданин М.Э. Верстрат и др., а также две французские компании. Акционерами банка являлись купец И.Н. Харчев, потомственные почетные граждане К.С. Попов, В.В. Путцберг, А.А. Плеске [11].

Основателями Учетного и ссудного банка были представители финансовой олигархии России. Среди них – Г.Ф. Рафалович, О.Г. и Г.О. Гинцбурги, представитель старых торгово-промышленных семей – С.П. Елисеев, Н.М. Полежаев – петербургский хлеботорговец, И.А. Варгунин – петербургский фабрикант и коммерсант, основатель крупной семейной фирмы, В.И. Сазиков – купец 1-й гильдии, владелец ювелирной мастерской и магазина, являвшийся членом Совета Общества дома милосердия и благотворительного общества при Обуховской больнице, член совета Петербургского Коммерческого училища) [12]. Банк создавался для оказания помощи и развития отечественной торговли и промышленности. Он предоставлял удобные способы кредита, развивал финансовые связи и взаимное доверие в области международных денежных сношений, способствовал облегчению денежных оборотов. Председателями Совета банка и членами правления в начале XX века были коммерции советники Э.В. Блессиг – владелец фирмы «Блессинг и К⁰», К.А. Варгунин – известный предприниматель, активный благотворитель, почетный член совета Дома призрения и ремесленного образования бедных детей, почетный член совета Петербургского коммерческого училища, Санкт-Петербургский купец Г.В. Громме, статский советник М.Н. Бенуа и др. [13]. Банк производил многочисленные финансовые операции, включая оплату облигаций промышленных учреждений – общества Путиловских заводов, Московского металлического завода и др.

Волжско-Камский коммерческий банк, располагавшийся в Петербурге, имел акции главных паровых компаний России. В начале XX века этот банк имел более 20 отделений в других городах России. Основателем банка был В.А. Кокорев – сын мещанина Костромской губернии, родившийся в старообрядческой

семье. Он начал предпринимательскую карьеру с управления солеваренным заводом, затем стал крупнейшим винным откупщиком в России, его состояние в 1862 году составило 8 млн. рублей. В.А. Кокорев вел торговлю с Персией, построил нефтеперегонный завод в Баку. В 30-е годы XIX века проявил себя как публицист, печатал статьи по вопросам хозяйственной жизни. В 50-е годы В.А. Кокорев предложил проект крестьянской реформы. В это время он сблизился со славянофильскими кругами, но не во всем разделял их взгляды, считал возможным превратить Россию в сильную державу, используя опыт и пример Англии. Оценка В.А. Кокорева современниками довольно противоречива. Московский промышленник Ф.В. Чижов, сравнивая В.А. Кокорева с Н.И. Путиловым, писал: «У обоих для достижения цели все средства позволительны: подкуп – их главнейший источник, потом ложь ... Одним словом, тут ни о каком нравственном чувстве нет и помину... Ни одному слову ни того, ни другого нельзя дать веры ни на одну копейку». Значительно более высокую оценку В.А. Кокореву дал К.А. Скальковский, который писал о нем как о человеке умном, с оригинальными воззрениями, с добродушным характером. «Это был тип коренного русского человека, с его достоинствами и недостатками – человека, который был не чужд утонченнейшей цивилизации, а крестился двумя пальцами, не прочь был заимствовать с Запада, что там было хорошего, но верил, что Россия – страна мужицкая». Далее К.А. Скальковский отмечал: «Наше купеческое сословие мало выставило людей, которые могли бы равняться с Кокоревым игрой ума, талантами и характером, да и немного по всей России за полстолетие сыщется людей такого калибра» [14]. По мысли учредителей банк должен был собирать свободные капиталы в виде вкладов в местностях, где они были не востребованы,

и перемещать их для банковских затрат в торговые центры с оживленными оборотами. Таким образом, деятельность банка была направлена на выравнивание спроса и предложения капиталов, удешевление кредита, оживление торговли и промышленности [15]. В совет банка входили крупные предприниматели. Председателями правления банка был Е.И. Ламанский (1893–1901), В.Д. Спасович (1902–1904), А.Я. Прозоров (1905–1914), членами совета в разное время были: В.П. Верховский, А.Ф. Кларк, В.А. Кокорев, С.В. Кокорев, П.Р. Максимов, Н.Л. Марков, Э.Л. Нобель, И.К. Поляков, А.Я. Прозоров, Я.В. Ратьков-Рожнов и др.

С целью облегчения расчетов российских торговцев за границей был создан Русский для внешней торговли банк. Агентство банка располагались в Генуе, Лондоне и Париже. Учредителями банка выступали петербургские банкирские и торговые фирмы: «Э.М. Мейер и К^о», «И.Е. Гинцбург», «Винекен и К^о», «Леон Розенталь», «Братья Елисеевы» и другие. В учреждении участвовали и московские торговые дома. Председателем совета банка с 1885 по 1908 год был сенатор В.А. Половцов. С 1901 по 1907 год он был председателем правления Первого Российского страхового общества. Среди членов банка были: Д.А. Бенкендорф, Н.Н. Богданов, Л.И. Бродский, А.С. Гвейер, О.Ф. Дараган, Е.Е. Картовцов, А.И. Проворов, А.Я. Прохоров, Н.А. Ратьков-Рожнов и др. В состав правления входили Э.Е. Линдес – председатель, коммерции советник и совладелец фирмы «Э.Г. Брант», который занимался торговлей хлебом при Петербургском порте.

Наряду с банками, возникшими в Петербурге, в столицу переезжали правления периферийных банков, в частности, правление Азовско-Донского банка в начале XX века переместилось из Таганрога.

Финансовые учреждения в Петербурге основывали и

московские предприниматели. В 1884 году был основан Петербургско-Московский коммерческий банк. В Совет банка входили Л.С. Поляков – председатель, члены Совета – Д.С. Поляков, К.П. Троицкий. Московские и петербургские предприниматели в 1890 году открыли Русский торгово-промышленный банк. Его учредители – Д.И., К.В. и С.Т. Морозовы, И.И. Казаков, А.Г. Кузнецов и другие, торговые дома «С.П. Оконишников и сын», «А. Катуар с-я», писчебумажный фабрикант П.П. Берг (глава фирмы «Г.И. Паллизен»), торговые дома «Бадель с-я и К⁰», «А.Н. Стерн и К⁰», «Н. Комондо и К⁰» и другие. Председателем Совета банка с 1894 по 1899 год был А.А. Померанцев. В начале XX века банк быстро развивался. К 1917 году банк имел капитал в 35 млн. рублей и переместился с десятого на шестое место в списке крупнейших Российских банков. Он контролировал 60 промышленных и торговых компаний, в том числе – 29 в сфере тяжелой промышленности [16].

Перечисленные выше крупнейшие российские коммерческие банки, располагавшиеся в столице, составляли основу кредитной системы страны. Источником развития этих банков были капиталы представителей торговой элиты столицы.

Составной частью финансовой системы России были, находящиеся в Петербурге, Санкт-Петербургское агентство акционерного общества «Лионский кредит» (основано в 1863), Общество взаимного кредита (1869), Общество взаимного кредита Санкт-Петербургского уездного земства (1871), Общество взаимного кредита под наименованием «Дешевый кредит» (1895), Санкт-Петербургский – Тульский поземельный банк (1872), Городское кредитное общество (1861), частные ломбарды [17].

Предпринимательство в финансовой сфере нашло воплощение через развитие обществ взаимного кредита и городских банков. Первое

Санкт-Петербургское общество взаимного кредита было основано в 1863 года, благодаря деятельности Е.И. Ламанского – предпринимателя, видного общественного деятеля, ставшего позже первым председателем правления Петербургского общества взаимного кредита.

Второе Петербургское общество взаимного кредита возникло в 1894 году. К концу века в России действовало 98 обществ взаимного кредита, три из которых находились в Петербурге, одно – в Москве, остальные в губернских и уездных городах. Среди них выделялись пять обществ, оборотный капитал которых составлял свыше 1 млн. рублей, среднее число членов 2.661 на каждое общество при средней сумме 841 рубль оборотного капитала на каждого члена общества. К этой группе относились Санкт-Петербургское, Московское купеческое, Киевское городское, Варшавское и Тифлисское общества [18].

В 1861 году в Петербурге для правильного и возможно дешевого долгосрочного кредита под залог недвижимых имуществ было учреждено Городское кредитное общество. Общество являлось первым в России банком частного ипотечного кредита. К концу века опыт Петербурга был распространен в различных городах России, что привело к открытию 16 обществ. По обширности операций и дешевизне кредита Петербургское общество оставалось первым среди подобных учреждений в начале XX века. Общество вело активную благотворительную деятельность, в разное время пожертвовав в целях благотворения около 400 тысяч рублей [19].

Частный банкирский промысел в Петербурге был представлен банкирскими домами. Развитие семейного банкирского промысла в столице происходило во второй половине XIX века в результате проведенных реформ. Они способствовали оживлению финансовых отношений и появлению новых банкирских домов и контор. Одной из причин быстрого развития частного банкирского промысла и

открытия банковских домов было оживления предпринимательской активности в сфере частного или семейного накопления капитала. Накопление капиталов происходило в результате торговых операций и мануфактурного промысла. Из этой деятельности часто вырастало банковское дело.

Заметную роль в финансовой жизни столицы играл банковский дом барона Л. Штиглица. Одним из важных событий предпринимательской деятельности Л. Штиглица было получение в 1841 году государственного займа на 50 млн. рублей серебром на постройку железной дороги из Петербурга в Москву. После смерти Л. Штиглица его дело достойно продолжил сын – А.Л. Штиглиц. В 1880 года на основании преобразования суконной фабрики в Нарве А.Л. Штиглиц создал Товарищество Нарвской суконной мануфактуры, затем – Товарищество Нарвской льнопрядильной мануфактуры. За пожертвование на строительство этой дороги и ветви в Красное Село, которую А.Л. Штиглиц построил на свой счет, в 1857 году он был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. А за пожертвования в 300 тысяч рублей серебром на нужды правительства во время Крымской войны А.Л. Штиглиц получил чин статского советника, позднее – действительного статского советника [20]. А.Л. Штиглица называли «королем Петербургской биржи», в течение 13 лет он занимал должность ее председателя. В 1862 году Штиглиц был произведен в тайные советники, а в 1881 году – в действительные тайные советники [21].

Крупный и влиятельный банковский дом «И.Е. Гинцбург» появился в Петербурге в 1859 году. Его владельцем был Евзель Гинцбург. Как отмечает Б.В. Ананич: «Заработанные на винных откупах миллионы и новое законодательство позволили Евзелею Габриэловичу Гинцбургу открыть в 1859 году банковский дом в

Петербурге и отделение в Париже на бульваре Осман ... Банкирский дом «И.Е. Гинцбург», первый крупный банкирский дом, появившийся в столице после издания закона от 15 марта 1859 г., вскоре стал одним из новейших банкирских учреждений в Петербурге, заняв место банкирского дома барона Штиглица» [22].

Другой влиятельной банкирской семьей была семья Поляковых. Их деятельность в большей степени была связана с Москвой, чем с Петербургом. Однако братья Поляковы, занимавшие исключительное место в предпринимательском мире 70-80-х годов XIX века, осуществляли свои операции в столице через Петербургско-Азовский банк. В основе состояния С.С. Поляков были винные откупа, а затем железнодорожные подряды.

Менее влиятельными и стабильными в Петербурге были банкирские дома «Г. Вавельберг», «И.В. Юнкер и К^о», «Лампе и К^о», «А. Альванг» и другие. Владелец банкирского дома А.Э. Альванг в течение 26 лет был сотрудником банкирского дома Гинцбургов, свой банкирский дом он создал в 1897 году, был совладельцем пивоваренного завода «Новая Бавария» и членом его правления, членом Совета водоснабжения и газоосвещения.

Петербургские банкирские и торговые дома принимали участие в создании Центрального банка русского поземельного кредита. Среди них – «Винкси и К^о», И.Е. Гинцбург, «С.К. Гвейер и К^о», братья Елисеевы и другие. Учредительская миссия являлась важной стороной деятельности банкирских домов и значительным источником обогащения.

Таким образом, Петербург по праву считался финансовой столицей империи. Как правило, первые финансовые учреждения открывались в Петербурге. Государственный банк находился в Петербурге, членом совета которого от петербургского купечества в

конце XIX века был А.Г. Елисеев. В столице действовали пять крупнейших банков России. Многие финансовые структуры России и зарубежных стран имели свои конторы в Петербурге.

К началу XX века их 12 крупнейших российских коммерческих банков, на долю которых приходилось 80% пассивов всех 50 частных банков, девять находились в Петербурге. А в 1915 году Кредитная канцелярия указывала на 12 главнейших банков России, располагавшихся в Петербурге [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Блок А.** Собрание сочинений в 8 т. – М.–Л. 1960. – Т.3. – С. 304.
2. **Шустов А.С.** Санкт-Петербургское купечество 200-летнему юбилею столицы. – СПб., 1903. – С. 3.
3. Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии. – СПб, 1865. – С.6.
4. **Левин И.И.** Акционерные коммерческие банки в России. – Пгр., 1917. – Т.1. – С. 169, 174.
5. **Бовыкин В.И., Петров Ю.А.** Коммерческие банки Российской империи. – М., 1994. – С. 82.
6. **Бовыкин В.И., Петров Ю.А.** Указ. соч. – С. 86; **Бовыкин В.И.** Зарождение финансового капитала в России. – М., 1967. – С. 261–264.
7. **Львов Ю.И.** Банки и финансовый рынок. – СПб., 1996. – С. 11.
8. Там же. – С. 11.
9. ЦГИА СПб. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1974. 1912–1916 гг. Л. 22, 40.
10. **Левин И.И.** Акционерные коммерческие банки в России. Пгр., 1917. – Т.1. – С. 195–196.
11. **Шустов А.С.** Указ. соч. – С. 17.
12. **Барышников М.Н.** Деловой мир Петербурга. Истор. Справочник. – СПб., 2000. – С. 399.
13. **Шустов А.С.** Указ. соч. – С. 16.
14. **Бовыкин В.И., Петров Ю.А.** Коммерческие банки Российской империи. – М., 1994. – С. 117–118.

15. См: **Голубев А.К.** Русские банки. Справочные сведения о действовавших в России государственных, частных, общественных кредитных учреждениях. СПб., 1896–1908. – СПб., 1896. – С. 24.
16. **Барышников М.Н.** Деловой мир Петербурга. – СПб, 2000. – С. 387.
17. См.: **Голубев А.К.** Русские банки. Справочные сведения о действовавших в России государственных, частных, общественных кредитных учреждениях. – СПб., 1896–1908 г.
18. **Голубев А.К.** Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действовавших в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. – СПб., 1896. – С. XVI, XVIII, XIX.
19. **Шустов А.С.** Указ. соч. – С. 5.
20. **Ананьич Б.В.** Банкирские дома в России 1860–1914 гг. – С. 15.
21. См.: Некролог // Московские ведомости. 1884. 25 октября.
22. **Ананьич Б.В.** Указ. соч. – С. 40.
23. См.: Отчеты и баланс торгового товарищества «Братья Елисеевы» // РГИА. Ф.23. Оп. 24. Д. 927.

**ПАРАДИГМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

УДК 394.942

Е.Л. Болдырева

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В современную эпоху, когда процессы глобализации все больше охватывают мир, процессы трансграничного и трансрегионального сотрудничества интенсифицируются, а международные взаимосвязи укрепляются, возрастающее значение приобретает необходимость изучения политических, культурных, экономических и т. п. особенностей разных стран. Россия, а в особенности ее Северо-Западный регион, имеет в силу географических и исторических факторов, давние прочные связи с Североевропейским регионом и, в наибольшей степени, с Финляндией.

Интенсификация взаимных контактов данных регионов вызывает необходимость в специалистах соответствующего профиля, разбирающихся в особенностях деловой, политической жизни соседней страны, владеющих языком и понимающих особенности менталитета страны-партнера.

Указанных специалистов-регионоведов готовит, в частности кафедра «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Студенты, специализирующиеся на Североевропейском регионе, изучают все основные аспекты внешне- и внутривнутриполитической жизни стран данного региона. И среди данных аспектов, несомненно, очень важное место занимает изучение социально-политической системы стран Скандинавии и Финляндии.

Автором в процессе более чем десятилетнего преподавания этого курса были выявлены некоторые особенности и трудности, на которые нужно обращать особое внимание в ходе лекций и практических занятий.

Так, на первом занятии целесообразно определить круг литературы, который поможет студентам в изучении предмета и самостоятельно подготовиться к практическим занятиям. На русском языке существует не очень большое, но вполне достаточное количество книг посвященной государственному (конституционному) праву и социально-политической системе стран Северной Европы. Можно выделить работы М. Могуновой [5], М. Исаева [6; 7; 8], Д. Бартенева [2], Е. Болдыревой [1; 3] и др. Также полезными могут оказаться работы, посвященные опыту преподавания курсов для специальностей «регионоведение» и «международные отношения» Н. Гришиной [4], Д. Ланко [9] и др.

На первом же занятии целесообразно сразу обратить внимание студентов на такую специфику курса, как постоянно устаревающая и обновляющаяся информация. При самоподготовке и написании письменных работ студентам необходимо быть в курсе происходящих в изучаемых странах изменений. Если речь идет о парламентских выборах, то речь должна идти о последних состоявшихся выборах, количестве мест, полученных на них партиями. Необходимо уделить внимание тому, какие партии оказались правительственными и как распределили министерские посты между собой и, наоборот, какие партии оказались в оппозиции.

Среди пяти изучаемых стран две являются республиками (Финляндия и Исландия) и три конституционными (парламентскими) монархиями (Дания, Норвегия и Швеция). Поэтому, говоря о президентских выборах в первых двух странах, надо иметь в виду последние выборы, иметь представление об участвовавших в них кандидатах и их партийной принадлежности.

Также студентам следует обращать внимание на то, чтобы информация об административно-территориальном делении стран была актуальной, особенно в свете проведенных относительно недавно и поэтому не отображенных в большинстве учебных пособий изменений в Дании, Финляндии и Швеции.

Преподавателю нужно познакомить студентов с информационными ресурсами, где они всегда смогут получить оперативную информацию по изменениям в политической системе изучаемых стран. Так же можно предложить сверяться с текстом конституций. Во всех из них, например, срок полномочий парламентов составляет 4 года и всегда можно рассчитать год последних и следующих выборов.

Поскольку в Институте международных образовательных программ (ИМОП) студенты-регионоведы, специализирующиеся на североевропейском регионе, изучают только финский и шведский языки, то порядок изучения политических систем стран указанного региона выстроен с учетом данной специфики. Сначала рассматривается республика – Финляндия, затем монархии – Швеция, Норвегия и Дания, и, в заключение, еще одна республика – Исландия.

Рассмотрим в указанном порядке основные особенности политических систем данных стран.

Финляндия может быть классифицирована как парламентская республика, но с известными оговорками. Классические признаки парламентской республики включают в себя: формирование правительства партией (коалицией), победившей на парламентских выборах, «глава государства не обладает большим влиянием на правительство» [1, с. 117], как правило, президент избирается парламентом, «де-юре правительство ответственно перед парламентом, де-факто парламент может быть распущен правительством; таким образом, парламент находится под жестким контролем правительства» [1, с. 117]. Но в Финляндии президент избирается всенародно, начиная с 1994 г. (до 1994 г. использовались

разные способы, с участием коллегии выборщиков) [3], имеет достаточно широкие полномочия в т. ч. в сфере внешней политики.

Данное обстоятельство отсылает нас к периоду до 2000 г., когда Финляндия являлась классическим образцом полупрезидентской республики, не имела единого конституционного закона (он состоял из Акта о форме правления, (1919 г.), Акта об Эдускунте, (1928 г.); Акта о праве Эдускунты контролировать законность деятельности Государственного совета, Канцлера юстиции и юридического уполномоченного Эдускунты при исполнении ими служебных обязанностей (1922) и Акта о Государственном суде (1922). С 1 марта 2000 г. В стране действует единый конституционный документ – Основной закон (Suomen perustuslaki), значительно изменивший и политическую систему страны. Поэтому студентам не следует использовать учебные пособия, написанные до 2000 г, т. к. информация в них устарела из-за произошедших в связи с принятием новой конституции изменений.

Таким образом, на настоящий момент, главой государства в Финляндии является президент, избираемый путем прямых, всеобщих выборов на 6-летний срок. К числу основных полномочий президента относятся следующие: вопросы внешней политики и безопасности, но в сотрудничестве с правительством. Кроме того эти полномочия были значительно урезаны в 2011 г. из-за требований Евросоюза, ликвидировать «правило двух тарелок», характерное для полупрезидентской республики, когда и президент, и премьер имеют право представлять страну на саммитах ЕС и других международных мероприятиях. С 2011 г. страну на этих мероприятиях может представлять только премьер-министр. Кроме того, в 2011 г. были сокращены полномочия президента в вопросе назначения высших должностных лиц, он назначает только офицеров, а также судей. Президент является Верховным главнокомандующим оборонительных сил Финляндии, а также имеет право помилования осужденных. По запросу премьер-министра президент может распустить парламент;

глава государства может наложить вето на законопроект, но, вето может быть преодолено парламентом, который должен одобрить данный законопроект ещё раз, после чего он становится законом без подписи президента. Т. е. президентские полномочия в Финляндии являются ограниченными, но все-таки более широкими, нежели полномочия президента в классической парламентской республике.

Кроме уже упомянутых полномочий премьер-министра во внешнеполитической сфере он так же обладает следующими полномочиями: руководство деятельностью Государственного совета, он следит за подготовкой и обсуждением дел, рассматриваемых Госсоветом, является председателем правительственных комитетов и др. [3].

К компетенции Государственного совета, который состоит из премьер-министра и министров, относятся дела, которые специально указаны в Основном законе и различные вопросы управления и административной власти и др. [3].

Говоря о Государственном совете (Valtioneuvosto), важно обратить внимание на терминологическую разницу между понятиями «Государственный совет» и «правительство», характерную для всех стран Северной Европы. Первый термин аналогичен российскому «правительство» или «Совет министров» и подразумевает работу в составе премьера и его министров. Термин «правительство» на Севере Европы употребляется в случае совместного заседания кабинета министров с главой государства.

Законодательная ветвь власти в Финляндии представлена однопалатным парламентом – Эдускунта – состоящим из 200 депутатов, избираемых сроком на 4 года путем прямых, пропорциональных выборов. Полномочия Эдускунты типичны для полномочий парламентов в парламентских республиках и подробно зафиксированы в Основном законе страны. К особенностям финского парламента можно отнести особые полномочия депутата от автономной провинции Аландских островов. Также особенностью является наличие Большой

комиссии, прежде выполнявшей некоторые функции верхней палаты, а ныне занимающейся рассмотрением дел, связанных с ЕС, и комиссии по вопросам будущего, занимающейся одноименными вопросами.

Правом выдвижения кандидатов на выборы в Эдускунту обладают зарегистрированные партии, среди которых можно назвать Национальную коалиционную, Социал-демократическую партии, Финляндские центр, Истинные финны, Шведскую народную партию, Левый союз, Зеленый союз и Христианскую народную партию. Характерной чертой всех стран Северной Европы является наличие достаточно сильной изначальной аграрных партий – Партий центра, изменивших свои названия вследствие сокращения сельского населения в изучаемых странах.

Судебная власть Финляндии представлена независимыми судами во главе с Верховным судом и Верховным административным судом. Судами первой инстанции являются уездные суды, а судами второй инстанции – надворные [3]. Конституционный суд отсутствует.

Финляндия, как и другие североевропейские страны, относится к скандинавской, или северной правовой семье, для которой характерны более значимая роль судебной практики, чем для стран континентальной системы права, но отсутствие системы общего права, характерного для англо-саксонской модели.

По своему административно-территориальному устройству Финляндия является сложным унитарным государством, она делится на 19 провинций, объединяющих 342 муниципалитета. Особыми правами обладает автономная провинция Аландские острова, населенная преимущественно шведоязычным населением. Хотя шведоязычные финны составляют 5–6 процентов населения Финляндии, в стране действуют два государственных языка – финский и шведский [2; 3; 5].

Швеция может быть классифицирована как конституционная (парламентская) монархия. Во всех европейских монархиях «король царствует, но не правит», в Швеции же полномочия монарха урезаны

в наибольшей степени. В частности, к полномочиям короля здесь относятся следующие: он посещает другие страны и принимает представителей разных стран в Швеции, возглавляет Консультативный Совет по внешней политике и открывает своей речью сессии в Риксдаге.

Риксдаг играет ключевую роль в политической системе Швеции. Он состоит из 349 депутатов, избираемых сроком на 4 года. Распределение мест в парламенте происходит по пропорциональной системе (методу Лагу). Во главе Риксдага находится его председатель – тальман. Полномочия и структура шведского парламента, в общем и целом являются стандартными для европейских однопалатных парламентов. Основные политические партии Швеции делятся на два блока: 1) Альянс за Швецию, в который входят Умеренная коалиционная партия (Модераты), Партия центра, Народная партия – либералы и Христианско-демократическая партия и 2) Красно-зеленая коалиция, в составе Социал-демократической партии, Партии зеленых и Лево́й партии. Кроме того 20 мест после выборов 2010 г. получила националистическая партия Шведские демократы, которая не входит ни в одну из коалиций.

Правительство Швеции после выборов 2010 г оказалось самым многочисленным в Европе – 24 министра. Число министерств и министров не совпадает, руководить одним министерством могут несколько министров, каждый из которых отвечает за свой участок работы.

Швеция является родиной такого института как уполномоченный по правам человека – омбудсман. В стране действуют омбудсманы по защите прав потребителей, по гендерному равенству, по вопросам этнической дискриминации, по прессе, по делам инвалидов, детский омбудсман [3; 6].

Норвегия, так же как и Швеция, является конституционной монархией. Интересной особенностью этой страны является наличие второй из наиболее старых ныне действующих в странах мира

конституций – Эйдсвольской конституции, принятой учредительным собранием в 1814 г.

Главой государства является король, обладающий обычными для европейских монархий полномочиями – представляет страну за рубежом, принимает верительные грамоты иностранных послов, от его имени происходит назначение членов правительства, так же он назначает высших чиновников и военнослужащих; является главой норвежской государственной церкви и верховным главнокомандующим.

Ведущую роль в политической системе Норвегии играет Стортинг, который до 2009 г был уникальным явлением – однопалатным парламентом с чертами двухпалатности – делился на две части Лагтинг и Одельстинг. С указанного года это деление было упразднено, и ныне Стортинг является типичным однопалатным парламентом, состоящим из 169 депутатов, избираемых на 4-летних срок. 150 депутатов избираются по спискам политических партий (основные партии страны – Рабочая партия, Партия прогресса, Хейре, Социалистическая левая партия, Христианская народная партия, Партия Центра и Венстре), и еще 19 мандатов являются уравнивающими. В стране используется пропорциональный метод распределения мандатов (метод Лагу).

С момента принятия конституции в Норвегии действует парламентаризм. Правительство формируется партией (или коалицией партий), победившей на выборах и несет ответственность перед парламентом.

Судебная система Норвегии выглядит следующим образом: возглавляет ее Верховный суд, судами второй инстанции являются шесть судов провинций, а на низовом уровне действуют окружные суды, которых в стране около ста [3; 7].

Еще одной конституционной монархией среди стран Северной Европы является Дания. Конституция страны была принята в 1953 году. Согласно этому документу, а также Акту о престолонаследии,

главой государства является король, в настоящее время – королева Маргрете II. Парламент Дании – Фолькетинг, избираемый на 4 года, состоит из одной палаты, в состав которой входят не более 179 депутатов, в том числе 2 депутата от Фарерских островов и 2 – от Гренландии, из них 40 мандатов представляют собой дополнительные мандаты для крупных округов.

Основными политическими партиями Дании являются: входящие в ныне правящую «красную» коалицию – Социал-демократическая партия, Социалистическая народная партия, Объединенный список – красно-зеленые и Радикальная Венстре, а также представленные в парламенте и составляющие «синюю» коалицию – Христианская народная партия, Венстре, Датская народная партия, Консервативная народная партия и Либеральный альянс.

В стране действует парламентаризм, правительство, в руках которого сосредоточены важнейшие полномочия по осуществлению государственной власти. Правительство, в соответствии с параграфом 14 конституции, назначается и отправляется в отставку Королем. На практике премьер-министром Король назначает лидера партии парламентского большинства в Фолькетинге, причем коалиционные правительства из 2 и более партий в Дании довольно частое явление. Такой состав позволяет правительству опираться на поддержку большинства в парламенте.

Как подтверждение общей тенденции укрупнения единиц местного самоуправления, в Дании была проведена реформа административно-территориального устройства страны. С 1 января 2007 года страна делится на пять областей (регионов) и 98 коммун. Кроме того, Дания является сложным унитарным государством, в ее состав входят две самоуправляющиеся территории – Фарерские острова и Гренландия. Важно напомнить студентам об этом факте и уделить некоторое время рассмотрению социально-политического устройства указанных территорий.

Судебную систему Дании возглавляет Верховный суд, ступенью ниже стоят два апелляционных суда – восточных и западных земель, а низовое звено судебной системы составляют городские суды, образованные в 82 судебных округах. Кроме того, по традиции судом общей юрисдикции считается суд по морским и торговым делам. Так же можно обратить внимание студентов на отсутствие во всех странах изучаемого региона специального Конституционного суда [3; 8].

Завершать изучение курса «Социально-политическая система стран Северной Европы» предпочтительнее всего рассмотрением государственного устройства Исландии, которая является парламентской республикой, но с той же особенностью, которая имеет место быть в Финляндии – всенародные выборы президента. Причем, пребывание президента на посту не ограничено определенным количеством сроков, а если выдвигается только один кандидат, то выборы не проводятся и кандидат становится президентом. Так, нынешний президент – Олафур Рагнар Гримссон находится на своем посту бессменно с 1996 года.

Достаточно интересен и уникален опыт Исландии по написанию и принятию конституции всенародно, с использованием социальных сетей и т. п. Это абсолютно новое слово в конституционном праве и данный опыт заслуживает внимательного изучения. Текст новой конституции был поддержан на всенародном референдуме и находится на утверждении в парламенте и, вероятно, в скором времени она станет официальной.

По пока еще действующий конституции 1944 года, законодательную ветвь власти олицетворяет собой Альтинг, считающийся старейшим парламентом в мире (дата основания – 930), состоящий из 63 депутатов, избираемых на 4 года в шести избирательных округах. Основные партии, представленные в парламенте: Партия независимости, Прогрессивная партия, Социал-демократический альянс, Лево-зеленое движение, Яркое будущее и

Пиратская партия. Исполнительную ветвь власти представляет правительство во главе с премьер-министром. Полномочия правительства традиционны для парламентских республик. Судебная власть в Исландии состоит из районных судов и Верховный суд, Исландия разделена на регионы и муниципалитеты (8 и 74 соответственно).

Таковы, на взгляд автора, ключевые аспекты, на которые необходимо обращать внимание в процессе преподавания курса «Социально-политическая система стран Северной Европы», без хорошего владения данной информацией студентам будет достаточно сложно изучать дальнейшие курсы из «политического блока» учебной программы, такие как «Государственная служба стран Северной Европы» и «Местное самоуправление стран Северной Европы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апанасенко Т.Е., Болдырева Е.Л., Быков И.А., Гончаров В.Э., Гусев К.А., Данилевская О.В., Кроль Е.Н., Милецкий В.П.** Политология. Учебно-метод. пособие / Отв. редактор В. П. Милецкий. Санкт-Петербург, 2002.
2. **Бартенев Д.Г.** Основы конституционного права Финляндии. СПб, 2004.
3. **Болдырева Е.Л.** Социально-политическая система стран Северной Европы., учеб. пособие / С.-Петерб. гос. политехн. ун-т, Ин-т междунар. образоват. программ. СПб., 2004.
4. **Гришина Н.Ю.** Проектирование когнитивной технологии обучения студентов технических вузов профессиональной иноязычной коммуникации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. –2006. – № 46. – С. 140-142.
5. **Могунова М.А.** Государственное право Финляндии, М., 2005
6. **Исаев М. А.** Основы конституционного строя Швеции. МГИМО – Университет, 2008 г.
7. **Исаев М. А.** Основы конституционного строя Норвегии. М.: Муравей, 2001
8. **Исаев М.А.** Основы конституционного строя Дании. М., 2002
9. **Худoley К.К., Новикова И.Н., Ланко Д.А.** Инновационное образование для балтийского региона: опыт российско-финляндского трансграничного университета // Балтийский регион. –2010. – № 3. – С. 21-28.

УДК 1(091)

Осипов И.Д.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблема ответственности в последнее время становится предметом философского анализа. В эпоху перемен, в которой мы сейчас живём, ощутим дефицит ответственности людей для организации социального порядка, обеспечения его устойчивости. В решении данной проблемы в равной степени важны ответственность общества, а также ответственность индивида. «Как моральная необходимость найти равновесие между индивидуализмом и коммунитаризмом, так и политическая необходимость найти такое равновесие в интересах доминирующих институтов в конкретном государственном устройстве должны оцениваться в свете долговременного исторического развития, такие моральные и политические вопросы возникают. Привнесение долгосрочной временной перспективы в философскую и политическую аргументацию существенным образом изменяет её характер» [1, с. 301]. Историко-философский подход в исследовании категории ответственности позволяет выявить нескольких основных парадигм.

В эпоху античности понятие ответственности тесно связано с коллективными морально-политическими нормами и обязанностями человека. Он полностью зависел от «судьбы» – фатума и одновременно был повинен за все последствия своих действий, которые не мог предвидеть. Глубокое и всестороннее освещение проблема ответственности получила в этике Аристотеля, где он исследует объективные и субъективные предпосылки ответственности,

обусловленные стремлением людей к общему благу и добродетели. «Действительно, добродетель, так же как и порочность, зависит от нас. И в чем мы властны совершать поступки, в том – и не совершать поступков, и в чём [от нас зависит] «нет», в том – и «да». Следовательно, если от нас зависит совершать поступок, когда он прекрасен, то от нас же – не совершать его, когда он постыден; и если не совершать поступок, когда он прекрасен зависит от нас, то от нас же – когда он постыден» [2, с. 105]. Источник действия человека находится в нём самом. При этом не только пороки души, согласно Аристотелю зависят от человека, но в некоторых случаях даже телесные недостатки зависят от него, поскольку он их может исправить. «Выбор имеет место там, где совершается действие, и совершается так, что от нас зависит делать дело или не делать, делать его одним способом или другим и, где бывает возможно, установить причину действия» [2, с. 314]. Аристотель показывает, что в процессе выбора нет установленного правила: «Когда мы стремимся к добродетели, то мы впадаем в ошибки, уступая своим врожденным склонностям, причем ошибка может быть как в сторону недостатка, так и в сторону избытка... Ради удовольствия мы делаем недостойные вещи, а избегая страдания, уклоняемся от хорошего» [2, с. 315]. Соответственно для предотвращения ошибок при выборе нужен разум, разумность – это некое состояние выбора и исполнения действий, исполнять или не исполнять которые зависят от нас, – действий, которые направлены на пользу. Логос может сделать человека благоразумным, воздержанным, правоспособным. Но существует и «совестливость – это умеющая судить совесть доброго человека». Согласно Аристотелю разум и совесть в душе у человека, позволяют ему совершать «правосудные» поступки и нести ответственность за них, то есть быть благоразумным; благоразумный человек стремится к справедливости – мере в различных своих стремлениях и желаниях. И человек поступает несправедливо или правосудно только тогда, когда совершает поступки по своей воле.

Если же имеется насилие, то он не может нести ответственности за свои действия. Философ исходит, прежде всего, из моральной ответственности человека перед обществом и государством; его совесть, «правосудность» и добродетель имеют нравственный характер и могут быть воспитаны с помощью разумных и справедливых законов. «Может быть, тому, кто желает делать людей – многих или немногих – лучшими, уделяя внимание их воспитанию, надо постараться научиться создавать законы, коль скоро благодаря законам мы можем стать добродетельными» [2, с. 291], – пишет он. Здесь интерес вызывает сочетание слов «постараться» и «научиться», так как они предполагают наличие у воспитателя общества сочетания практической воли и разума. Они вместе и образуют практический разум, отличный от теоретического знания.

В основе концепции ответственности-обязанности Цицерона находится принцип стоицизма. «В каждом начинании, – пишет он, – надо соблюдать три правила: во-первых, подчинять свои стремления разуму, а это более, чем что-либо другое способствует соблюдению человеком своих обязанностей; во-вторых, принимать во внимание, сколь важно то, что мы хотим совершить, – дабы не брать на себя забот и трудов ни больших, ни меньших, чем требует дело; в-третьих, соблюдать меру во всём том, что относится к внешнему впечатлению благородства и к достоинству... Из этих трёх правил, во всяком случае, самое важное – подчинять стремления разуму» [3, с. 177–178]. Человек должен стремиться к самовоспитанию в соответствии с четырьмя основными добродетелями: мудростью, справедливостью, мужеством и умеренностью, то есть «умению ставить всё, что делается или говорится, на соответствующее место». В этой связи Цицерон защищал идею свободной воли, а высшими благами считал дружбу и славу, в основе которых лежит добродетель, выступающая условием счастья и дающая возможность победить старость, боль и смерть.

Для Цицерона главным является выполнение человеком своих общественных обязанностей, как соответствующих природе человека.

«Но если взглянуть на всё с точки зрения разума и души, то из всех общественных связей для каждого из нас наиболее важны, наиболее дороги наши связи с государством. Дороги нам родители, дороги дети, родственники, близкие, друзья, но отечество одно охватило все привязанности всех людей», – отмечает он [3, с. 135–136]. При этом разум помогает совместить противоположные стремления человека – к общительности, заставляющей его служить людям, и к первенству, заставляющему людей служить ему. Разум также требует, чтобы люди ничего не делали ни коварно, ни путем обмана; в соответствии с требованиями природы никто не должен извлекать выгоду из неосведомленности ближнего. Цицерон также полагал, что в рамках взятых на себя обязательств, могут быть ситуации, которые позволяют их не соблюдать: «Итак, нельзя исполнять обещания, пагубные для тех, кому ты что-то обещал, а если они для тебя более пагубны, чем полезны тому, кому ты их дал, то предпочесть лучший исход худшему не противоречит долгу» [3, с. 122–123]. Так, нельзя исполнять обещания, который человек дал вынужденный страхом или обманутый, а также, если существует «тонкое, но злостное толкование права» – когда оно становится не правом, то есть несправедливостью. Для Цицерона и право собственности является правом природы, поскольку оно необходимо для сохранения человеческого общежития. Он утверждает, что нарушение прав собственности похоже на ситуацию, когда один орган человеческого тела начинает жить за счет других органов, приводя к гибели всего организма. Данное нарушение приводит к разрыву связей между людьми – «узы между гражданами неприкосновенны».

Таким образом, ответственность в античной философии может быть определена как социально-политическая ответственность разумного гражданина. Субъективный же контекст ответственности отступает на второй план, и во многом опосредуется естественным разумом, моралью и правом. Это можно охарактеризовать как коллективный «моральный интеллектуализм».

Принципиально новая парадигма ответственности связана с христианством. «С возникновением христианства акцент полностью перемещается с заботы о мире и связанных с этим обязанностей на заботу о душе и её спасении. В первые века полнота этих двух подходов носила абсолютный характер: новозаветные послания полны призывов избегать публичности и политики, заниматься своим, сугубо частным делом, заботиться о собственной душе» [4, с. 211]. Этика христианства исходила из принципа прощения своих врагов, что радикально отличалось от моральных норм, основанных на талионе-возмездии за причиненный ущерб. Нравственная задача человека заключалась в «брани духовной» с плотскими страстями-грехами. Грех же означал всякое, как сознательное, так и бессознательное отступление словом, делом и даже помыслом от заповедей Божиих.

В философии А. Августина берет своё начало духовно-экзистенциальное христианское понимание воспитания ответственной личности. «Можно даже утверждать, что именно с него берет своё начало философская рефлексия воли, переворачивающая греческую антропологию, преодолевающая моральный интеллектуализм, его предпосылки и выводы» [5, с. 450]. Моральное зло для Августина – это грех, который зависит от порочной воли, а воля по своей природе тяготеет к высшему благу, но поскольку существуют много конечных благ, то душа может сделать ошибочный выбор между благами и тем самым придти к злу. «Пусть же не говорят они, видя, как спорят две воли в одном человеке, что в нём борются две враждующие души, происходящие от двух враждующих субстанций и от двух враждующих начал: одна добрая, другая злая» [6, с. 109]. Источник порочной воли – недостаток веры в человеке, поэтому ему для преодоления порочности нужна духовность. «Духовный человек судит, одобряя то, что правильно, и не одобряя того, что найдет худым в поступках и нравах верных, в их милостыне (это земля плодоносная); он судит о душе живой, прирученной целомудрием,

постами, благочестивыми размышлениями о том, что она может воспринять телесными чувствами» [6, с. 214].

С Августином связана также и концепция ответственности, в которой он отходит от идеи свободной воли и признает право Церкви пользоваться принудительной властью государства для борьбы с еретиками, создает концепцию предопределения. В ней утверждается: бог знал, что только немногие воспользуются дарами благодати и предопределил их к блаженству. Большинство же верующих остается преданным гибели; человеку остается лишь покориться своей судьбе и в любви к богу черпать веру в него и питать надежду на спасение.

Фома Аквинский в рассмотрении проблемы ответственности интересен своей концепцией происхождения зла. По его мнению, бог есть распорядитель всего сущего, поэтому он позволяет отдельным недостаткам присутствовать в некоторых частных вещах, чтобы не потерпело ущерба совершенство всеобщего блага. В «Сумме теологии» говорится о том, что: «И вот, подобно тому, как совершенство Вселенной требует, чтобы были не только вечные, но и бранные сущности, точно также совершенство Вселенной требует, чтобы были некоторые вещи, которые могут отступить от своей благости; потому они и в самом деле время от времени делают это. В этом и состоит сущность зла, т.е. в том, чтобы вещь отступила от блага. Отсюда явствует, что в вещах обнаруживается зло, как порча, ибо и порча есть некоторое зло» [5, с. 572]. Он исследует проблему соотношения разума и воли в человеке и в отличие от Августина обращает внимание на первенствующую роль «активного» интеллекта и вторичность воли. «Начало интеллектуальной деятельности, которое мы именуем человеческой душой, есть некоторое бестелесное и самосущее начало. Ведь очевидно, что посредством интеллекта человек способен познавать природу всех тел» [5, с. 575], – пишет он.

Фома Аквинский раскрывал и правовые аспекты ответственности: право – это «действие справедливости в божественном порядке человеческого общежития». Им различаются

четыре вида закона: законы вечный и природный, а также закон человеческий и божественный закон, данный людям в Откровении. Человеческий закон не в состоянии наказать и запретить все злодейские деяния, и если бы кто-то захотел искоренить их разом, то и многих бы благ не было, а общее благо было бы скомпрометировано. Поэтому, чтобы ни один грех не остался безнаказанным, нужно вмешательство Божественного закона. Фома полагал, что отклонение государственного закона от естественного права придает ему насильственный характер и такой закон не обязателен для исполнения. Таким образом, ответственность в эпоху Средневековья во многом связано со свободной воли верующего человека. Данное представление предельно субъективизирует ответственность и переносит её во «внутреннего человека» (Тертуллиан), позволяет выработать механизм самоцензуры на основе чувства страха Божьего и совести. Но и Церковь также контролирует на основе канонического права поведение прихожанина.

В рационалистической философии Нового Времени рождается новая парадигма ответственности, которая может быть названа гражданско-правовой ответственностью личности. В это время совпали два социокультурных процесса – рождения эмансипированной, разумной и ответственной в правовом отношении личности и противоречивый процесс становления правового государства. На первый план выходит значение верующего разума, который и создает свой концепт ответственности – философию общественного договора Т. Гоббса, Д. Локка, Г. Гроция и С. Пуфендорфа и состоит из ключевых аксиом:

- естественной свободы человека. Гоббс полагал, что существует вечное, естественное право, которое есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого.

- естественного равенства людей. Согласно Гоббсу: «Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако, если рассмотреть все вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы человек, основываясь на ней, мог претендовать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом» [7, с. 93].

- естественной склонности человека к соперничеству, жажде славы, гордыне, что и приводит к тому, что никто не гарантирован в своём благосостоянии, существует «война всех против всех и нет ничего несправедливого». И только страх людей перед смертью склоняет их к миру и созданию государства, а также желание хорошей жизни и надежда приобрести вещи трудолюбием.

По Гоббсу разум подсказывает людям необходимые для этого условия. В двадцати естественных законах рассматриваются различные соглашения-договора, а также исследуются условия, которые могут их закрепить или сделать недействительными. В этой связи называются моральные нормы, способствующие соблюдению договоров: справедливость, беспристрастие, способность не мстить и прощать своих врагов. В девятом естественном законе формулируется правило: «каждый человек должен признать других равными себе от природы. Нарушение этого правила есть гордость» [7, с. 119]. При этом, согласно Гоббсу, люди могут и не знать естественных законов, хотя их и легко соблюдать. В этом случае достаточно знания человеком религиозно-этической нормы: «не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано в отношении тебя». Гоббс также указывает на такое важное морально-психологическое условие соблюдения договоров, как боязнь нарушения человеком своего слова.

Однако, по его мнению, это условие недостаточно без авторитета и силы государства, ибо человек всегда склонен к эгоизму, а тем самым и к нарушению взятых на себя обязательств. Государство

(Левиафан) возникает для предотвращения нарушений взятых людьми на себя обязательств. «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [7, с. 133]. Люди по договоренности друг с другом передают доверенному лицу (суверену) часть своей власти и свободы в обмен на обеспечение их безопасности, свободы и собственности. Для этого у суверена много привилегий; в их числе судебная власть.

Отказаться людям от заключенного общественного договора, по Гоббсу, нельзя. И даже, если кто-либо утверждает, что суверен не выполнил изначальные условия, то это ничего не меняет, ибо нет судьи для разрешения спора подданных с сувереном. Поэтому народу приходится терпеть тираническую власть и «взывать к небесам». Однако, согласно Гоббсу там, где суверен не предписал никаких правил, то в этом случае действует принцип: то, что не запрещено законом, то разрешено. И подданный может судиться с сувереном перед судьями, назначенными самим сувереном, в случае, если верховная власть нарушает принятый ею закон. «Так как мы видим, что суверен предъявляет свои требования на основании ранее изданного закона, а не на основании своей власти, то он этим объявляет, что он требует не больше того, что окажется обязательным по закону» [7, с. 171]. Таким образом, для Гоббса ответственность существует в рамках гражданско-правовых отношений. Власть государства необходима для юридического понуждения разумного и ответственного человека к выполнению им взятых на себя обязательств. И то, что верховная власть не несёт ответственности за нарушения общественного договора, отражает противоречивость концепции Гоббса, в которой сочетаются демократические положения, то есть контрактные отношения между властью и подвластными с одной стороны и принцип неограниченной власти – с

другой. Логической и практической формой преодоления данного противоречия необходимо было обоснование права народа на революцию и народовластия. Эти выводы самим Гоббсом не были сделаны, но их сделал Д. Локк.

Он, как и Гоббс исходит из концепции общественного договора и естественного состояния свободы и равенства. В этом состоянии: «Каждый из нас, поскольку он *обязан сохранять себя* и не оставлять самовольно свой пост, обязан по той же причине, когда его жизни не угрожает опасность, насколько может, *сохранять остальную часть человечества...*» [8, с. 265]. Локк также подчеркивает, что в естественном состоянии люди «имеют право наказать и быть исполнителями закона природы». И потерпевший несправедливость может требовать компенсации своих убытков по естественному закону человека на самосохранение; в гражданском обществе он вправе приобретать законными способами столько, сколько ему нужно.

Локк, следуя Гоббсу, признает наличие социальных конфликтов в естественном состоянии. Для их предотвращения создается на основе общественного договора государство, которое принимает разумные законы, причем «...целью закона является не уничтожение и не ограничение, а *сохранение и расширение свободы*» [8, с. 293]. Он отмечает, что свобода человека – свобода распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется. Власть правительства осуществляется на основе опубликованных законов, чтобы народ знал свои обязанности и находился в пределах закона, а правители также держались границ, установленных естественным правом для заботы о благе и собственности граждан.

Однако Локк не соглашался с Гоббсом по поводу возможности пересмотра общественного договора. Он полагал, что отказ человека от своей власти и свободы для заключения общественного договора не был окончательным. Естественная свобода лежит в основе прав личности на жизнь, собственность, и поэтому они значимее прав

суверена-государства. Он писал: «Хотя люди, когда они вступают в общество, отказываются от равенства, свободы и исполнительной власти, которыми они обладали в естественном состоянии, и передают их в руки общества, с тем, чтобы в дальнейшем этим располагала законодательная власть в той мере, в какой этого будет требовать благо общества, все же это делается каждым лишь с намерением как можно лучше сохранить себя, свою свободу и собственность...» [8, с. 337]. В этой связи Локк отвергает и аргумент Гоббса об отсутствии посредника между властью и народом для разрешения их конфликта. Для Локка такой посредник не нужен, поскольку источником власти является сам народ, который и является верховной инстанцией для принятия окончательного решения по спорному вопросу. То есть делается последовательный вывод из концепции общественного договора, так как доказывается ответственность суверена за принимаемые им решения и тем самым право народа на революцию. Оригинальным является и обоснование Локком принципа свободы совести. В «Опыте о веротерпимости» он пишет: «...каждый человек имеет полную и неограниченную свободу мнений и вероисповедания, которой он может невозбранно пользоваться без приказа – или вопреки приказу – правителя, не зная за собой вины или греха, но всегда при условии, что делает это чистосердечно и по совести перед богом, сколько дозволяют его знания и убеждения» [8, с. 70]. В последующем данные принципы станут конституционной нормой светского государства.

Учение Канта является кульминационным пунктом развития концепции гражданско-правовой ответственности. Для него в определении меры ответственности важны не склонность и удовольствия, а практический разум, где действует свободная воля. «Способность желания, внутренне определяющее основание которой и, следовательно, само усмотрение находятся в разуме субъекта, называется волей» [9, с. 119]. В соответствии с условиями

безусловного повеления Кант формулирует категорический императив в разных его трактовках:

1. *«...Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»* [10, с. 260].

2. *«...Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать **всеобщим законом природы**»* [10, с. 261].

3. Практический императив: *«...Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»* [10, с. 270].

Для Канта основание всякого практического законодательства объективно лежит в правиле и форме всеобщности, субъективно же – в цели, он делает вывод: практический принцип, который лежит в основе практического поведения, заключен в идее воли каждого разумного существа как воли, устанавливающей всеобщие законы. Чтобы сделать человека ответственным необходимо его воспитать, создавая систему наказания и поощрения, развивать познавательные способности. Канту принадлежит и определение права, как «ограничения свободы каждого условием согласия её со свободой всех других, насколько это возможно по некоторому общему закону; а публичное право есть совокупность внешних законов, которые делают возможным такое согласие» [9, с. 78]. Согласно Канту гражданско-правовое состояние основано на следующих априорных принципах: свободе каждого члена общества как разумного человека, равенстве его с каждым другим как подданного, самостоятельности каждого члена общности как гражданина. Ни один человек не может другого принудить быть счастливым, каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он не наносит ущерба свободе других стремиться к свободе, совместимой по некоторому общему закону со свободой всех.

Кант называл и политические предпосылки для воспитания ответственности человека как гражданина государства и в этой связи критикует правление, «основанное на принципе благоволения народу как благоволения отца к своим детям, иначе говоря, *правление отеческое (imperium paternale)*, при котором подданные как несовершеннолетние, не в состоянии различать, что для них действительно полезно или вредно, и вынуждены вести себя только пассивно, дабы решение вопроса о том, как они *должны* быть счастливы, ожидать от одного лишь суждения главы государства, а дабы он и пожелал этого – ожидать от одной лишь его доброты, – такое правление есть величайший *деспотизм*, какой только можно представить (такое устройство, при котором уничтожается всякая свобода подданных, не имеющих в таком случае никаких прав)» [10, с. 79]. В этой связи Кант выдвигает идеал отечественного правления и патриотического образа мысли, когда каждый рассматривает общность и страну как «родную почву», которую должен оставить после себя и, которую не может подчинять своему произволу. Морально – это ответственность за будущее.

Философия Канта является теоретической предпосылкой правового государства, сутью которого является утверждение принципа универсальной ответственности человека, основанной на его рациональном и свободном выборе и ответственности за свою жизнь. Сама свобода обязывает человека – это в XX веке вызывает феномен «бегства от свободы» (Э. Фромм) как бегства от ответственности. Крайней формой этого бегства является суицид.

В XX столетии развивается новая парадигма ответственности. Впервые в истории субъектами права и ответственности по закону стали все люди независимо от их гендерных, расовых, национальных, религиозных и классовых различий. Значительно расширился и круг ответственности, включив не только экономическую, моральную и правовую, но и культурную, экологическую ответственности. Ответственность обретает темпоральность, то есть возникает

понимание того, ответственность существует за прошлое и за будущее. В 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всеобщая Декларация прав человека, и в неё вошли, в частности его социальные права. Вместе с тем уже в ходе обсуждения Декларации были высказаны и критические замечания в её адрес. Так согласно Жану Маритену, ошибкой либерального понимания естественного права, было то, что естественный закон, присущий каждому человеку, воспринимался как писанный закон, который должен быть предложен каждому и стать эталоном любого справедливого закона. Индивида стали преподносить как бога, а все права, признававшиеся за ним, стали трактовать как абсолютные и неограниченные. Маритен полагал, что необходимо вернуться к более глубокому пониманию естественного права: «Такое право должно касаться, например, следующих пунктов: права и свободы человеческой личности, политические права и свободы, социальные права и социальные свободы и соответствующая им ответственность; права и обязанности личностей, являющихся частью семейного общества, а также свободы и обязательства последнего в отношении политического общества; взаимные права и обязанности социальных групп и Государства; управление народа, народом и для народа...» [11, с. 106]. Маритен полагает, что существуют обязательства каждой личности в отношении блага политического общества и обязательства каждой нации в отношении общего блага цивилизованного общества.

Новым в понимании ответственности в настоящее время является обоснование принципа коллективной ответственности. Это во многом связано с Холокостом и его предпосылками. Дитрих Бонхёффер пишет о нравственных предпосылках «массового» фашизма в Германии: «За долгую историю нам, немцам, пришлось познать необходимость и силу послушания. Смысл и величие нашей жизни мы видели в подчинении всех личных желаний и мыслей данному нам заданию. Глаза наши были устремлены вверх не в рабском страхе, но в свободном доверии, видевшем в выполнении задачи своё ремесло, а в

268

ремесле – своё призвание» [12, с. 30]. За свою свободу немец держался для того, чтобы освободиться от своей воли в служении целому, что и привело к самоотверженности во имя зла. Выяснилось, что немцам не хватает гражданского мужества, которое идёт даже против полученного безнравственного приказа. «Гражданского мужество вырастает только из свободной ответственности свободного человека. Только сегодня немцы начинают открывать для себя, что же такое свободная ответственность. Она опирается на того Бога, который требует свободного риска веры в ответственном поступке и обещает прощение и утешение тому, кто из-за этого стал грешником» [12, с. 31]. В этой связи Бонхёффером поднимается и тема моральной ответственности интеллигенции за развитие нравственной и политической культуры общества.

Ханна Арендт, рассматривая проблему коллективной ответственности, пишет: «Есть два необходимых условия коллективной ответственности: я должен считаться ответственным за что-то, чего не совершал, и я должен нести такую ответственность в силу своего членства в группе (коллективе), которое невозможно прекратить добровольным актом с моей стороны, то есть членства, крайне непохожее на деловое партнерство, которое я всегда волен прекратить» [4, с. 207]. Ответственность этого рода всегда носит политический характер, и общность считается ответственной за то, что было сделано от её имени. Опосредованная ответственность за вещи, которых мы не совершали, за последствия того, в чем нет нашей вины, есть наша плата за тот факт, что мы живём не сами по себе, а среди других людей. И главное, что эта ответственность имеет не только безличный, но и личный характер.

В рамках темы коллективной ответственности в настоящее время обсуждается и проблема ответственности человечества за сохранение культуры и природы. Этой проблемой занимался Н.К. Рерих, который развивал гуманистические идеи о возможности достижения гармонии жизни через искусство как меру духовного

совершенствования человека. Формой защиты культурного наследия человечества призваны была стать Лига Культуры. По его мнению, пропаганда и защита культуры является важнейшей задачей человечества, межкультурный диалог становится условием развития и сохранения национальных культур, центры культуры – те же самые музеи и школы становятся и центрами общения, кооперации. «Вот Лига Культуры, прежде всего, и будет бороться против безобразия, рыхлости, гнилости, влезших в жизнь нашу. Для удобства поступательных действий нужен порядок, организация, свободно осознанная духовная дисциплина. Но ведь Культура как таковая в самом существе своём уже содержит утонченность, понимание, созидательность» [13, с.258]. В 1929 г. Рерих завершил разработку проекта международного юридического документа, обеспечивающего правовую защиту культурного наследия во время военных конфликтов; впервые в истории предлагались конкретные юридические меры по защите культурных ценностей. Инициатива Рериха была поддержана, и в 1954 г. была подписана «Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта». В последующем идея Н.К. Рериха о защите культуры стала предпосылкой создания ряда международных правовых документов.

Понятие коллективной ответственности присутствует и в концепции Г. Йонаса. Исследуя структуру ответственности, он выделяет онтологическую, научно-техническую, этическую и политическую её составляющие. По его мнению, онтология современности тесно связана с фактором времени, исторической ответственностью. С развитием науки, технологии теряется ранее существующий симбиоз общества и природы, и человек впервые в истории приобретает способностью решающим образом влиять на окружающую среду: человеческие умения во всё больше степени делаются общей судьбой. «Итак, то, что соединяет волю и долженствование вообще, а именно *сила*, является также и тем, что помещает ответственность в центр нравственности» [13, с. 225]. Эта

ситуация приводит к различным рискам и кризисам в обществе, неопределённости и непредсказуемости будущего человечества. Но новая ситуация ставит саму ответственность как конкретную нравственную и социально-политическую задачу в организации жизни человека и общества, возникает этическая ситуация выбора между разными программами развития экономики, науки и технологии, организации государства и демократии. Эта задача при её осознании может быть решена совокупными усилиями людей и правительств. Процессы глобализации высветили смысл и значение коллективной ответственности рода человеческого. Ответственность относится не только к современности, но и к будущему, это есть ответственность за будущее «Момент, который имеет здесь значение, состоит в том, что сама природа человеческой деятельности изменилась настолько, что с нею в сферу политического деяния, а тем самым политической нравственности вошла *ответственность* в неприменимом прежде смысле, с совершенно новым содержанием и прежде неведомой глубиной захвата в будущее» [14, с. 214]. Ответственность поучает нравственное основание: «Перед лицом характерной для нынешнего всемирно-исторического момента тотальной опасности мы оказываемся отброшенными от неизменно открытого *вопроса* о том, кем должен быть человек, к той первой, неизменно лежащей в его основе, однако до сих пор никогда не становящейся актуальной *заповеди*, что он *должен быть*, и, разумеется, быть как человек» [14, с. 238].

Что же должно привести к формированию коллективной ответственности? По мнению Йонаса, таким условием должна стать не новая социальная утопия, а во многом понимание грозящей всему человечеству опасности, поскольку ответственность затрагивает право будущих поколений на существование. Человечеству необходимо изменить систему ценностей, чтобы отказаться от затратной экономики и потребительского общества. Необходима и политическая система, которая может ответственно взять под свой контроль стихийные процессы общественного развития.

Развивая данные идеи, Ю. Хабермас пишет о том, что правовая институционализация процесса демократического правоположения требует одновременной гарантии основных прав – как либеральных, так и демократических. «Статус граждан государства, можно сказать, вмонтирован в цивилизованное общество, черпающее свои силы из стихийных, если угодно «дополитических источников» [15, с. 52]. По его мнению, в современных спорах о реформе государства общего блага речь идет о возможности культурных образов жизни, мировоззрений и религиозных убеждений граждан ФРГ и европейцев. «Конституционный патриотизм» означает, что граждане усваивают конституционные принципы не только в силу их абстрактности, но конкретно в контексте собственной национальной истории. Хабермас подчеркивает, что морального согласия недостаточно для действительной интеграции граждан политически сложившегося всемирного общества. У граждан солидарность опосредована правовым путем и возможна только тогда, когда принципы справедливости тесно переплетаются с культурными и ценностными ориентирами.

В заключение следует отметить, что парадигма ответственности в европейской философии менялась и наполнялась новым содержанием в зависимости от трансформации социально-экономических и культурных условий, диалектики субъективного и объективного в развитии общества и личности. В европейской философии отражен и несомненный прогресс в понимании ответственности, выявлено, что ответственность и права человека находятся в единстве с коллективными правами и ответственностью социума. Современная философия ответственности признает человеческую личность в её подлинном значении, апеллирует к духовному пониманию сущности человека, выдвигая при этом требования к человеку, обществу и государству по обеспечению устойчивого развития справедливого общества и сохранению рода человеческого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Берман Г.Д.** Вера и закон: примирение права и религии. Пер. с англ. М. «Ad Marginem», 1993. 431 с.
2. **Аристотель.** Соч. в 4-х томах. Пер. с древнегреч. Т. 4. М., «Мысль». 1983. 830 с.
3. **Цицерон М.Т.** Об обязанностях. Пер. с лат. М., Изд-во «АСТ». 2003. 300 с.
4. **Арендт Х.** Ответственность и суждение. Пер. с англ. М., Изд-во Института Гайдара. 2013. 352 с.
5. **Мальцева С.А., Антисери Д., и Реале Дж.** Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Пер. с итал. 1-2 т. СПб., «ПНЕВМА». 2008. 704 с.
6. **Августин Аврелий.** Исповедь. **Петр Абеляр.** История моих бедствий. Пер. с латин. М., Республика. 1992. 335 с.
7. **Гоббс Томас.** Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2 т. Т. 2. Пер. с лат. М., «Мысль», 1991. 731 с.
8. **Локк Л.** Два трактата о правлении. Соч. в 3 т. Т. 3. Пер. с лат. М., «Мысль», 1988. 688 с.
9. **Кант И.** Соч. в шести томах. Т. 4. Ч.1. Пер. с нем. М., «Мысль», 1965. 478 с.
10. **Кант И.** Соч. в шести томах. Т. 4. Ч. 2. Пер. с нем. М., «Мысль», 1965. 544 с.
11. **Маритен Ж.** Человек и государство. Пер. с англ. М., Идея Пресс. 2000. 196 с.
12. **Бонхёффер Д.** Сопrotивление и покорность. Пер. с нем. М., Издательская группа «Прогресс». 1994. 344 с.
13. **Рерих Н.К.** Избранное. М., «Советская Россия». 1979. 384 с.
14. **Йонас Г.** Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. Наука как персональный опыт. Пер. с нем. М., Айрис Пресс. 2004. 480 с.
15. **Хабермас Ю., Ратцингер Й.** Диалектика секуляризации. О разуме и религии. Пер. с нем. М., Библийско-богословский Институт Св. Апостола Андрея. 2006. 112 с.

УДК 327.3

Н.В. Полякова

МАРК БЛОК: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Первая мировая война (1914–1918) стала важнейшим историческим событием не только XX века, но и в целом мировой истории. Она подвела определенную черту под модернистским этапом развития европейской цивилизации и обозначила необходимость пересмотра основных параметров и перспектив ее эволюции: «Человечество никогда ещё не было в таком положении. Не достигнув значительно более высокого уровня добродетели и не пользуясь значительно более мудрым руководством, люди впервые получили в руки такие орудия, при помощи которых они без промаха могут уничтожить всё человечество. Таково достижение всей их славной истории, всех славных трудов предшествовавших поколений» [1, с. 12].

Многие писатели, философы и ученые, рефлексируя над трагическими событиями этого периода, приходили к одному и тому же неутешительному выводу о крушении в сражениях первой мировой классической европейской системы ценностей, об изменении статуса человеческой личности и человеческой культуры, о возникновении новой модели социально-экономического и политического порядка. Недаром, например, немецкий философ и историк Освальд Шпенглер, ставший провозвестником грядущего глобального кризиса, глобальной кризисной эпохи, создает свое эпохальное произведение «Закат Европы» (1918–1922) именно по следам событий Первой мировой войны.

По своим материально-техническим, социально-политическим и духовным последствиям Первая мировая война, воспринимаемая современниками как подлинная цивилизационная катастрофа, определила историческое лицо и обозначила основные проблемы наступившего XX века. «Современный мир, – писал в конце 1915 г. русский философ Л.М. Лопатин, – переживает огромную историческую катастрофу, настолько ужасную, настолько кровавую, настолько чреватую самыми неожиданными перспективами, что перед ней немеет мысль и кружится голова... В свирепствующей теперь небывалой исторической буре не только реками льется кровь, не только крушатся государства... не только гибнут и восстают народы, – происходит и нечто другое... Крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания... А главное, непоправимо и глубоко колеблется самая наша вера в современную культуру: из-за ее устоев вдруг выглянуло на нас такое страшное звериное лицо, что мы невольно отвернулись от него с недоумением. И поднимается неотступный вопрос: да что же такое, в самом деле, эта культура? Какая ее материальная, даже просто жизненная ценность?» [2, с. 2–3]. Другой русский философ Н. Бердяев сравнивал Первую мировую войну с девятым валом, который похоронил под собою все прежние новоевропейские культурные иллюзии и социальные утопии. «Выясняется не теорией, а самой жизнью, что социальный гуманизм имел слишком ограниченный и слишком поверхностный базис. Не было принято во внимание, что существуют глубокие недра земли и необъятная мировая ширь и звездные миры. Много темно иррационального, всегда приносящего неожиданность, лежит в этих недрах и в бесконечной шире... Слишком многое не принимается во внимание в социальных утопиях, всегда основанных на упрощении и искусственной изоляции», – писал Бердяев, отмечая в событиях Первой мировой войны небывалый ранее в русле, казалось бы, давно уже рационализированной европейской истории всплеск иррациональной стихии [3, с. 145].

Итогом этих событий стало изменение ценностных критериев и нравственная переориентация сознания, а также чувство социального пессимизма и отчаяния, которое стало определяющим в межвоенный период в западноевропейской культуре. Все это привело к возрастанию интереса со стороны европейских интеллектуалов к проблемам человеческой личности: личность начинает восприниматься уже не столько сквозь призму рациональных характеристик, сколько посредством ее внутренних экзистенциальных ощущений, нравственных переживаний, аффектов, т. е. всего того, что не укладывается в прокрустово ложе сложившейся рационалистической традиции. Недаром, одним из центральных направлений развития западноевропейской философской мысли с 20-х гг. XX в. становится экзистенциализм, рельефно отразивший умонастроения отчаявшегося человека XX столетия, утратившего веру в научный разум, во всемогущество науки и техники, в прогрессивную логику истории. Экзистенциализм, получивший своеобразный ярлык «философии кризиса», сосредоточил свое внимание на духовной активности и внутренней выдержке человека в условиях враждебного ему мира в рамках пограничных ситуаций: для того, чтобы выстоять в кризисных условиях, не капитулировать перед историческими обстоятельствами, индивид должен, в первую очередь, разобраться в себе, оценить свои возможности и перспективы.

Именно в этом же контексте в рамках новой исторической науки, которая оформилась в послевоенный период, в конце 20-х гг. XX в., вокруг журнала «Анналы», закладываются и новые подходы к пониманию и прочтению истории и места в ней человека, а также роли интеллектуалов в осмыслении недавно свершившихся событий и событий современности. С самого начала это направление, у истоков которого стояли французские историки М. Блок и Л. Февр, призвало к ревизии классической историографии, опиравшейся на главенствующее положение событийной (политической,

дипломатической, военной) истории, изложенной, в первую очередь, в письменных источниках. Его отцы-основатели призвали заменить описательность и фактологическую событийность прежней классической историографии историей проблематизирующей, построенной на междисциплинарном обсуждении и синтезе, а также поставили своей задачей вернуть историю к ее антропологическим истокам. В их понимании история – это не только цепь выдающихся событий с их главными героями (политиками, великими полководцами, общественными и религиозными деятелями), а целый комплекс больших и маленьких событий, в которых наряду с героями участвуют обычные люди с их повседневными мыслями, чувствами и переживаниями: «Историческая антропология не имеет какой-то специфической только для нее области исследования. Сюжеты ею рассматриваемые, могут составлять предмет изучения и других отраслей исторической науки. Но историка-антрополога интересует, прежде всего, “человеческий резонанс” исторической эволюции, модели поведения, которые она порождает или изменяет» [4, с. 32].

Антропологическое измерение истории позволило представителям школы «Анналов» создать совершенно новый контекст понимания сути и специфической взаимосвязи двух мировых войн, ставших знаковыми событиями ушедшего XX столетия. Характерно, что линия преемственности как методология аналитики двух мировых войн была в целом достаточно распространена в европейском сознании. Так известный британский политик У. Черчилль в авторском предисловии к своему труду «Вторая мировая война» писал: «Я рассматриваю тома настоящего труда «Вторая мировая война» как продолжение истории Первой мировой войны, изложенной мною в книгах «Мировой кризис», «Восточный фронт» и «Последствия». Если данный труд будет завершен, вместе они составят летопись новой Тридцатилетней войны» [5, с. 14].

Фигура М. Блока – одного из отцов-основателей школы исторической антропологии и журнала «Анналы» – в современных

условиях приобрела важное символическое значение: его профессиональная и личная судьба становится отправной точкой для обсуждения специфики ремесла историка и морального выбора интеллектуалов в различных социально-политических контекстах. Он был призван на фронт Первой мировой войны в августе 1914 г. и начал свою службу в чине пехотного сержанта, а закончил в звании капитана, получив в приказах по армии несколько благодарностей и крест «За боевые заслуги». В 1940 г. этот ученый, профессор Сорбонны, по собственному желанию прибыл на фронт и в звании капитана был зачислен на штабную службу, хотя по возрасту и состоянию здоровья мог избежать участия в военной компании. После капитуляции Франции он постепенно включился в работу местных отрядов движения Сопротивления и стал его активным участником. Уже в самом конце войны М. Блок был арестован и после пыток расстрелян 16 июня 1944 г. Этот «маленький человек в круглых очках» впоследствии становится во Франции символом интеллектуала-борца, интеллектуала-героя, в котором черты ученого и гражданина были представлены в некоем действительно идеальном сочетании.

М. Блок, будучи ветераном двух мировых войн, размышлял о них одновременно и как участник, и как историк. В своих работах «Записки о Первой мировой войне» и «Странное поражение» он создает их широкомасштабный контекст и стремится провести не просто параллели, но выстроить аргументированные линии исторической и антропологической преемственности между этими событиями. Уже в своих ранних «Записках о Первой мировой войне» М. Блок, по словам исследователя его творчества У. Рольфа, «...воспринимает войну как лабораторию, которая позволяет историку проверять эффективность восприятия и обработки исторической информации» [6, с. 26]. Он видит себя в качестве «свидетеля перед будущим трибуналом», а в самом событийном ряду первой мировой войны обнаруживает «...вызов для исторической науки» [6, с. 35]. Эта же позиция сохраняется и во втором эссе

М. Блока, посвященном «странной войне» 1940 г. «Все-таки в “Странном поражении” Марк Блок со всей ясностью показал себя историком настоящего времени, – он выступает там не только как историк... но и как свидетель, говорящий о своем опыте и бросающий взгляд на свою эпоху», – утверждает современный французский историк Анри Руссо [7, с. 28]. Таким образом, в русле методологии школы исторической антропологии Блок поставил себя в центр происходящих событий, которые рассматривал сквозь призму своего личного опыта и профессионального статуса: такой подход придает истории как минувшей, так и разворачивающейся перед его глазами войны весьма личный характер и форму истории-свидетельства.

«Странное поражение» – это блестящее философское и историко-политологическое эссе, посвященное анализу причин поражения Франции в начале Второй мировой войны, которое одновременно представляет собой и аналитику итогов и последствий Первой мировой войны для развития Европы в целом и Франции в частности. Как верно отметил в своем Предисловии к этой работе профессор Гарвардского университета Стэнли Хоффманн: «Соучредитель «Анналов» прекрасно знал, что для того, чтобы понять настоящее, необходимо “изучить прошлое”» [8, с. 9]. Поэтому, обратившись к критическому анализу событий «странной войны» 1940 г., Марк Блок неизбежно возвращался к событиям войны 1914–1918 гг., но пропускал этот анализ сквозь призму собственного личного опыта, собственных мыслей и переживаний: «Справедливость требует, чтобы воспоминания *простого солдата* (курсив мой – П.Н.) плавно оформились в анализ поступков французской нации» [9, с. 44].

По его мнению, не смотря на, казалось бы, блестящую победу французов и их союзников в Первой мировой войне, победившая Франция оказалась в ситуации настоящей «пирровой победы», которая и создала предпосылки ее будущего «странного поражения» в 1940 г. Поэтому Марк Блок создает широкую ретроспективную картину краха Третьей республики, сползания страны, не сумевшей преодолеть упадок

национального духа, к новой военной катастрофе, показывает процесс поражения в его предварительном развитии и начинает его междисциплинарную аналитику с итогов Первой войны 1914–1918 гг.

Важнейшей причиной поражения 1940 г., корни которой Блок видел именно в событиях Первой мировой, стал «всеобщий застой», выразившийся в интеллектуальной слабости и несостоятельности. Этот «застой» стал результатом «...провозглашения догмата о войне во имя самозащиты, догмата, порожденного к жизни итогами сражений 1914–18 годов, которые были возведены в ранг доктрины, несмотря на разницу политических и технических условий Первой и Второй мировых войн» [8, с. 10]. Он проявился, согласно Блоку, в полной деградации системы военной подготовки и управления, в стратегических просчетах, односторонне нацеленных на оборонительную линию Мажино, а также в отставании в информационном и материально-техническом обеспечении военной области: «...немцы проводили эту войну под знаком «скоростных технологий». А мы, со своей стороны, даже не попытались вернуться к тем способам, какими мы вели прошлую войну» [9, с. 60].

Особое внимание в своей аналитике причин «странного поражения» Франции Марк Блок уделял теме кадрового фактора во французской армии 1940 г., в рамках которой отмечал наличие серьезного внутреннего конфликта или даже «раскола» поколений. Проблема геронтологического перерождения офицерского корпуса представляется историку особенно значимой, поскольку «...во главе французских войск стояли старики, неспособные пересмотреть свое отношение к прошлой победе, то есть неспособные реагировать правильно (как, например, Жоффра) после катастрофы лета 1914 г.» [8, с. 10–11]. Интересно, что фигура генерала Жоффра, командующего французской армией в годы Первой мировой войны, являлась для него в целом достаточно символической, и он неоднократно обращался к его примеру в тексте своего эссе «Странное поражение». «Нам не хватало командира с твердой рукой, вроде Жоффра в 1914 году. Но

все они уже состарились и были избалованы почестями, славой и бумажной работой», – писал Блок, обозначая болевые точки кадрового состава французской армии [9, с. 114]. Особенно рельефно историк подчеркивал тот факт, что над всем почти офицерским корпусом «...довлели воспоминания о войне 1914–18 годов» и что всем «...им казалось, что для того, чтобы выиграть эту войну, им вполне достаточно не повторять ошибок предыдущей и использовать те же приемы, которые оказались успешными» [9, с. 140].

В своей работе «Странное поражение» французский историк обращался также и к анализу состояния самого французского общества и французского политического класса в предвоенный период и в военных условиях. Он утверждал, что весомой причиной катастрофы 1940 г. были тяжкие воспоминания французов о Первой мировой войне, нанесшей стране огромный материальный и культурный ущерб. «В войне 1914–1918 годов было уничтожено много имущества и это оставило горькие воспоминания. ... Люди подумали, что лучше согласиться на все, чем вновь пережить такое обнищание», – писал Блок, отмечая при этом, что никто в то же время не мыслил стратегически, т. е. не отдавал себе отчета в том, что военное поражение – это худшее, что может случиться с экономикой, с обществом, со страной в целом [9, с. 148].

В этой связи возникло несколько проблем, обуславливавших характер взаимодействия французской армии и общества, которые выделяет автор «Странного поражения». Во-первых, структурная специфика и качество французского тыла: если в войне 1914–1918 гг., как вспоминает Блок, тыл был четко структурирован (линия огня – полутыл – тыл), то в войне 1940 г. четкое разграничение между мирными жителями и солдатами исчезло, что размывало классическое понимание тыла в ходе военных действий и создавало новые предпосылки нестабильного взаимодействия армии и общества. Во-вторых, общий упадок национального духа и патриотизма по сравнению с его подъемом в первый период первой

мировой войны: «Мне показалось, – отмечает М. Блок, – что даже у призывников уже не осталось того запала, который объединил нас в войне 1914 года и повел в бой. Освобождение от военной службы представляли нашему народу как благосклонность судьбы, а не унижительный факт» [9, с. 149].

Таким образом, М. Блок создает многогранное, наполненное антропологическими характеристиками полотно событий первой мировой войны, рассмотренной сквозь призму причин и факторов «странного поражения» Франции в 1940 г. В своих работах он действительно свидетельствует и как непосредственный участник этих событий, и как историк, адекватно отвечающий на вызовы современности. В этом контексте европейская, и, в частности, французская культура, вынужденная искать для себя в ушедшем XX в. модели поведения, способные послужить достойным примером для подражания, неизбежно будет продолжать обращаться к многоплановой во всех отношениях личности этого человека – ученого, солдата и гражданина: «...Марк Блок, очевидно, находится на пересечении дорог, человек без родины, погибший как партизан, человек, всецело преданный науке, покинувший армию критики ради критики армий, ... примиривший в себе ученого и гражданина» [10, с.49].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Черчилль У.** Мировой кризис / Пер. с англ.; с предисл. И. Минца. – М.; Л.: Государственное военное издательство, 1932. – 328 с.
2. **Лопатин Л.М.** Современное значение философских идей кн. С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. Кн. 131 (1). М., 1916. С. 1–39.
3. **Бердяев Н.А.** Судьба России. Составление и послесловие: К.П. Ковалев. – М.: Издательство «Советский писатель» при содействии литературно-редакционного агентства «Глагол», 1990. – 348с.
4. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. – 255с.
5. **Черчилль У.** Вторая мировая война (в 3-х книгах). М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. I-II. – 592 с.

6. **Raulff U.** De l'origine á l' actualité. Marc Bloch, l' histoire et le problème du temps present; Bibliothèque historique de la Ville Paris, 11 octobre 1996. Sigmaringen: Thorbecke, 1997.
7. **Rousso H.** La hantise du passe: entretien avec Philippe Petit. Paris: Textuel, 1998.
8. **Хоффман, Ст.** Предисловие // Блок М. Странное поражение / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 2–14.
9. **Блок М.** Странное поражение / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 287с.
10. **Dumoulin O.** Marc Bloch. Paris: Presses de Sciences politiques, 2000. – 332 p.

УДК 141/131

А.В. Цыб, А.А. Семенов

ОСОБЕННОСТИ ЭТИКИ КЕМБРИДЖСКИХ НЕОПЛАТОНИКОВ: НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ Б. УИЧКОТА

В данной работе предпринята попытка проследить зарождение основных моментов этических взглядов типичных для группы философствующих теологов семнадцатого столетия из Кембриджа на примере социально значимых взглядов идейного вдохновителя Кембриджских неоплатоников Бенджамена Уичкота (1609–1683).

Основой этики служило возрождение платоновских представлений, особенно тех, которые касались возникновения знания из автономной духовной активности в человеке, которая помогает ему понимать природу любого объекта, даже несуществующего (Платон. Софист 247 и далее). В отличие от Ф. Бэкона, Т. Гоббса и Б. Паскаля, придерживающихся принципов отделения философии от религии, Кембриджские неоплатоники, как и Н. Мальбранш искали форму синтеза философии и религии. Основной акцент делался на исследование разума. При этом, важным допущением является то, что рациональная способность человека была не затронута Падением и, следовательно, может быть надежным поводом. Приемлемость естественной религии, а не религии откровения – характерная черта деизма, а также признание духа свободы и терпимости, распространённого среди латитудинариев, – во всем этом виделся путь к секулярной, гуманистической этике, путь сознательной оппозиции

пуриτανству. Этот подход к этике, подчеркивающий автономию морали и его прикладная критика этического натурализма были наибольшим вкладом в моральную философию XVII в., благодарить за что следует, по-видимому, одного из ведущих представителей Кембриджского неоплатонизма, внесшего значительный вклад именно в этику и гносеологию Ральфа Кедворта [1]. Спекулятивные исследования последнего, вовлекавшие логику в теорию морали, кроме непосредственного влияния на состояние умов его эпохи, способствовали дальнейшему развитию «этического рационализма» в Англии. Труды платоников Кембриджа были создаваемы, прежде всего, в метафизической терминологической традиции и поэтому не свободны от характерной многозначности вводимых ключевых понятий, как, например, концепты «пластической природы» Р. Кедворта [2] или «пространственного существования множественных (многомерных) субстанций в четвертом измерении» Генри Мора [3]. Цель этих концептов – перекинуть традиционный «платонический мостик» между материей и сознанием и освободить научное объяснение от материалистических импликаций.

Прежде всего, и это можно обозначить как отправной пункт описания этики Кембриджских учёных, следует упомянуть об абсолютном характере их учения, проявляющемся в том, что этика является суммой непреложных истин, независимых от волевого акта законодателя. Законы морали являются неотъемлемыми частями всех вещей. Что касается основателя школы Бенджамена Уичкота [4], то его этика сводится к следующему.

Существует различие между естественными принципами и моральным долгом, но, в то же время, эти последние взаимозависимы. Под естественными причинами понимаются впечатления, изначально налагаемые на природу вещей, что необходимо для выполнения этими вещами своего предназначения. Наиболее универсальным

принципом является самосохранение, выраженное в человеке как желание быть счастливым.

С другой стороны, все средства на пути к этой цели можно рассматривать как моральный долг, необходимость которого проистекает из эффективности, которая обеспечивается на пути к цели. Поскольку этой целью является счастье, то оно и есть основание моральной обязанности. То есть, все находятся в поиске счастья, но не все, по мнению Б. Уичкота, понимают, что истинное счастье в Боге. Но Б. Уичкот также не считал возможным рассматривать счастье лишь в связи с отдельной личностью: счастье должно превосходить пределы личности [5]. Необходимость преодоления личностного как ограничивающего на пути к более совершенному, к лучшему, к счастью, в той или иной форме высказывалась и продолжает высказываться духовными поводырями всех мастей (что весьма важно) в связи с необходимостью преодоления волевого начала в его ограничительном аспекте.

Именно этическое учение о долге тесно связано с гносеологией: чтобы выполнять моральный долг, нужно знать, в чём он заключается. Отсюда делается вывод о развитии познающих способностей. Но Б. Уичкот знает о трудностях распознавания добра и зла и о неуловимой границе между ними. Он полагал, что во многих случаях трудно определить предельные границы добра и зла, поскольку последние неразделимы как день и ночь. Лишь это и служит прекрасным знаком для человека, желающего знать, до какой степени зло и добро являются тем, чем они являются.

Именно подобная неопределенная ситуация делает развитие наших моральных способностей особенно важной задачей. Сложность, однако, в том, что человек наделён способностями различения добра и зла лишь потенциально. Этими способностями, как считал Б. Уичкот, являются разум и совесть, которые развиваются

посредством образования и усвоения привычек и обычаев. Но даже и развитым моральным способностям нельзя доверять, пока они не будут проверены [6]. Здесь налицо некое противоречие между последним утверждением Б. Уичкота и его предшествующим заявлением об изначально доброй природе человека. В то же время, это противоречие кажущееся, так как с точки зрения ясного и однозначно понимаемого методического аспекта, проверка, сама по себе не цель, но средство отражения истинного характера достигнутого. Обычно природа человека рассматривается либо как изначально злая, изначально добрая либо как нейтральная. Б. Уичкот сочетает два последних подхода, рассматривая социальную мораль и концепцию истинной религии, т. е. доктрины Падения. Человеческая природа не может быть изначально злой, т. к. это опровергается историческими и научными свидетельствами. Доктрина изначально зла также приписывает Богу действия и предписания, следовать которым было бы аморально. Последнее справедливо, т. к. несправедливо одного наказывать за грехи другого. Признать подобное, значит, признать, что человеческое зло непреодолимо.

До определённой степени Б. Уичкот разделял мнение об изначальной положительности человеческой природы. Но Б. Уичкот полагал, что наличие в человеческой природе противоречивых черт подчеркивает сложность человеческой природы, ее пластичность. Б. Уичкот призывает не столько развивать свои лучшие качества, сколько улучшать способность различения качеств. Другой важной особенностью моральной теории Б. Уичкота является его особое внимание к намерению или конечному результату морального акта. Б. Уичкот утверждает первостепенность намерения, а средства важны, поскольку гарантируют конечный результат, существующий в сознании изначально. Это намерение и есть стремление к лучшему, к счастью, к благу. Поэтому праведная жизнь является таковой в силу

своей конечной цели, имеющей абсолютный характер. Человек как моральный агент ответственен за своё намерение и связанное с этим последним поведение. Отсюда, намерение и моральные действия взаимно обусловлены и сосуществуют. Знания – сущность блага, т. к. сердце не может достичь блага без знаний. Однако одно лишь знание ещё не является полнотой праведной жизни, хотя и предшествует добродетели. По Б. Уичкоту сознание есть наличие Бога в нашей душе [7]. Человек, неспособный к правильному моральному различению жалок. Мы не можем идти против своей совести без серьёзных последствий. Морально неправильное есть также и морально невозможное, а моральное «нам не следует», есть одновременное «мы не можем», или даже «мы не обладаем данной способностью». Нельзя избежать угрызений совести, если даже совершаешь несправедное в тайне от окружающих, так как всегда есть Бог и совесть, от которых ничего не ускользает. Разум и совесть должны быть развиты одинаково тщательно.

Когда Б. Уичкот говорит о проблеме зла, он, прежде всего, имеет в виду моральное зло. Моральная теория Б. Уичкота заключается в следующем. Человек – свободный моральный агент, наделённый от рождения лишь возможной или даже вероятной свободой. Позитивную или негативную окраску действиям придаёт намерение. Именно отсюда следует, что человек и порочен, и добродетелен. Человек, как моральный агент, обладает и свободой и ответственностью. Б. Уичкот считает, что Бог не мог быть производителем зла. Предшествуя злу, Бог делает все возможное для его предотвращения. Человек же существует после появления зла и поэтому извлекает добро из зла, в меру своей испорченности. Причиной зла Б. Уичкот считает также испытание человека свободой. Но Бог не является партнёром зла. Некоторые разновидности зла имеют природный характер в силу условий существования материи. Другие типы зла обусловлены неправильным

использованием человеком своей природы. Есть также зло, проистекающее из причин противопоставления Богу. Но Б. Уичкот настаивает, что главная причина зла – это создание Богом «вторичных причин», являющихся конечными и уязвимыми. Эти вторичные причины образуют свои законы, по которым существуют вещи. Зло проистекает из ситуации выбора и человек, предпочитающий зло, проклинает себя ещё до Божьего суда. Отсюда следует, что зло нельзя изгнать из мира, т. к. Бог не может использовать силу против своего творения, поскольку его целью было создание свободных моральных агентов. Но, поскольку эти сущности конечны, есть возможность их выхода за пределы повелений Бога. Это несовершенство человека имеет основание в существовании причин, обладающих свободной волей, т. е. предоставленных самим себе. Наше настоящее состояние – это состояние испытания, при котором нам не следует воздерживаться изначально от худшего в пользу лучшего, т.к. если бы мы делали это, то не было бы в моральной жизни ни достоинств, ни недостатков. Но Б. Уичкот никак не объясняет само моральное зло. У него это лишь тенденция, причём, значительно более слабая, чем у пуритан. Б. Уичкот стремится снять с Бога ответственность за зло и переложить ее на человека и, в меньшей степени, на вторичные причины и падших ангелов.

В понятие «добродетели» Б. Уичкот вкладывает смысл, не определяя его с необходимой строгостью. Так, например, он утверждает, что в строгом смысле добродетель обозначает любое моральное совершенство, но выражаясь языком философии, оно относится к благу. Он говорит об интеллектуальной и моральной добродетели, естественной для человека, которая принимается и лучшими людьми за пределами церкви. Некоторые из добродетелей врождённые, то есть, по мнению Б. Уичкота, соотносятся с разумом. Далее Б. Уичкот по сути дела, предвосхищает этические построения

последующего периода, утверждая, что хотя добродетель и хороша сама по себе, она недостаточно хороша, если нет мотива.

Таким образом, в моральном плане вещи могут быть одинаковыми, но иметь различия в мотивах. Добродетель берёт начало в сознании и впоследствии проявляется в действиях. Б. Уичкот считает добродетель естественной, а порок – противоестественным. Добродетель рациональна, порок иррационален и содержит возможность самоуничтожения.

Определённые положения моральной теории Б. Уичкота следует пояснить. Если считать моральные ценности абсолютными и объективными, то, как их можно полагать в то же время случайными, но, наряду с этим, зависящими от мотивов? Однако если считать, что для Б. Уичкота добродетель является таковой в силу намерения свободных моральных агентов, то всё выглядит уже последовательно. Добродетель Б. Уичкота нельзя отнести к моральному совершенству, которое само является благом, но лишь реакциями на абсолютное совершенство свободных моральных агентов.

В рассмотрении естественной этики Б. Уичкот ограничивается лишь трезвостью, справедливостью и набожностью. В Библии Б. Уичкот видит основу для гносеологии и этики. Основа этики, в основном, Новый Завет, но в ней также сильны влияния монотеизма Ветхого Завета.

Под «трезвостью» Б. Уичкот понимает умеренное использование естественных appetitов и игнорирование избыточно материальных запросов. Понятие «трезвости» относится и к умственной дисциплине и к телесной чистоте. Первая известна как скромность или смирение, а вторая как воздержанность. Человек трезвый или иначе, здравомыслящий не позволяет вовлекать себя в противоречия в силу своего убеждения в том, что истина всегда торжествует. Тело следует рассматривать как вместилище души и

поэтому всё следует делать ради здоровья [8]. Вопрос о «трезвости» имеет тесную связь с понятием энтузиазма, которое использовалось для характеристики так называемой неистинной боговдохновенности, приводившей, во-первых, к отходу от канонов установленной религиозной практики, а во-вторых, к целому ряду отрицательных социальных проявлений (от создания разного толка сект до пагубного влияния на здоровье «энтузиаста»). В таких условиях, по общему мнению Кембриджских неоплатоников, именно трезвость и стойкость в вере должны были служить противовесом против ослепления ложными видами откровения.

Хотя наши способности принадлежат нам, у нас нет права использовать их не по назначению. Если последнее происходит, то мы разрушаем наши качества. Трезвость является фундаментальной для нашей природы и сохраняет наши качества. Для Б. Уичкота человек изменчивый есть своего рода моральный монстр. Он считает, что звери живут естественно, по своей природе, не являясь грешниками в силу этого. Но если человек опускается до состояния зверя, то это ещё хуже, так как он идёт против природы. Понятие трезвости совпадает в определенном смысле с представлением Аристотеля о «золотой середине» [9]. Могут ли эти понятия служить стандартом морального суждения? Поскольку Б. Уичкот настаивает на существовании врождённой или изначально присущей добродетели, как же он может выстраивать свою линию о человеческом поведении, основываясь только на принципе «золотой середины». Ведь, следуя его теории, выбор базируется не на том, чтобы найти середину, а на различении добра и зла. И если его теория приемлема для рассмотрения относительных или инструментальных ценностей, то она неприемлема для ценностей универсальных и абсолютных. Путь от трезвости к социальной справедливости прямой, так как, по Б. Уичкоту, если сам человек не руководствуется этим принципом, то он неспособен и к

социальной справедливости и к набожности [10]. Важным с точки зрения развития этического учения как такового, является стремление Б. Уичкота различать справедливость и равенство. Дозволяемое законом и разумом – справедливо, а равенство появляется лишь тогда, когда все обстоятельства учтены. Именно таким образом равенство умеряет строгость законов. Т. е. можно найти справедливость без равенства, хотя иногда можно найти оба аспекта. Однако в случае конфликта между ними, равенство должно преобладать, так как оно не только разумно, но и поддерживает суждение до тех пор, пока все факты не выяснены. Попытка Б. Уичкота расположить равенство над справедливостью совпадает с его представлениями о небезупречности человека (под отсутствием безупречности Б. Уичкот понимает склонность человека к падению), что мораль рациональна, и что наказание исцеляет. Утверждение, что все факты должны быть тщательно взвешены, является сейчас краеугольным камнем суждения о поведении других. Этот принцип используется при конструировании социальных действий, при рассмотрении нарушений, совершаемых несовершеннолетними или умственно отсталыми. Право определяется отношениями волевой обусловленностью или законом. То есть, человек может пользоваться тем, что имеет, как пожелает, а человек при власти может обеспечить действие законов. Тем не менее, и, в подобного рода ситуациях, разум должен преобладать. Если право определено позитивной конституцией, то подразумевается право собственности или власть и поэтому праву человек может распоряжаться тем, что имеет. Таким образом, опираясь на власть, можно создавать законы и наделять их силой. Человек, нарушающий эти законы, неправ в случае, если эти законы основаны на универсальном разуме, а не на чьей-то воле. Подчинение закону, основанному не на рациональной, а на иррациональной базе – это не только попираание собственной природы, но и попираание справедливости и самого Божественного Ума. Таким

образом, неморальное право, такое как право власти или собственности, при применении его к другим, должно удовлетворять требованию разумности. Здесь ясно видна позиция Б. Уичкота в отношении вопроса об Абсолютной Воле, защищаемого Т. Гоббсом и Ж. Кальвином [11]. Исходя из вышеизложенного, можно пересмотреть воззрения Б. Уичкота на личную свободу и на её отношение к социальной ответственности. Он утверждает, что когда в ситуацию вовлечены собственные права человека, то человек свободен действовать без оглядки на других и на Бога. За этим утверждением не стоит убеждение в соответствии прав человека разуму и всему лучшему в его душе. Наша свобода находится лишь в сфере добра, дружбы, взаимопонимания и кончается, если мы нарушаем права других. Именно поэтому нельзя настаивать на достаточности одного лишь волевого акта для оправдания права. Свобода для Б. Уичкота моральна в отличие от аморальной и неморальной. Мы действительно обладаем свободой идти против разума, но это может вести лишь к самоуничтожению. Любовь к справедливости и равенству освобождает человека от сурового наказания, так как он помнит, что наказание лечит, а не унижает. Именно эти принципы устраняют произвол или самоволие при наказании. Поэтому следует прощать раскаявшихся. При наказании следует руководствоваться умеренностью, так как когда человек наказан, он уже частично проклят своей совестью. Если же он наказан сверх меры, то он чувствует себя скорее мучеником, чем преступником. По Б. Уичкоту, угнетения не должно быть вообще, поскольку все люди созданы по образу и подобию Бога и имеют право на достойное обращение. Сила и власть сами по себе не являются благом. Утвердив, таким образом, принцип социальной справедливости, Б. Уичкот пытался применить его к сфере семейных и политических отношений [12].

Вышеуказанные принципы морали характерны для тех Кембриджских неоплатоников, которые взяли на себя смелость изложить свои этические воззрения в более или менее законченном и последовательном виде. Основными выразителями этических взглядов были Ральф Кедворт и Генри Мор. Тем не менее, Б. Уичкот был своего рода основателем этой школы и в его работах содержится первоначальный проект всех последующих разработок в области этики и гносеологии других Кембриджских теологов.

*Исследование проведено в рамках инициативного исследовательского проекта
Российского гуманитарного научного фонда № 12-03-00452
«Из истории кембриджского неоплатонизма XVII века: перевод и научный комментарий к
философскому труду Ральфа Кедворта «Трактат о вечной и неизменной нравственности»,
руководитель проекта – доктор философских наук, проф. Н.В. Голик*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ralph Cudworth.** A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality. London, 1731 // Garland Publishing Inc, New York & London, 1976.
2. **Paul Janet.** Mediateur plastique. Paris, Librairy philosophique de Ladrange, Rue Sait-Andre-des-arts, 41. 1860.
3. **Zimmerman R.** “Henry More und die Vierte Dimension des Raumes” in Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historischen Classe 98 (1881): 403–448).
4. **Whichcote B.** The Works of the Learned Benjamin Whichcote, D.D., Rector of St. Lawrence Jewry London. V I–II – Aberdeen: Printed by J.Chalmers, for Alexander Thomson Bookfeller, and fold at his Shop in the Broadgate, MDCCLI.
5. **James Deotis Roberts.** Sr. From Puritanism to Platonism in XVIIth century England. Martinus Nijhoff / The Hague. – 1968.
6. **Powicke F.J.** The Cambridge Platonists. London, 1926. – P. 51.
7. **Whichcote B.** Moral and Religious Aphorisms. Collected from the Manuscript Papers of The Reverend and Learned Doctor Whichcote; and Published in MDCCLIII by Dr. Jeffery ... Now first published. London. Printed for J.Payne, and Pope’s Head in Pater-Noster-Row. MDCCLIII, Aph. 1055 // Moral and Religious AphorismsWherein are Contained, Many Doctrines of Truth, and Rules of Practice;

Which are of Universal Concernment, and of the greatest Importance in the Life of Man. London. MDCCLIII. “1055: «Expiation (#*polvtrwsi*~) of Sin is made: when, upon something done or suffered, (either or both) according to God’s pleasure appointment and acceptance; God is pacified, the Fault is pardoned, the Guilt extinguished, the Punishment prevented, and the Sinner released.”

8. De Pauley W.C. The Candle of the Lord: Studies in the Cambridge Platonists, London – 1937 PP. 35–36.

9. Аристотель. Никомахова этика, 1107a5.

10. Whichcote B. Moral and Religious Aphorisms. Collected from the Manuscript Papers of The Reverend and Learned Doctor Whichcote; and Published in MDCCLIII by Dr. Jeffery ... Now first published. London. Printed for J.Payne, and Pope’s Head in Pater-Noster-Row. MDCCLIII, Aph. 764 // Moral and Religious Aphorisms Wherein are Contained, Many Doctrines of Truth, and Rules of Practice; Which are of Universal Concernment, and of the greatest Importance in the Life of Man. London. MDCCLIII.

11. Gelder H.A. The two Reformations in the sixteenth Century. The Hague. 1961, Chs. IV–V.

12. Kassirer E. Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge». Leipzig, Berlin, 1932 // Cassirer E. The Platonic Renaissance in England. N.Y., 1953. – PP. 13–15.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АГАФОНОВ Константин Александрович – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: agafonov.k@inbox.ru;

AGAFONOV, Konstantin A. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya St. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: agafonov.k@inbox.ru.

АКОПОВ Артак Каренович – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: art@akbt.ru.

АКОРОВ, Artak K. – St.Petersburg State Polytechnic University. 195251. Politeknicheskaya Sts. 29. St. Petersburg. Russia, e-mail: art@akbt.ru.

АЧКАСОВ Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные политические процессы» факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. 191124, ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: proc@politology.pu.ru

АЧКАСОВ, Valery A. – St. Petersburg State University. 191124, Smolnogo 1/3, 7 entrance, St. Petersburg, Russia; e-mail: proc@politology.pu.ru

БОЛДЫРЕВА Елена Леонардовна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: elena1971@yandex.ru;

BOLDYREVA, Elena L. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: elena1971@yandex.ru;

КАЗАРЯН Артур Рафаэлович – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kazaryanart@rambler.ru.

KAZARYAN, Artur R. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: kazaryanart@rambler.ru.

КЛИМИН Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

KLIMIN, Ivan I. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

КОЛЕСНИК Ирина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: svetlova_i@mail.ru.

KOLESNIK, Irina Ivanovna – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: svetlova_i@mail.ru.

МУКБИЛЬ Мансур Хасан – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного

политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: mansour@list.ru;

MUKBIL, Mansur H. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: mansour@list.ru.

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vmusaev62@mail.ru

MUSAEV, Vadim I. – St. Petersburg State Polytechnical University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: vmusaev62@mail.ru

МУТАГИРОВ Джамал Зейнутдинович – доктор философских наук, профессор кафедры «Международные политические процессы» факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. 191124, ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: proc@politology.pu.ru.

MUTAGIROV, Dzhamal Z. – St. Petersburg State University. 191124, Smolnogo 1/3, 7 entrance, St. Petersburg, Russia; e-mail: proc@politology.pu.ru.

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: idosipov@mail.ru

OSIPOV, Igor D. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: idosipov@mail.ru

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского

государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pavlovaok55@mail.ru;

PAVLOVA, Olga K. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: pavlovaok55@mail.ru;

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pogodin56@mail.ru.

POGODIN, Sergey N. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: pogodin56@mail.ru.

ПОЛЯКОВА Наталья Валерьевна – доцент кафедры «Теория и философия политики» факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1-3, 7-й подъезд; e-mail: belnata70@yandex.ru

POLIAKOVA, Natalia V. – St. Petersburg State University. 191124, Smolnogo 1/3, 7 entrance, St. Petersburg, Russia; e-mail: belnata70@yandex.ru

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ral5@mail.ru.

RIABOVA, Anna L. – St. Petersburg State Polytechnic University; 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: ral5@mail.ru

СЕМЕНОВ Александр Александрович – старший преподаватель Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного

университета. 199034, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Sandro.semenov@gmail.com.

SEMENOV, Alexander A. – St.-Petersburg State University. 199034, University Emb., 11, St. Petersburg, Russia; e-mail: Sandro.semenov@gmail.com.

ТРОСТИНСКАЯ Валентина Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: valtrost@mail.ru;

TROSTINSKAYA, Valentina P. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: valtrost@mail.ru;

ТРОСТИНСКАЯ Ирина Рафаиловна – доцент кафедры «Управление международным сотрудничеством» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: irtrost@mail.ru

TROSTINSKAYA, Irina R. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: irtrost@mail.ru

ТУТАЕВА Римма Усмановна – старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: rimma.tutaeva@gmail.com.

TUTAeva, Rimma U. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: rimma.tutaeva@gmail.com.

ЦЫБ Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного

политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: alex@ac9195.spb.edu.

TSYB, Alexey V. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: alex@ac9195.spb.edu.

ЯГЪЯ Ватаняр Саидович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Мировая политика» Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. 191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.

YAGYA, Vatanyar S. – St. Petersburg State University. 191060, Smolnogo 1/3, 8 entrance, St. Petersburg, Russia; e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.

ЯГЪЯ Талия Саидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные отношения», Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 195251, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: talie2006@mail.ru.

YAGYA, Talie S. – St. Petersburg State Polytechnic University. 195251, Politechnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: talie2006@mail.ru.

АННОТАЦИИ

Ключевые слова

Акопов А.К. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ.

В статье исследуются вопросы формирования информационного общества. Появление такого общества приводит к таким новым феноменам мирополитической жизни, как информационные войны, электронная дипломатия, электронное государство и т. д. Информация становится главным фактором управления современным глобальным миром, основным инструментом властных отношений. Ведущей тенденцией современного мирового развития становится процесс информатизации.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР, ИНФОРМАТИЗАЦИЯ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ, ЭЛЕКТРОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО.

Казарян А.Р. НОВЫЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ФИНЛЯНДИИ.

В данной статье рассматривается международная политика Финляндии после окончания Второй мировой войны. Главной целью работы является изучение становления нового внешнеполитического курса Финляндии, тех факторов, которые поспособствовали ее утверждению на международной арене.

ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА, ПЛАН МАРШАЛА, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, «ЛИНИЯ ПААСИКИВИ-КЕККОНЕНА», ПОЛИТИЧЕСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ.

Колесник И.И., Мукбиль М.Х., Тутаева Р.У. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (СИРИЯ, ЙЕМЕН, ИРАК).

В статье рассматриваются дипломатические отношения России со странами Ближнего Востока, особое внимание уделяется вопросам, касающимся политики, экономики. Отдельно рассматриваются проблемы каждой из этих стран и особое внимание отводится России как стабилизатору в этих регионах.

РОССИЯ, СИРИЯ, ЙЕМЕН, ИРАК. ДИПЛОМАТИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ООН, БЛИЖНИЙ ВОСТОК, НАТО, ГОСУДАРСТВО.

Мутагиров Д.З. АМЕРИКАНИЗАЦИЯ КАК ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ МИРА.

Международные процессы всегда характеризовались взаимовлиянием и взаимопроникновением культур, интернационализацией наиболее передовых ценностей человеческой жизни, показавших свою эффективность на протяжении веков и тысячелетий. Участниками этих процессов являются народы и общества с разными характеристиками и системами ценностей: коллективистские или системные, индивидуалистские или атомарные, классические и относительно молодые. В эпоху глобализации особенно наглядно проявились противоречия между культурами и системами ценностей народов. В статье показаны причины этих противоречий, недопустимость и контра продуктивность навязывания ценностей индивидуалистских обществ народам с тысячелетними традициями.

ОБЩЕСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, КОЛЛЕКТИВИЗМ, ИНДИВИДУАЛИЗМ, ЭМАНСИПАЦИЯ, ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ, АМЕРИКАНИЗАЦИЯ.

Погодин С.Н. ВСТУПЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ В НАТО И ПОЗИЦИЯ РОССИИ.

В статье рассматриваются вопросы политики Финляндии в области безопасности. В основе этой политики лежит партнерство с НАТО. Финляндия никогда не вступала в военные блоки и остается верной политики нейтралитета. Однако внутри страны достаточно много политических сил, стремящихся к вступлению Финляндии в альянс. Официально финское правительство продолжает придерживаться политики неприсоединения к каким-либо военным и политическим блокам. Позиция России по этому вопросу – Финляндия, должна оставаться нейтральной страной.

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ, ФИНЛЯНДИЯ, РОССИЯ, НАТО, ВОЕННЫЕ БЛОКИ, ПОЛИТИКА НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ, НЕЙТРАЛИТЕТ.

Рябова А.Л. СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА УСПЕХА В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ.

Происхождение феномена успеха, в первую очередь, может быть связано с зарождением американской культуры. Соединенные Штаты Америки, будучи лидером Западного мира, представляют собой направленное на успех общество, в системе ценностей которого это понятие занимает главенствующее место. В результате проведенного анализа мы выявили основные ценности,

являющиеся базой концепта «успех» в социальном восприятии американской аудитории. К ним относятся стремление к материальному благосостоянию, трудолюбие, индивидуализм, и образование.

ФЕНОМЕН УСПЕХА, СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ, АМЕРИКАНСКАЯ КУЛЬТУРА, ПУРИТАНИЗМ, ИНДИВИДУАЛИЗМ, РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ, МАССОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Тростинская В.П., Тростинская И.Р. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

В статье рассматриваются вопросы формирования и использования человеческого капитала как ключевого фактора развития современной экономики. Показана обоснованность широкого подхода к оценке человеческого капитала и важно учета не только внутренних, но и внешних факторов – миграции рабочей силы – при управлении человеческим капиталом в России.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ, ИРЧП (ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА), ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, РОЛЬ ГОСУДАРСТВА, ОБРАЗОВАНИЕ, РОССИЯ.

Ягья В.С. О ДИСКУССИЯХ В НАУКЕ ПО ПРОБЛЕМЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ТУРЦИИ В XXI В.

Между Россией и Турцией установилось плодотворное сотрудничество в области науки. Яркий пример тому – «Встречи российских и турецких интеллектуалов», проводимые по инициативе Международного университета города Анталия и Института востоковедения РАН. В статье содержится мнение автора по актуальным вопросам взаимодействия России и Турции в XXI в., Об этом шла речь на второй такой встрече в январе 2014 г. В ней рассмотрена научная дискуссия вокруг евразийства, идей Л.Н. Гумилева, движения Хизмет, диаспоральной политики и других сложных проблем современного развития российско-турецких отношений.

СОТРУДНИЧЕСТВО, НАУКА, ТУРЦИЯ, РОССИЯ, ЕВРАЗИЙСТВО, ПОЛИТИКА, ДИАСПОРА.

Ягья Т.С. РОССИЯ КАК СУБЪЕКТ МИРОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.

В статье рассматривается экономическое положение России в системе международных экономических отношений. В ней представлены показатели, по

которым Россия занимает промежуточное место в мировой экономике между развитыми и развивающимися странами. По мнению автора, её скромные позиции на мировой арене обусловлены созданием и внедрением собственной модели перехода к рыночному обществу, разработкой и реализацией своих реформ. Сегодня ситуация меняется для России к лучшему, поскольку она принимает активное участие в мирохозяйственных процессах, развивает активно внешнеэкономическую деятельность.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ, ЭКСПОРТ, ИМПОРТ, ВАЛОВОЙ ВНУТРЕННИЙ ПРОДУКТ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ, ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ.

Агафонов К.А. НОТНЫЙ КРИЗИС 1961 Г. В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: АНАЛИЗ ПРИЧИН И ПОСЛЕДСТВИЙ.

Статья посвящена нотному кризису 1961 г. в отношениях Финляндии и СССР и его влиянию на проводимую Финляндией политику нейтралитета. Объясняя причины кризиса, автор анализирует основные аспекты внутренней и внешней политики Финляндии в преддверии кризиса (1958–1961 гг.). В статье рассматриваются взгляды финских, российских, скандинавских политиков и историков на причины кризиса. Автор приводит теорию баланса сил в Скандинавии как один из ключевых подходов к пониманию проводимой Великими Державами внешней политики в Скандинавии.

НОТНЫЙ КРИЗИС 1961 Г., ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА ФИНЛЯНДИИ, РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА КЕККОНЕНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФИНЛЯНДИИ, ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФИНЛЯНДИИ В 1958–1961 ГГ., ВЛИЯНИЕ НАТО В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ В 1961 Г., ТЕОРИЯ БАЛАНСА СИЛ В СКАНДИНАВИИ.

Ачкасов В.А. ИЗОБРЕТЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

В статье прослежены основные этапы, способы «изобретения» и попытки практической реализации идеи европейского единства до Первой мировой войны. Автор показывает, что основу для обретения единой Европы искали либо в создании общих политических институтов, либо в конструировании вариантов европейской идентичности.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИИ, ЕВРОПА, ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ, «ДРУГОЙ».

Климин И.И. О НЕКОТОРЫХ ОЦЕНКАХ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Л.Н. ГУМИЛЕВЫМ.

В статье рассматриваются исторические взгляды Л.Н. Гумилева по вопросам истории государства российского. Особое внимание уделено, прежде всего, исследованию раннего и древнего периодов. Дан анализ сформулированной Л.Н. Гумилевым собственной оценки татаро-монгольскому нашествию на Русь.

Л.Н. ГУМИЛЕВ, ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, РУСЬ, ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ.

Мусаев В.И. ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

С начала первой мировой войны политика имперского центра в Великом княжестве Финляндском, которая и ранее характеризовалась стремлением ограничить финляндскую автономию, стала еще более жесткой в связи с военным положением. В этих условиях сепаратистские круги в Финляндии пытались опереться в своей борьбе против центра на поддержку Германии. Немецкое военное руководство, со своей стороны, в своей стратегии ослабления России старалось поддерживать сепаратистское движение на окраинах Российской империи, в том числе в Финляндии. После февральской революции 1917 г. появились реальные предпосылки для восстановления финляндской автономии в полном объеме и её дальнейшего развития.

РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПОЛИТИКА ЦЕНТРА, СЕПАРАТИЗМ.

Павлова О.К. ПЕТЕРБУРГ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX–НАЧАЛО XX ВВ.).

В статье дается характеристика Санкт-Петербургу как торговому, промышленному, финансовому центру Российской империи. Анализируется формирование финансовой структуры в пореформенный период. Исследуются государственные и частные финансовые учреждения.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ, ТОРГОВЛЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ФИНАНСЫ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД.

Болдырева Е.Л. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА.

Статья посвящена ключевым моментам, на которые нужно обратить

внимание при преподавании курса «Социально-политическая система стран Северной Европы». Рассматриваются такие страны, как Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания и Исландия. Обосновывается необходимость именно такого порядка обзора изучаемых стран. Уделяется внимание элементам политической системы этих стран. Сделан обзор наиболее трудных моментов, с которыми сталкиваются студенты при изучении курса.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ, УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА, ПОЛИТИКА, ПРЕЗИДЕНТ, ПАРЛАМЕНТ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ.

Осипов И.Д. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ.

В статье анализируются различные концепции ответственности в европейской философии: эпохи античности (Платон, Аристотель, Цицерон), эпохи Средневековья (Аврелий Августин, Фома Аквинский), Нового времени (Гоббс, Локк, Кант) и современности (Х. Арндт, Д. Бонхоффер, Ж. Маритен, Г. Йонас, Ю. Хабермас). На основании исследования делаются выводы о диалектике концепта ответственности в истории философии, отражающей развитие социокультурных процессов, формирование самосознания личности, прогресс политико-правовых и этических норм. Данный противоречивый и длительный процесс сопровождался формированием культуры ответственности, имеющей свои институциональные особенности, аксиологические и теоретические основания. Отмечается также, что в XX веке выявились и новые тенденции в философской концептуализации ответственности, обусловленные социально-политическими изменениями, глобализацией, и межкультурными трансформациями.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР, ОБЯЗАННОСТЬ, ПРАВО, ЗАКОН, ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, СВОБОДА.

Полякова Н.В. МАРК БЛОК: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ.

Данная статья посвящена исследованию образа Первой мировой войны в контексте становления методологии школы исторической антропологии. Анализ проводится посредством обращения к наследию одного из отцов-основателей исторической антропологии и журнала «Анналы» Мартина Блока, который, будучи ветераном двух мировых войн, размышлял о них в сравнительной перспективе. Первая мировая война анализируется французским ученым сквозь

призму его личных впечатлений и воспоминаний: он свидетельствует и как непосредственный участник этих событий, и как историк, адекватно отвечающий на вызовы современности. Автор полагает, что М. Блок смог выстроить достаточно аргументированные линии исторической и антропологической преемственности между двумя мировыми войнами. Делается вывод о том, что в работах французского историка создано многогранное, наполненное антропологическими характеристиками полотно событий первой мировой войны, рассмотренной сквозь призму причин и факторов «странного поражения» Франции в 1940 г.

МИРОВАЯ ВОЙНА, «СТРАННОЕ ПОРАЖЕНИЕ» 1940 Г., ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ ИЛЛЮЗИИ, СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕССИМИЗМ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, ИСТОРИЧЕСКАЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.

Цыб А.В., Семенов А.А. ОСОБЕННОСТИ ЭТИКИ КЕМБРИДЖСКИХ НЕОПЛАТОНИКОВ: НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ Б. УИЧКОТА.

В статье затронуты вопросы особой роли этических взглядов Б. Уичкота на формирование учений Кембриджских неоплатоников о природе блага, свободы и спасения.

КЕМБРИДЖСКИЕ ПЛАТониКИ, БЕНЖАМИН УИЧКОТ, АКТИВНОСТЬ, РАЗУМ, РЕЛИГИЯ ОТКРОВЕНИЯ, ЕСТЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ, ДЕИЗМ, МАТЕРИЯ, РАЗУМ, ПРАВО, НЕМОРАЛЬНОЕ ПРАВО.

ABSTRACTS

Keywords

Akopov A.K. THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE XXI CENTURY INFORMATION SOCIETY.

The article investigates the problems of information society formation. The appearance of this society results in the new world political life phenomenon: e. g. information wars, electronic diplomacy, electronic state and etc. Information turns out to be the main factor of the modern world governance, the main instrument of all powerful relations. The information process is becoming the leading tendency of the contemporary world development.

GLOBAL WORLD, INFORMATION, INFORMATION SOCIETY, INFORMATION WARS, ELECTRONIC DIPLOMACY, ELECTRONIC STATE.

Kazaryan A.R. NEW FOREIGN-POLICY COURSE OF FINLAND.

This article examines the international police of Finland after the Second World War. The main goal is to study the formation of a new foreign political course, the factors that contributed to its approval in the international arena.

POLICY OF NEUTRALITY, PAASIKIVI-KEKKONEN LINE, INTERNATIONAL PARTNERSHIP, MARSHALL PLAN, POLITICAL SETTLEMENT.

Mukbil M.H., Kolesnik I.I., Tutaeva R.U. DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST (SYRIA, YEMEN, IRAQ).

The article deals with the diplomatic relations between Russia and the countries of the Middle East, focusing on issues related to politics, economy. We consider separately the problems of each of these countries and special attention is given to Russia as a stabilizer in these regions.

RUSSIA, SYRIA, YEMEN, IRAQ. DIPLOMACY, POLITICS, ECONOMICS, UNITED NATIONS, MIDDLE EAST, NATO, STATES.

Mutagiroy D.Z. AMERICANIZATION AS A DANGER TO THE HUMANISTIC VALUES OF THE PEOPLES OF THE WORLD.

International processes always were characterized by a reciprocal and mutual influence and interpenetration of cultures, by internationalization of the most

advanced values of human life, which showed their efficiency during the centuries and millennia. Many peoples and societies with different characteristics and value systems (collectivist or holistic and atomic, classical and relatively young) participate in these processes. Especially in the era of globalization have been evident contradictions between cultures and value systems of the peoples. The article shows the reasons for these differences, the inadmissibility and contra productivity to impose values of the individualist societies upon the peoples with millennial cultural traditions.

SOCIETY, CIVILIZATION, GLOBALIZATION, NATIONAL VALUES, COLLECTIVISM, INDIVIDUALISM, EMANCIPATION, WESTERNIZATION, AMERICANIZATION.

Pogodin S.N. THE ENTRANCE OF FINLAND INTO NATO AND THE POSITION OF RUSSIA.

The article discusses the Finnish policy in the sphere of safety. The partnership with NATO contains the basis of this policy. Finland has never joined any military alliances and keeps being devoted to the policy of neutrality. However, there are enough political forces inside the country that look forward to Finland joining the alliance. The Finnish Government officially keeps following the policy of non-joining any military or political blocs. The position of Russia about the problem concerned is as following, Finland should keep being the neutral state.

POLICY OF SAFETY, FINLAND, RUSSIA, NATO, MILITARY BLOCS, POLICY OF NON-JOINING, NEUTRALITY.

Riabova A.L. THE SOCIAL PERCEPTION OF THE SUCCESS PHENOMENON IN AMERICAN CULTURE AND POLITICS.

First of all, the success phenomenon origin should be connected with the conception of American culture. The United States, being the leader of the Western world represents the society targeted at success where this notion occupies the leading position in the system of values. Having done some investigation work we found out the main values that form the ground for “success” in the social perception of American audience. Those special values are the aspiration for financial well-being, diligence, individualism and education.

SUCCESS PHENOMENON, SYSTEM OF VALUES, AMERICAN CULTURE, PURITANISM, INDIVIDUALISM, EQUAL OPPORTUNITIES, FINANCIAL WELL-BEING, MASS MEDIA, EDUCATION, PUBLIC OPINION.

Trostinskaya V.P., Trostinskaya I.R. HUMAN CAPITAL OF MODERN RUSSIA.

This article discusses the formation and use of human capital as a key factor in the development of a modern economy. Shows the validity of a broad approach to the evaluation of human capital and it is important to account not only internal, but also external factors - labor migration - in the management of human capital in Russia.

HUMAN CAPITAL, THE HDI (HUMAN DEVELOPMENT INDEX), ECONOMIC GROWTH, THE ROLE OF GOVERNMENT, EDUCATION, RUSSIA.

Yagya V.S. ABOUT DISCUSSIONS IN SCIENCE ON THE ISSUE OF RELATIONS OF RUSSIA AND TURKEY IN XXI CENTURY.

This article discusses the nature of the discussion of bilateral relations between Russia and Turkey. Provides a historical analysis of the approaches to the problem of relations between the two countries on the basis Behaviorism. We analyze the concept of passionate L.N. Gumilev, studied political concepts Gülen, Recep Tayyip Erdogan.

INTERNATIONAL RELATIONS, BILATERAL RELATIONS, RUSSIA, TURKEY, BIHEYVORIZM, L.N. GUMILEV, POLITICIANS, FETHULLAH GULEN, RECEP TAYYIP ERDOGAN.

Yagya T.S. RUSSIA AS A PART OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS.

The article describes the economic situation in the Russian system of international economic relations. It presents indicators about the intermediate position of Russia in the world economy between developed and developing countries. According to the author, Russia deploys rather low-profile position in the world due to the creation and implementation of its own model of transition to a market society. Among other things Russia develops and implements its reforms. Meanwhile the situation for Russia is changing for the better, because it takes an active part in global economic processes, participates actively in foreign trade.

FOREIGN TRADE, EXPORTS, IMPORTS, GROSS DOMESTIC PRODUCT, COMPETITIVENESS, FOREIGN INVESTMENT.

Agafonov K.A. THE NOTE CRISIS OF 1961 IN FINNO-SOVIET RELATIONS: THE IMPLICATION OF GROUNDS AND CONSEQUENCES.

The article is devoted to the Note Crisis in Finno-Soviet relations in 1961 and its impact on the foreign policy of neutrality conducted by Finland. Considering the grounds of the crisis, author examines the main bearings of domestic and foreign

policy of Finland on the threshold of the crisis (1958-1961). The main accounts of the crisis provided by the Russian, Finnish and Scandinavian politicians and historians are analyzed in the article. Author resorts to the theory of Nordic Balance as the most exemplary approach to understanding of the nature of foreign policy of Great Powers in the North of Europe.

NOTE CRISIS OF 1961, THE FINNISH FOREIGN POLICY OF NEUTRALITY, THE ROLE OF PRESIDENT URHO KEKKONEN IN FOREIGN POLICY OF FINLAND, DOMESTIC POLICY DEVELOPMENT IN FINLAND IN 1958-1961, THE INFLUENCE OF NATO IN NORTHERN EUROPE IN 1961, THE THEORY OF NORDIC BALANCE.

Achkasov V.A. THE INVENTION OF EUROPEAN TRADITION: FROM SOURCE TO WORLD WAR I.

The article depicts the main stages and techniques of “invention” and practical realization of idea of European unity in period before World War I. The author shows that the basis for the finding of a united Europe were looking for or creating a common political institutions, or in the construction of European identity options.

THE INVENTION OF TRADITION, EUROPE, EUROPEAN IDENTITY, EUROPEAN IDEA, “OTHER”.

Klimin I.I. CERTAIN ESTIMATES OF RUSSIAN STATE HISTORY MADE BY L.N. GUMILEV.

The article considers the historical views of L.N. Gumilev on the history of Russian State problems. Particular attention is paid mainly on the early and ancient period’s investigation. The analysis of L.N. Gumilev’s formulated assessment of the Mongol invasion to Russia is given.

L.N. GUMILEV, RUSSIAN STATE HISTORY, RUSS, MONGOL INVASION.

Musaev V.I. POLITICAL ASPECTS OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND FINLAND DURING THE WORLD WAR ONE.

As the World War One broke out, the policy of the imperial center towards the Great Duchy of Finland, which had been directed at limiting the Finnish autonomy, became still stricter due to the martial law. In these circumstances Finnish separatist circles in their struggle against the center tried to get support from Germany. The German military leadership, in its turn, was interested in rendering support to separatist movement in the Russian border regions, including Finland, in its aspiration to weaken Russia. After the February revolution of 1917 there appeared real

conditions for restoration of the Finnish autonomy in full amount and its further development.

RUSSIA, FINLAND, WORLD WAR ONE, DEFENSIVE MEASURES, CENTER'S POLICY, SEPARATISM.

Pavlova O.K. PETERSBURG AS AN ECONOMIC AND FINANCIAL CENTER AUTOCRATIC RUSSIA (THE SECOND HALF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES).

The article describes the city of St. Petersburg as a commercial, industrial, financial center of the Russian Empire. We analyze the formation of the financial structure in the post-reform period. Investigates public and private financial institutions.

ST. PETERSBURG, RUSSIA, TRADE, INDUSTRY, FINANCE, THE RUSSIAN EMPIRE, THE POST-REFORM PERIOD.

Boldyreva E.L. SOCIAL AND POLITICAL SYSTEM OF THE NORTHERN EUROPE COUNTRIES AS A STUDY DISCIPLINE.

This article describe a important for a teaching of Social and Political System of Northern Europe Countries study discipline heavy and key points. Finland, Sweden, Norway, Denmark and Iceland are reviewing here. There are explaining the studying countries succession. The author pay attention to the elements of these countries. The article do a review of the most hard moments for the students.

SOCIAL AND POLITICAL SYSTEM, NORTHERN EUROPE COUNTRIES, STUDY DISCIPLINE, POLICY, PRESIDENT, PARLIAMENT, POLITICAL PARTIES.

Osipov I.D. PARADIGM OF RESPONSIBILITY IN EUROPEAN PHILOSOPHY.

This article analyzes the various concepts of responsibility in European philosophy: Antiquity (Plato, Aristotle, Cicero), Middle Ages (St. Augustine, St. Thomas Aquinas), Modern Times (Hobbes, Locke, Kant) and modernity (H. Arendt, D. Bonhoffer, J. Maritain, G. Yonas, J. Habermas). Based on the research conclusions about the dialectic of the concept of responsibility in the history of philosophy, reflecting the development of socio-cultural processes, the formation of self-consciousness, the progress of political, legal and ethical standards. This controversial and long-process was accompanied by the formation of a culture of responsibility, having its institutional features, axiological and theoretical grounds. It is also noted that in the twentieth century and the new trends emerged in the philosophical

conceptualization of responsibility caused social and political changes, globalization and cross-cultural transformations.

ACCOUNTABILITY, JUSTICE, SOCIAL CONTRACT, OBLIGATION, RIGHT, LAW, PERSONALITY, CULTURE, FREEDOM.

Poliakova N.V. MARK BLOCH: THE FIRST WORLD WAR IN THE CONTEXT OF HISTORICAL ANTHROPOLOGY.

This article is devoted to the study of the image of World War I in the context of the formation of the methodology of the school of historical anthropology. The analysis is carried out by reference to the legacy of one of the founding fathers of historical anthropology and the journal "Annals" Martin Block, who, as a veteran of two World Wars, was thinking about them in comparative perspective. World War I is analyzed by the French scientist through the prism of his personal impressions and memories: he testifies, and as a direct participant in these events, and as a historian, adequately responding to the challenges of modernity. The author believes that the M Block was able to build a fairly well-reasoned line of historical and anthropological continuity between the two World Wars. The conclusion is that in the writings of the French historian created multi-faceted, full of anthropological characteristics of canvas event World War I, which is viewed through the prism of the causes and factors "strange defeat» of France in 1940.

WORLD WAR I, «STRANGE DEFEAT» 1940, HISTORICAL ANTHROPOLOGY, CULTURAL ILLUSIONS, SOCIAL PESSIMISM, INTELLECTUALS, COMPARATIVE PERSPECTIVE, HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL CONTINUITY.

Tsyb A.V., Semenov A.A. CAMBRIDGE PLATONISTS ETHICS IN B. WHICHCOTE'S PHILOSOPHICAL HERITAGE.

Ethical teachings of Cambridge Platonists are viewed through the prism of the group founder B. Whichcote s ideas on good freedom and atonement. Ethics is searched in the sphere of natural laws in social life.

CAMBRIDGE PLATONISTS, BENJAMIN WHICHCOTE, ACTIVITY, REASON, REVEALED RELIGION, DEISM, MATTER, MIND, LAW, IMMORAL LAW.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

Акопов А. К. Общая характеристика информационного общества в XXI веке	6
Казарян А.Р. Новый внешнеполитический курс Финляндии	12
Колесник И.И., Мукбиль М.Х., Тутаева Р.У. Дипломатические отношения России со странами Ближнего Востока (Сирия, Йемен, Ирак)	21
Мутагиров Д.З. Американизация как опасность для гуманистических ценностей народов мира	37
Погодин С.Н. Вступление Финляндии в НАТО и позиция России	58
Рябова А.Л. Социальное восприятие феномена успеха в американской культуре и политике	78
Тростинская В.П., Тростинская И.Р. Человеческий капитал современной России	91
Ягья В.С. О дискуссиях в науке по проблеме отношений России и Турции в XXI в.	111
Ягья Т.С. Россия как субъект мировых экономических отношений	123

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ
КОНТЕКСТЕ

Агафонов К.А. Нотный кризис 1961 г. в советско-финляндских отношениях: анализ причин и последствий	138
Ачкасов В.А. Изобретение европейской традиции: от истоков до Первой мировой войны	152
Климин И.И. О некоторых оценках истории государства российского Л. Н. Гумилевым	183
Мусаев В.И. Политические аспекты взаимоотношений России и Финляндии в период Первой мировой войны	196
Павлова О.К. Петербург как экономический и финансовый центр самодержавной России (вторая половина XIX – начало XX вв.)	229

**ПАРАДИГМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Болдырева Е.Л. Социально-политическая система стран Северной Европы как учебная дисциплина	244
Осипов И.Д. Проблема личной и коллективной ответственности в европейской философии	255
Полякова Н.В. Марк Блок: Первая мировая война в контексте исторической антропологии	274
Цыб А.В., Семенов А.А. Особенности этики кембриджских неоплатоников: на примере философского наследия Б. Уичкота	284
Сведения об авторах	296
Аннотации. Ключевые слова	302

CONTENTS

CONTEMPORARY PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS

Akopov A. K. The main characteristics of the XXI century information society ..	6
Kazaryan A.R. New foreign-policy course of Finland	12
Kolesnik I.I., Mukbil M.H., Tutaeva R.U. Diplomatic relations between Russia and the countries of the Middle East (Syria, Yemen, Iraq)	21
Mutagiurov D.Z. Americanization as a danger to the humanistic values of the peoples of the world	37
Pogodin S.N. The entrance of Finland into NATO and the position of Russia .	58
Riabova A.L. The social perception of the success phenomenon in american culture and politics	78
Trostinskaya V.P., Trostinskaya I.R. Human capital of modern Russia	91
Yagya V.S. About discussions in science on the issue of relations of Russia and Turkey in XXI century	111
Yagya T.S. Russia as a part of international economic relations	123

INTERNATIONAL RELATIONS IN HISTORICAL DIMENSION

Agafonov K.A. The note crisis of 1961 in finno-soviet relations: the implication of grounds and consequences	138
Achkasov V.A. The invention of European tradition: from source to World War I	152
Klimin I.I. Certain estimates of Russian state history made by L.N. Gumilev	183
Musaev V.I. Political aspects of relations between Russia and Finland during the World War One	196
Pavlova O.K. Petersburg as an economic and financial center autocratic Russia (the second half XIX – beginning of XX centuries)	229

PARADIGMS OF EUROPEAN SOCIAL-POLITICAL PHILOSOPHY

Boldyreva E.L. Social and political system of the Northern Europe countries as a study discipline	244
--	-----

Osipov I.D. Paradigm of responsibility in European philosophy	255
Poliakova N.V. Mark Bloch: the First World War in the context of historical anthropology	274
Tsyb A.V., Semenov A.A. Cambridge platonists ethics in B. Whichcote's philosophical heritage	284
Authors	296
Abstracts. Keywords	309

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES**

Сборник научных статей

№ 2 (2013)

Ежегодное издание

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.

Сборник составлен под редакцией С.Н. Погодина

Редакция

*Осипов И.Д. – научный редактор
Павлова О.К. – литературный редактор, корректор
Марченко М.А. – дизайнер обложки
Лютинская О.В. – компьютерная верстка
Гришина Н.Ю. – перевод на английский язык
Манцерова И.В. – выпускающий редактор*

Тел. Редакции: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

Электронный адрес редакции: e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

*Подписано в печать 27.10.2014 Формат
Усл. печ. л. Тираж Заказ*

*Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного редакционной коллегией,
в типографии издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*